

**УНИВЕРСИТЕТ ЕВРОПЕЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ЗНАНИЙ ИМЕНИ КОНСТАНТИНА СТЕРЕ**

**На правах рукописи
С.З.У.: 342.5 (043.3)**

МАЛЯРЧУК ОКСАНА АНАТОЛЬЕВНА

**ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ: РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНИЕ**

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 551.01 – ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА

Диссертация на соискание ученой степени доктора права

Научный руководитель:
доцент, доктор права _____ **Валентина КОПТИЛЕЦ,**

Автор: **Оксана МАЛЯРЧУК** _____

КИШИНЭУ, 2022

**UNIVERSITATEA DE STUDII POLITICE ȘI ECONOMICE EUROPENE
«CONSTANTIN STERE»**

Cu titlu de manuscris
C.Z.U.: 342.5 (043.3)

MALEARCIUC OXANA

**PRINCIPIUL SEPARAȚIEI PUTERILOR: EVOLUȚIE ȘI STARE
ACTUALĂ**

SPECIALITATEA 551.01 – TEORIA GENERALĂ A DREPTULUI

TEZĂ DE DOCTOR ÎN DREPT

Conducător științific: **COPTILEȚ Valentina,**
doctor în drept, conf.univ. _____

Autor: **MALEARCIUC Oxana** _____

CHIȘINĂU, 2022

© МАЛЯРЧУК Оксана, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

АННОТАЦИЯ (на русском, английском и румынском языках)	5
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	8
ВВЕДЕНИЕ	9
1. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В ПРАВОВОЙ НАУКЕ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ	18
1.1. Проблематика разделения властей в аспекте доктринального развития и на современном этапе	18
1.2. Современные трактовки сущности и значения принципа разделения властей в отечественной научной юридической литературе	26
1.3. Теоретические основы разделения властей в современной зарубежной правовой литературе	37
1.4. Выводы по Главе 1	44
2. ДОКТРИНАЛЬНАЯ ОСНОВА ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ	48
2.1. Предпосылки возникновения и периодизация развития принципа разделения властей	48
2.2. Формирование классической модели разделения властей	63
2.3. Современные трактовки теории и принципа разделения властей	76
2.4. Выводы по Главе 2	96
3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МЕХАНИЗМЕ	98
3.1. Сравнительный анализ форм и моделей реализации принципа разделения властей	98
3.2. Проблема нетипичных ветвей власти в современном государстве	128
3.3. Практика разделения властей в странах молодых демократий	138
3.4. Реализация принципа разделения властей в Республике Молдова	150
3.5. Выводы по Главе 3	163
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	168
БИБЛИОГРАФИЯ	177
ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	205
CV АВТОРА	206

ADNOTARE

Malearciuc Oxana. *«Principiul separarea puterilor: evoluție și stare actuală».* Teză pentru obținerea titlului științific de doctor în drept. Specialitatea: 551.01 - Teoria generală a statului și a dreptului, 2022.

Structura tezei: introducere, 3 capitole, concluzii, bibliografie din 328 surse, 176 de pagini de text.

Cuvinte-cheie: separarea puterilor, concept, teorie, ramuri ale puterii, puterea legislativă, puterea executivă, puterea judecătorească, echilibrul puterilor, «verificări și balanțe», puterea «neutră».

Domeniul de studiu: Drept public. 551.01. Teoria generală a statului și a dreptului.

Scopul și obiectivele tezei. Scopul lucrării: analiza complexă a problemelor de formare și dezvoltare a conceptului de separare a puterilor în temeiul principiilor teoretice, practicii de interacțiune a organelor puterii de stat în prezent în vederea transformării teoriei date într-un principiu fundamental și esențial al unui stat de drept democratic modern, precum și perfecționarea legislației Republicii Moldova cu privire la organizarea mecanismului de stat și a organelor puterii publice.

Obiectivele studiului: a analiza premisele istorice de formare a principiului separării puterilor; a cerceta particularitățile de dezvoltare a principiului separării puterilor în știința juridică în diferite etape, a identifica tendințele actuale în dezvoltarea acestuia; a dezvălui conținutul conceptual al principiului separării puterilor; a dezvălui intercondiționarea principiului separării puterilor de stat și a esenței statului de drept democratic; a identifica trăsăturile de fond ale realizării separației puterilor, specifice diferitelor modele de organizare a interacțiunii instituțiilor juridice de stat; a evalua potențialul principiului separării puterilor în asigurarea raționalității administrației de stat în statele moderne.

Noutatea și originalitatea științifică a lucrării este determinată de faptul că se realizează studiul complex și interpretarea principiului separării puterilor din punct de vedere retrospectiv, cât și din punct de vedere actual, în condițiile statului modern. Caracterul novator al lucrării este determinat de recomandările formulate, ca rezultat al investigațiilor, orientate spre înlăturarea lacunelor existente în cadrul normativ național, fiind oferite soluții reale de îmbunătățiri și propuneri de lege ferenda.

Problema științifică importantă soluționată. Problema științifică soluționată constă în abordarea complexă a principiului separației puterii și accentuarea potențialului funcțional (juridic și organizatoric) al acestuia în calitate de garant al asigurării esenței și durabilității unui stat de drept democratic.

Importanța teoretică și valoarea aplicativă a lucrării constă în faptul că cercetările, constatările din conținut dezvoltă și completează acele compartimente ale teoriei și istoriei statului și dreptului, dedicate studierii principiului separării puterilor, aducând un surplus informațional și analitic. Concluziile generale și recomandările formulate în rezultatul investigațiilor pot fi un suport solid pentru perfecționarea cadrului legislativ și de reglementare al Republicii Moldova și al altor țări cu democrații tinere.

Implementarea rezultatelor științifice. Rezultatele activității științifice, cu referire la aspecte importante ale cercetării au fost prezentate la multiple conferințe internaționale, elaborate și publicate articole în reviste științifice, ceea ce a contribuit la îmbogățirea bazelor teoretice ale teoriei separării puterilor din spațiul științific național. Rezultatele cercetării sunt utilizate în predarea teoriei statului și dreptului și a altor discipline juridice.

АННОТАЦИЯ

Малярчук Оксана. Диссертация на соискание ученой степени доктора права. Специальность: 551.01 - Теория государства и права, 2022.

Структура диссертации: введение, 3 главы, заключение, библиография из 328 источников, 176 страниц текста работы.

Ключевые слова: разделение властей, концепция, теория, ветви власти, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть, баланс властей, «сдержки и противовесы», «нейтральная» власть.

Область исследования: Публичное право. 551.01. Общая теория государства и права.

Цель и задачи диссертации. Цель работы: комплексное исследование вопросов возникновения и эволюции концепции разделения властей на основе глубокого анализа выработанных наукой доктринальных позиций, а также фактического взаимодействия органов государственной власти современных государств и трансформации данной идеи в форму основополагающего и краеугольного принципа современного демократического правового государства, формулирования предложений по дальнейшему совершенствованию законодательства; Республики Молдова по вопросу организации государственного механизма и органов публичной власти.

Задачи исследования: определить состояние научной разработанности принципа разделения властей в юридической литературе, проанализировать и оценить вклад разных авторов в концепцию разделения властей; на основе многочисленных авторских подходов, выявить предпосылки для формирования цельной системы признаков и черт в содержании теории разделения властей; проследить путь и причины трансформации идей о разделении властей в классическую теорию, а затем – в один из принципов рациональной организации современного государства; вычленить основные этапы развития принципа разделения властей; обосновать роль и значение их идей для становления принципа разделения властей; рассмотреть особенности практического воплощения принципа разделения власти в в Республике Молдова; оценить возможности принципа разделения властей; оценить возможность принципа разделения государственной власти в обеспечении рациональности государственного управления в современных государствах.

Новизна и научная оригинальность работы выражается в том, что она содержит попытку комплексного исследования трактовок принципа разделения властей, как в исторической ретроспективе, так и в условиях современного государства. Инновационные элементы определяются рекомендациями, сформулированными для устранения существующих пробелов в национальной нормативной базе, имеющих отношение к теме исследования.

Решенная важная научная проблема заключается в комплексном подходе к раскрытию юридического и организационного потенциала принципа разделения государственной власти, выступающего в известной мере гарантом обеспечения сущности и устойчивости демократического правового государства.

Теоретическая значимость и прикладная ценность работы заключается в том, что сформулированные в ней положения развивают и дополняют те разделы теории и истории государства и права, которые посвящены изучению исследуемого принципа разделения властей. Общие выводы и предложения, сформулированные в качестве результатов исследования, могут быть использованы для совершенствования нормативно-правовой базы Республики Молдова и других стран молодых демократий.

Внедрение научных результатов. Результаты научной деятельности по различным аспектам темы данного диссертационного исследования были представлены на нескольких международных конференциях и опубликованы в научных журналах, что способствовало обогащению основ теории разделения властей. По теме диссертации был опубликован ряд научных статей. Результаты диссертации используются при преподавании теории государства и права и отраслевых дисциплин.

ABSTRACT

Malyarchuk Oksana. *«The principle of division of authorities: development and present state». Thesis for obtaining a scientific doctorate in law. Specialty: 551.01 - General theory of state and law, 2022.*

Thesis structure: introduction, three chapters, conclusion, bibliography from 328 sources, 176 pages of work text.

Keywords: separation of powers, concept, theory, branches of power, legislative power, executive power, judicial power, balance of powers, «checks and balances», «neutral» power.

Field of study: General theory of state and law.

The purpose and objectives of the dissertation. Purpose of work: a comprehensive study of the problems of formation and development of the concept of separation of powers on the basis of an analysis of theoretical principles, real practice of interaction between state authorities of modern states and the transformation of this idea in the form of a fundamental and cornerstone principle of a modern democratic state of law; improvement of the legislation of the Republic of Moldova on the organization of the state mechanism and public authorities.

Research objectives: to analyze the historical background of the formation of the principle of separation of powers; to study the features of the development of the principle of separation of powers in legal science at different stages, to identify current trends in its development; reveal the conceptual content of the principle of separation of powers; to reveal the interdependence of the principle of separation of state power and the essence of democratic legal statehood; to identify the substantive features of its implementation inherent in various models of the organization of interaction of state-legal institutions; to assess the possibility of the principle of separation of state power in ensuring the rationality of public administration in modern states.

The novelty and scientific originality of the work is expressed in the fact that it contains an attempt to comprehensively study the interpretations of the principle of separation of powers, both in historical retrospective and in the conditions of the modern state. Innovative elements are determined by recommendations formulated to address existing gaps in the national regulatory framework relevant to the topic of the study.

An important scientific problem that has been solved is a comprehensive approach to uncovering the legal and organizational potential of the principle of separation of state power, which to a certain extent guarantees the essence and stability of a democratic state of law.

The theoretical significance and applied value of the work lies in the fact that the provisions formulated in it develop and supplement those sections of the theory and history of state and law that are devoted to the study of the principle of separation of powers under study. The general conclusions and suggestions formulated as the results of the study can be used to improve the legislative and regulatory framework of the Republic of Moldova and other countries of young democracies.

The introduction of scientific results. The results of scientific activity on various aspects of the topic of this dissertation research were presented at several international conferences and published in scientific journals, which contributed to the enrichment of the theoretical foundations of the theory of separation of powers. A number of scientific articles have been published on the topic of the dissertation. The results of the dissertation are used in teaching the theory of state and law and other legal disciplines.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

в. (вв.) – век (века)

г. - год

п. - пункт

ст. - статья

ч. - часть

и т.д.- и так далее

и др. - и другие

ЕС - Европейский Союз

ООН - Организация Объединенных Наций

СНГ - Содружество Независимых Государств

РМ - Республика Молдова

РФ - Российская Федерация

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

США - Соединенные Штаты Америки

ФРГ – Федеративная Республика Германия

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и значение избранной темы

Выбор темы работы был обусловлен тем, что теория разделения властей давно перестала быть абстрактной идеалистичной доктринальной догмой, ее воплощение стало обязательным принципом и признаком любого современного государства, позиционирующего себя в качестве демократического и правового. Теория разделения властей находится на той стадии развития, когда она институционализировалась в законодательство и воспринимается как один из превостепенных устоев гражданского общества. Так, в числе основных принципов организации государства, ч. (3) ст.1 Конституции Республика Молдова закрепляет: «Республика Молдова - демократическое правовое государство» [144]. В развитие указанной нормы, статья 6 Конституции, именуемая «Разделение и взаимодействие властей», конституирует один из базовых организационных принципов современной государственности: «В Республике Молдова законодательная, исполнительная и судебная власти разделены и взаимодействуют при осуществлении своих прерогатив в соответствии с положениями Конституции» [144].

Размежевание государственной власти на ветви, самостоятельные по отношению друг к другу, «призвано обеспечивать, как результат, необходимое соотношение интересов, что делает власть цельной и единой» [171, с. 46]. Одновременно невозможно представить единое государство, его нормальное функционирование без сотрудничества ее отдельных органов и даже ветвей власти, без системной общей работы всего государственного механизма, без слаженности действий в деле решения общегосударственных задач. Действительно, можно отметить такую современную тенденцию, что, направляя основные усилия на конструирование идеальной системы разделения властей на основе ее классической модели, зачастую утрачивается аспект, касающийся необходимости обеспечить единство государственной власти, от которого напрямую зависит качество управления и гибкость управляемости территории государства. Экономические и политические основы современного государства, по мнению ряда специалистов, также зависят от разделения властей. В.А. Овчинников отмечает в этой связи, что «в правовом государстве государственное регулирование экономической деятельностью, в отличие от тоталитарного не учреждает экономический строй общества, а только создает условия и охраняет главные начала и принципы, которые основаны на правах и свободах. Эти начала не порождают какой-то одной политической идеологии, они носят демократический и гуманистический характер. На таких же основах строится отношение правового государства к политической деятельности людей» [202, с.121].

Соотношение и равновесие различных ветвей власти напрямую будет соотноситься с соответствующими полномочиями государства в законодательной, исполнительной и судебной сферах, в то время как разногласия между ними следует преодолевать исключительно на основе и в рамках закона.

Размышления об «идеальном устройстве общества и государства и государственной власти непременно направит нас к тем истокам, на которых и в настоящее время строятся известные ныне стандарты для характеристики его ключевых свойств» - так сегодня оценивается роль изучения концептуальных основ принципа разделения властей [252, с.12]. Теоретические исследования концепции разделения властей вызваны необходимостью продолжения поиска сбалансированной формы разделения властей на фоне усложнения функций современного государства, которая способна обеспечить высокую эффективность работы государственного механизма.

Моментом появления в высоко развитых сегодня странах такого явления как демократия в современном ее понимании, где человек и его права, свободное развитие человеческой личности, признаются высшими ценностями, признан тот исторический период, когда такие задачи утвердились в качестве основных функций и направлений деятельности государства. Актуальность вопросов о разделении властей сохраняется до настоящего времени, в частности, для правовой и других социально-гуманитарных наук тех стран, которые появились на карте мира в конце XX века и развиваются как молодые демократии, и воспринявшие данный принцип в ходе своего государственного строительства. Для этих стран, в число которых входит и Республика Молдова, такая концепция построения системы органов государственной власти стала новеллой, поскольку длительный период принцип разделения властей категорически отвергался, ему был противопоставлен принцип единства «власти Советов», воплощавших в себе единство законотворческих, исполнительно-распорядительных и контрольных функций.

И только в ходе масштабных демократических преобразований в странах Восточной Европы и странах бывшего Советского Союза принцип разделения был признан, юридически закреплён и стал реализовываться на практике. Подобное восприятие было напрямую связано с провозглашением такого фундаментального принципа современного государства как правовое государство. Поэтому именно с этого времени началась разработка проблематики принципа разделения властей, как в теоретическом, так и практическом его преломлении [68;157;165;174;237]. Проведенные исследования различных аспектов принципа разделения властей на современном этапе требуют комплексного осмысления и системного подхода для создания общей

теоретической основы для развития государства на соответствующей ступени его развития.

Вместе с тем обобщенного теоретического исследования данной проблемы в Республике Молдова и во многих других постсоветских государствах пока не состоялось, чем и обусловлен выбор темы.

Впервые в наиболее завершенном виде доктринальное объяснение сущности теории разделения властей дали Дж. Локк и Ш.Л. Монтескье, которые, по сути, заслуженно признаются авторами классического варианта данной концепции. С тех пор над принципом разделения государственной власти размышляли многие зарубежные и отечественные государствоведы, работы которых легли в основу данного исследования - Л. Дюги, Н.М. Коркунов, Ж. Руссо, А. Эсмен и другие авторы [83; 99; 147; 244; 281; 295]. В современной период по данной проблематике в различных контекстах выступали со своими размышлениями, и их концепции были использованы в работе, такие специалисты как А. Арсени, А. Негру, Б. Негру, Д. Балтаг, С. Горюк, В. Попа, А. Смокина, И.Л. Бачило, А.А. Мишин, Л.А. Окуньков, В.Е. Чиркин, Л.М. Энтин и многие другие авторы [63; 191; 192; 203; 204; 272; 275; 280]. Однако, научных работ, специально посвященных принципу разделения государственной власти явно недостаточно. Тем более что, как в Республике Молдова, так и в других постсоветских государствах, нормативно-правовое содержание принципа разделения государственной власти составляет основу форм ее правления и государственного устройства.

Цель работы заключается в комплексном исследовании вопросов возникновения и эволюции концепции разделения властей на основе глубокого анализа выработанных наукой доктринальных позиций, а также фактического взаимодействия органов государственной власти современных государств и трансформации данной идеи в форму основополагающего и краеугольного принципа современного демократического правового государства, на основе чего сформулировать предложения, направленные на уточнение понятийного аппарата исследуемой доктрины и совершенствование законодательного оформления данного принципа в законодательстве Республики Молдова.

Задачи исследования будут способствовать достижению поставленной цели:

а) определить состояние научной разработанности принципа разделения властей в современной отечественной юридической литературе, проанализировать и оценить вклад отечественных авторов в концепцию разделения властей с точки зрения ее восприятия, дополнения ее содержания, механизмам реализации, выявить пробелы в научных исследованиях в данной области;

- б) на основе многочисленных авторских подходов, доктрин, идей, касающихся устройства государства, государственного механизма, обеспечения свободы личности, выявить предпосылки и общие начала в мировой научной мысли для формирования цельной и устойчивой системы признаков и черт в содержании теории разделения властей;
- в) проследить путь и причины трансформации идей о разделении властей в классическую теорию, а затем – в один из принципов рациональной организации современного государства;
- г) изучить истоки и вычленить основные этапы развития концептуальных основ принципа разделения властей на основе авторского видения процесса его эволюции, дать оценку вклада выдающихся философов, политиков, юристов, государствоведов на каждом таком этапе: в условиях древних государств, в период феодализма, в эпоху Реформации и Просвещения; проследить взаимосвязь и синхронность становления теории разделения властей с учением о правовом государстве;
- д) на основе изучения размышлений в трудах классиков теории разделения властей, обосновать роль и значение их идей для становления принципа разделения властей и воплощения основных принципов современного государства, включая его понимание как правового заслона против узурпации власти и тирании, средства обеспечения прав человека с учетом особенностей современного этапа развития государственности;
- ж) раскрыть значение историко-правового подхода и общей теории государства и права в деле определения модели разделения властей в конкретном государстве на фоне особенностей его общественно-политического развития;
- з) на основе исследования особенностей понимания и практического воплощения национальных моделей разделения властей, оценить возможности использования классической концепции разделения властей и возможности ее трансформирования, эволюции, совершенствования;
- и) уточнить и дополнить авторским подходом содержание и способы воплощения принципа разделения властей для современного государства с точки зрения распределения его функций и обеспечения работы государственного механизма, разграничения компетенции и полномочий различных органов государства и их взаимодействия, на основе чего сформулировать авторское определение разделения властей;
- к) систематизировать все многообразие форм разделения властей в государствах современного мира и выявить факторы, оказывающие решающее влияние на них; показать соотношение принципа разделения властей и формы правления государства;

- л) показать значение принципа разделения властей в государстве на современном этапе в качестве гарантии прав и свобод личности и как признак конституционализма и правового государства с демократическим правлением;
- м) рассмотреть особенности правового регулирования и практического воплощения принципа разделения власти в странах молодых демократий, прежде всего, в Республике Молдова, дать некоторые рекомендации по совершенствованию законодательства;
- н) оценить возможности принципа разделения властей в обеспечении рациональности и эффективности государственного управления и определить соотношение с принципом единства власти;
- о) на основе исследования эволюции подходов к содержанию принципа разделения властей, показать основную тенденцию толкования его содержания как распределения функций государства между различными ветвями и органами, предложить оригинальное определение понятия «ветвь власти».

Гипотеза диссертационного исследования заключается в предположении необходимости рассматривать идеи разделения властей в качестве структурно-функционального принципа современного государства, при помощи которого возможно обеспечить его демократический и правовой характер.

Методологическую основу работы составляют историко-правовой, структурно-функциональный, системно-логический и сравнительно-правовой методы исследования. Автор использует формально-юридические, политологические методы исследования, применяет диалектический, системный и сравнительно-правовой подходы. Использование широкого комплекса общенаучных и специальных методов позволило системно подойти к исследованию теоретической основы развития, содержания и применения концепции разделения властей, как на разных исторических этапах, так и в современном государстве.

Элементы научной новизны и оригинальность работы выражаются в том, что она содержит первую попытку глубокого комплексного исследования трактовок принципа разделения властей, как в исторической ретроспективе, так и в условиях современного государства. Все процессы показаны в исторической перспективе становления и развития демократических институтов, начиная с античной эпохи и до современного периода. Также системно определены концептуально-теоретические элементы принципа разделения властей, в основе которых находится сформулированное автором понимание единства и дифференциации государственной власти, в результате чего формулируется принципиальный вывод о том, что в правовом государстве единство власти проявляется именно во взаимосвязи с принципом разделения властей.

В диссертации проводится анализ многочисленных научных мнений отечественных и зарубежных ученых, после чего формулируются их собственные выводы по исследуемым вопросам. Точно так же теоретические выводы сочетаются с анализом конкретной ситуации в сфере реализации принципа разделения властей в ряде государств СНГ. Формулируется вывод, согласно которому систему организации государственной власти в них можно с некоторыми оговорками назвать демократической. Ситуация объясняется, в том числе, сохранением характерных для советской системы образцов политического поведения. Подчеркивается необходимость преодоления соответствующей ситуации путем ее критического анализа, и выявляются направления эффективной реализации принципа разделения властей в соответствующих государствах (организация референдумов, усиление роли Конституционного Суда, согласование принципов и норм национального права с нормами международного и европейского права, укрепление института прав и основных свобод человека и др.) Эти и другие подходы носят аналитический, критический характер, придают диссертации новизну и оригинальность, способствуют решению заявленной важной научной проблемы.

Решенная научная проблема в рамках данной диссертации определяется как выявление организационно-правовых возможностей принципа разделения властей, выступающего в современном государстве гарантом обеспечения его сущностных характеристик и прогрессивного развития. Показаны обусловленность и межкомпонентные связи данного принципа с другими принципами, составляющими в совокупности организационное устройство демократических правовых государств.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что изложенные в нем тезисы и рекомендации способствуют совершенствованию содержания фундаментального курса теории государства и права в части проблематики рассматриваемой темы, связанной с эволюцией и современным состоянием принципа разделения властей. В результате системного анализа становления, развития и современного состояния концепции разделения властей, были сформулированы выводы и обобщения, которые будут способствовать развитию новых подходов к исследованию проблем становления и развития данной теории на основе научных положений и реальной практики взаимодействия органов государственной власти современных государств и трансформации данной идеи в форму основополагающего и краеугольного принципа современного демократического правового государства, а также будут направлены на уточнение понятийного аппарата исследуемой доктрины и модернизацию правового дизайна данного принципа в законодательстве Республики Молдова.

Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования можно рекомендовать для того, чтобы быть использованными для развития правовой системы и усовершенствования системы органов государственной власти Республики Молдова и других постсоциалистических стран; в качестве основы для последующих научных исследований в рассматриваемой области с целью внесения поправок в конституции стран молодых демократий или их пересмотра; при анализе актуальных проблем совершенствования государственного устройства, института президентства и укрепления судебной власти; в преподавании теории государства и права, а также отраслевых юридических дисциплин, в том числе конституционного, административного, муниципального права; при обучении и проведении тренингов для специалистов в области государственного управления и местного самоуправления.

Внедрение результатов: теоретические выводы диссертации, элементы новизны и сформулированные рекомендации используются в процессе обучения курса Общей теории права и ряда отраслевых дисциплин.

Апробация результатов. Различные аспекты исследуемой темы, наиболее значимые теоретические и практические результаты нашли отражение в 8 публикациях. В частности, «Принцип разделения властей и система сдержек и противовесов как признаки правового государства» [177], «Органы конституционного контроля в государственном механизме в свете разделения властей» [178], «Ideile separării puterilor în lucrările lui D. Locke și S. Montesquieu» [29], «Единство и разделение властей в странах Содружества Независимых Государств: общее и особенное» [182], «Этапы развития концепции разделения властей: теоретико-правовой аспект и значение для развития современного государства» [179], «Современные формы публичной власти и их влияние на содержание принципа разделения властей» [180], «Теория разделения властей: от традиции классической концепции к актуальным проблемам современности» [176], «The head of state «neutral» power: conceptual basis» [313].

Краткое содержание структуры работы. Структура диссертации представлена введением, 3 главами, общими выводами и рекомендациями, и библиографией.

Во введении обосновывается актуальность темы, избранной для диссертационного исследования, которая связана с эволюцией и современным состоянием концепции разделения властей, которая находит отражение в виде фундаментального принципа построения системы органов государственной власти большинства современных государств.

В Главе 1, которая названа **Особенности развития принципа разделения властей в правовой науке на разных этапах**, было определено состояние теории разделения

властей в странах мира на современном этапе и рассмотрены вопросы, связанные с трудностями реализации принципа разделения властей. Теория разделения властей рассматривается автором как политико-правовая база демократии. В первой главе представлен обзор идей, связанных с осмыслением накопившегося опыта в вопросе разделения властей, закладывающих основы для создания теоретического фундамента адаптации разделения властей к новым и постоянно меняющимся историко-правовым условиям. Освещены отдельные аспекты разделения властей, в том числе, проблемы статуса органов государственной власти, относящихся к одной из ветвей власти, разделение властей как признак правового, демократического государства и т.д.

В Главе 2 **Доктринальная основа принципа разделения властей** определены концептуально-теоретические элементы принципа разделения властей, в основе которых находится сформулированное автором понимание разделения государственной власти. В рамках данной главы представлен генезис теории разделения властей, позволяющий проследить и оценить основные этапы становления исследуемой концепции, появления тех политико-правовых, организационных проблем, требующих своего решения. Затем был проведен анализ современного состояния доктрины разделения властей, учитывая целый ряд особенностей современного государства и тенденций его развития и критические подходы к концепции разделения властей и ее воплощению в отечественной и зарубежной, философской, правовой, политической науках. Автором было сформулировано понимание единства государственной власти. Как следствие, был сделан вывод о том, что в правовом государстве единство власти проявляется именно во взаимосвязи с принципом разделения властей, с разграничением функций власти и, соответственно, с адресной ответственностью за исполнение этих функций.

Глава 3 **Актуальные вопросы разделения властей в государственном механизме** посвящена вопросам реализации принципа разделения властей в современных государствах с учетом многообразия форм правления, политико-территориального устройства, политического режима, национально-культурных, правовых и иных традиций стран мира. В данной главе представлена классификация моделей разделения властей, отражены их преимущества и недостатки, обращая особое внимание на те признаки, которые легли в основу такого деления. Также был сделан вывод о том, что осуществление различных государственно-властных функций независимо друг от друга различными органами отнюдь не противоречит пониманию власти как единого целого. В то же время, разработанную Ш. Монтескье доктрину организации системы органов власти необходимо изучать в качестве «идеальной конструкции, играющей роль исключительно методологической модели» [194, с. 6]. Кроме того, институт главы государства в системе

сдержек и противовесов, способов взаимного контроля является решающим институтом, способным организовать и гармонизировать деятельность различных ветвей власти.

В рамках данной главы представлена полемика по вопросам нетипичных ветвей власти и «нейтральной власти». Также в этой части работы дана оценка применения принципа разделения властей в Республике Молдова и других странах молодых демократий, которые только с конца прошлого века воссоздали теорию разделения властей, которая получила свое признание и закрепление только в новом законодательстве.

Общие выводы и рекомендации содержат итоги, а также ряд рекомендаций теоретического и практического плана, предложений по совершенствованию законодательства, что позволяет говорить о достижении поставленной исследовательской цели, оценить степень и качество решения обозначенных задач представленной диссертации.

Диссертация представлена 170 страницами основного текста, библиографией из 318 источников, Декларации об ответственности за нарушение авторского права, биографических данных автора и списка публикаций автора диссертации по исследуемой теме.

1. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В ПРАВОВОЙ НАУКЕ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ

1.1. Проблематика разделения властей в аспекте доктринального развития и на современном этапе

В любом демократическом государстве власть исходит от народа и принадлежит ему. Разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную в государстве - необходимое условие осуществления демократического управления. Осуществление власти, организация каналов, посредством которых она распространяется, возлагается на государство. Одним из ключевых признаков любого государства является наличие органов государственной власти, с помощью которых реализуются государственные функции. Для объяснения порядка осуществления государственной деятельности существует теория разделения властей. В самом общем виде, разделение властей осуществляется для того, чтобы сбалансировать их, для предотвращения злоупотребления властью. Теория разделения властей - это хорошо известная, достаточно проверенная и часто применяемая теория. Но, под названием теории разделения властей в государстве, на самом деле существуют несколько концепций о государственной власти или, точнее, о различных способах ее осуществления. Идея множественности властей ведет свои корни к древности. Еще Аристотель говорил «о трех направлениях в государственном управлении» [55, с. 85]. В эпоху, когда велась борьба с феодальным абсолютизмом, характеризующегося злоупотреблениями, продолжались поиски формы организации государства, которая бы устраняла злоупотребления властью и неограниченное господство тех, кто обладает ею. В этом контексте, в Англии теория разделения властей впервые была сформулирована Джоном Локком (1632-1704), а позже была развита Монтескье (1689-1755) во Франции в его работе «О духе законов» [194, с. 20]. Согласно его концепции, в государстве существуют три вида власти: законодательная, исполнительная и судебная. Он показывает, что избежание злоупотребления властью может быть достигнуто только тогда, когда одна власть ограничивает другую власть (от того чтобы стать злоупотребляющей). Поэтому, эти три ветви власти задуманы таким образом, чтобы «с одной стороны, они выполняли определенные специфические функции, а с другой стороны, сотрудничали и контролировали друг друга» [15, с. 170]. Соответственно, теория разделения властей была реакцией против абсолютной монархии, по праву рассматриваемую как форму правления, в которой король сосредоточивал в

своих руках верховную власть, считавшимся олицетворением государства, откуда и знаменитая формула короля Людовика XIV-го «Государство - это я».

В ходе государственно-правового развития принцип разделения властей подвергся значительным модификациям. Прежде всего, в этой связи необходимо упомянуть о дополнении разделения властей системой сдержек и противовесов, которая проявилась первоначально в судебной практике, а позже была закреплена в Конституциях, затем активно стало внедряться правило о необходимости взаимодействия ветвей власти [153;159;238;258]. В деле оптимизации взаимодействия ветвей власти важная роль отведена праву, посредством создания правовой основы для функционирования каждой ветви власти, в рамках которой должны выстраиваться отношения их сотрудничества и интеграции в единую общественно-политическую систему. Поскольку государство не является единственным политическим образованием, главной проблемой, стоящей перед надлежащим функционированием социальной организации, является его интеграция в этот организм и регулирование связей с остальными социальными и политическими институтами. Право придает «стабильность и безопасность этим связям, включая их в рамки правопорядка» [36, с. 86].

Усложнение государственных функций и государственного аппарата привели к созданию весьма разветвленной системы государственных органов, которые не укладываются в классический доктринальный тезаурус, либо ветви власти получили новые формы взаимодействия между собой. Глава государства тоже занимает иное положение, чем это виделось первоначально авторам концепции разделения властей. Это стало причиной появления в конституциях упоминания о новых ветвях власти (избирательной, контрольной власти и др.) [272, с. 12-15].

Государственный аппарат современного государства базируется на ряде принципов, среди которых принцип разделения властей занимает значимое место и является одной из новелл постсоветского законодательства. В статье автора исследования «Теория разделения властей: от традиции классической концепции к актуальным проблемам современности» отмечено: «В большинстве конституций государств постсоветского пространства имеет место прямое указание на этот принцип как на основополагающий при организации государственной власти. Согласно ст.6 Конституции Республики Молдова, в Республике Молдова законодательная, исполнительная и судебная власти разделены и взаимодействуют при осуществлении своих прерогатив в соответствии с положениями Конституции» [144, 176]. Аналогичные нормы содержатся и во многих других Конституциях стран Восточной Европы. Как утверждает Л. Алиева, «возможно, буквальное упоминание этого принципа является неким контртезисом

идеологии марксизма-ленинизма, с весьма своеобразным представлением о разделении властей» [52, с.47]. Далее в работе, а именно в Главе 3, параграфе 3.3, будет раскрыта сущность представлений о разделении властей советского периода. В постсоветских государствах принцип разделения властей в русле проводимых административно-правовых реформ позиционируется фундаментом формирования правового государства. Государствоведы и политики неоднократно обращают особое внимание на «необходимость дальнейшего совершенствования взаимодействия государственных органов с точки зрения создания всех необходимых условий для реализации гражданами своих прав, свобод и законных интересов» [73, с. 20-26].

В настоящее время сложилось многообразие моделей воплощения принципа разделения властей, которые, в то же время, позволяют «выкристаллизовать» общие его признаки, придав ему очевидные черты универсальности. Диапазон отношения к концепции разделения властей, ее роли и значению в политической и юридической действительности существенно различаются, вплоть до противоположных: от буквального восприятия до полного отрицания. В современном государстве, характеризующемся в качестве правового, разделение властей признается ключевым принципом и признаком организации системы органов государственной власти, так как именно он противостоит возможности концентрации власти одним органом или должностным лицом, злоупотреблений и, в конечном счете, является правовым препятствием установления недемократических политических режимов. Названный принцип реализации государственной власти обеспечивает возможность каждой ветви власти контролировать остальные посредством создаваемой системы сдержек и противовесов, что способствует последовательному утверждению максимально сбалансированных взаимоотношений между всеми ветвями власти. В.А. Бурковская утверждает: «принцип разделения ветвей власти - это одновременно и государственно-юридическая концепция, и принцип построения системы органов государственной власти в государстве конституционного типа, в котором предполагается не сколько размежевание, сколько тесное их сотрудничество различных органов государства, пусть и имеющие разные функции. Важным фактором следует считать их равновесие» [71, с. 6]. Она резюмирует, что разделение властей - это «сложное сочетание самостоятельности и взаимозависимости различных субъектов государственного управления» [71, с. 7]. Нередко принцип разделения властей связывают с такими явлениями, как демонополизация власти, ее рассредоточение, распределение властных полномочий между различными органами государственной власти и должностными лицами. Такое распределение властных полномочий осуществляется в целях «недопущения узурпации власти, исключения ее

сосредоточения в одних руках, что способствует предотвращению установления авторитаризма и диктаторского режима» [71, с. 95]. Благодаря принципу разделения властей создаются дополнительные гарантии, призванные обеспечить более эффективное управление, свободу в обществе и защиту прав и свобод личности. В концентрированном виде такой тезис был четко сформулирован французской Декларацией 1789 г. прав человека и гражданина, где в положении ст. 16 обозначено: «всякое общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет Конституции» [138], что демонстрирует прямую связь правового государства и принципа разделения властей. Проблемы соотношения личности и государства, признания и нормативного закрепления прав и свобод человека, а также способов и методов осуществления государственной власти всегда интересовали ученых правоведов [195; 200]. Различные аспекты построения и формирования современного правового государства являются одними из первостепенных, поскольку от этого во многом зависит насколько личность в государстве чувствует себя свободно и защищенно [177, с. 191].

На фоне абсолютизации принципа разделения властей в странах, где долгое время он отрицался, некоторые западные ученые отмечают тот факт, что данная доктрина является неактуальной, поскольку истинная картина устройства органов государственной власти выглядит в ее сегодняшней интерпретации совершенно по-другому. В частности, американский ученый-юрист А. Sweet обратил внимание на перелом в подходах к трактованию и применению принципа разделения властей в Европе. А. Sweet говорит о бесполезности и отживании самого себя. Он считает, что некогда полезные и значимые установки и нормы в вопросе устройства властей, сейчас в большей степени, сегодняшнюю науку вводят в заблуждение. В западной науке эти дискуссии обострились в связи с интеграционными процессами и созданием Европейского Союза, органы которого сосредотачивают в себе многообразные функции, относящиеся по смыслу к разным ветвям власти. По этому поводу германский профессор Богданди высказался так: «На ранней стадии европейской интеграции много внимания было уделено принципу разделения властей.... Начиная с 1950 г. Европейский суд использовал принцип разделения властей для защиты граждан и рационализации осуществления государственной власти в учреждениях Сообщества. Однако сегодня принцип разделения властей во многом утратил свое значение, вероятно потому, что он не может адекватно реагировать на определенные проблемы. Его заменили более конкретные требования» [286, с.14-15]. На наш взгляд, стоит обратить внимание на отсутствие каких-либо конкретных аргументов против использования принципа разделения властей; нет ответа

на вопрос, почему данная концепция не отвечает современным реалиям и не решает возникающих проблем.

Современные трактовки разделения властей отходят от ее триединой модели, которую предложили ее создатели. Многие современные авторы не соглашаются с делением власти на законодательную, исполнительную и судебную, добавляя к ним дополнительные ветви, что, на их взгляд, в большей степени соответствует действительности и является наиболее актуальным. По их мнению, ее содержание наполняется новым смыслом, количество ветвей фактически увеличивается, их взаимоотношения усложняются в связи с расширением функций самого государства. Соответственно, в настоящее время возникло множество нерешенных вопросов, касающихся числа ветвей власти и органов государства, относящихся к ним.

Отдельного обсуждения и осмысления требует и вопрос о специфике применения теории разделения властей в государствах, имеющих различные формы политико-территориального устройства [246]. Например, федеративный характер государства предполагает, что исследуемый принцип распространяется не только на федеральный уровень, но и уровень субъектов Федерации, выступая в качестве одного из основополагающих атрибутов федеративных отношений.

Это подтверждает актуальность вопросов, связанных с реализацией такого важного принципа правового государства, как разделение властей. История становления, политико-философские истоки, сущность, содержание и значение настоящего принципа исследованы в многочисленных научных работах специалистов в области общей теории государства и права, конституционного и административного права [37;86;123;188]. Если проанализировать высказывания, точки зрения разных авторов, включая непосредственно основателей теории разделения властей и подвести их под общий знаменатель, то сущность и основное предназначение принципа разделения властей были достаточно точно сформулированы в свое время именно ее классиками: по их мнению, он призван решить целый спектр общегосударственных задач, начиная с обеспечения прав и свобод личности, заканчивая созданием сбалансированного государственного механизма, в рамках которого каждая из ветвей реализует только свойственные ей функции, определяемые законом. При этом каждой ветви власти принадлежат контрольные полномочия в отношении остальных ветвей, что позволяет осуществлять их взаимное равновесие.

Для иллюстрации первых моделей реализации принципа разделения властей чаще всего обращаются к американской и французской доктрине и конституционно-правовой практике [94;114;316], которые признаны основоположниками принципа разделения

власти как основы организации государственной власти, когда «сформулированная ими концепция разделения властей составила основу теории и практики конституционализма уже на первичном этапе их формирования» [67, с. 56].

Как известно, именно в США впервые появилась первая писаная конституция, в которой полномочия высших органов государственной власти были распределены в соответствии с принципом разделения властей, несмотря на то, что он прямо не провозглашался. Впрочем, такая ситуация имеет место и во многих других Конституциях мира [138]. Именно поэтому принцип разделения властей находил свое отражение в исследованиях целого ряда американских ученых, которые определяют его значение для американского государственоведения так: «принцип разделения властей является базовой философией американской государственной системы, поскольку устанавливает систему сдержек и противовесов для защиты каждой ветви власти от злоупотреблений других ветвей» [291 с. 666]. По их мнению, основным предназначением данного принципа следует считать противодействие деспотизму и узурпации власти в государстве и обеспечение основополагающих прав и свобод человека и гражданина.

Итак, разделение властей рассматривается еще в одном аспекте - именно как система сдержек и противовесов, используемых в целях рационального и эффективного госуправления [177, с.192-193]. В тех странах, где существует дуалистическая форма правления, строгое разделение властей зачастую признается основополагающим принципом построения государства [166;167;191]. Надо иметь ввиду, что в Великобритании, как и в других государствах, состоящих в группе стран англосаксонского права, «теория разделения властей пользовалась гораздо меньшей известностью, поскольку в Великобритании большинство институтов развивались в целях достижения баланса между монархом (а в последнее время и правительством) и парламентом. В связи с чем эта система в Великобритании напоминает больше баланс сил, чем формальное разделение» [287, с. 44]. Из вышеизложенного необходимо сделать вывод, что механизм сдержек и противовесов, подразумеваемый в содержании принципа разделения властей, является превентивным методом недопущения конституционно-правовых споров и разрешению уже возникших (например, при наличии у органов различных ветвей государственной власти полномочий компенсационного, замещающего типа). При этом необходимо учитывать, что принцип разделения властей заключается не просто в распределении управленческого труда на законодательную, исполнительную и судебную сферы. Обозначенный принцип предусматривает, то, что полномочия одной ветви власти преследуют цель ограничить стремления других ветвей власти выйти за круг своих полномочий, вторгнуться в сферу другой ветви власти, узурпировать власть,

поставить ее выше власти общества. Это означает, что разделение властей подразумевает не только специализированную, однонаправленную деятельность определенной части государственного механизма, государственного аппарата, должностных лиц, но и означает существование у каждой ветви власти контрольных полномочий с целью соблюдения компетенционной сферы остальными ветвями и органами государственной власти.

Принцип разделения властей с точки зрения организации системы сдержек и противовесов подробно изучался и в современной русской теории государства и права. В российской доктрине такую систему представляют, как «установленную в Конституции и законах совокупность правовых ограничений в отношении конкретной государственной власти: законодательной, исполнительной, судебной» [186, с. 67]. Они придерживаются той точки зрения, что «истинное разделение властей должно сопровождаться эффективным механизмом сдержек и противовесов, способствующим равновесию системы органов власти и стабильности государства» [186, с. 68].

Многие современные юристы определяют принцип разделения властей как «признак или особенность правового государства» [186, с. 438; 177, с.190-193], другие – как «средство воплощения в жизнь принципа правового государства» [95, с. 122-124], как «наиболее последовательное связывание посредством права политической власти, формирование для государственных структур режима правового ограничения» [133, с. 36]. В современных научных источниках встречаются различные точки зрения относительно системы принципов правового государства. Представляет интерес такая позиция некоторых теоретиков права, что следует «различать такие понятия как признаки правового государства и принципы правового государства» [239, с. 57]. По их мнению, «разделение властей – это именно принцип правового государства, в соответствии с которым происходит процесс формирования правового государства. После того как принцип будет полностью реализован, его можно будет называть признаком правового государства, который позволит отличать государство правовое от государства обычного» [239, с.58].

Концепция разделения властей в современном ее понимании, толкование ее значения, содержания и реализация предполагают многообразие подходов, что, в конце концов, выражается в достаточно большом количестве доктринальных мнений, которые во многом не совпадают, а порой и противоречат друг другу.

Принцип разделения властей стал частью идеологии буржуазно-демократических революций и «проник в государственную практику в качестве признанного конституционного принципа» [259, с.21]. Таким образом, различные сферы деятельности государства – это различные ветви власти, их функции и деятельность. Но разделение

властей не означает отсутствие взаимодействия между ними. Ветви власти в государстве должны быть разделены, но каждая из них не должна существовать сама по себе. Сам по себе принцип разделения властей не должен означать абсолютную их независимость, которая бы сделала их соотношение чем-то негативным, в смысле того, что всё, что они сделали бы друг в отношении друга, стало бы враждебным актом, актом сопротивления.

С этой позиции, теория разделения властей облегчает понимание современных конституционных систем, хотя она утратила свое первоначальное значение и уже не играет прежней роли в объяснении фактического соотношения властей. Однако эта теория сыграла определенную роль, возможно, решающую, в развитии системы представительства, т. е. в демократизации отношений между обладателем суверенной власти (народом, нацией) и государственной организацией политической власти; государственная организацией и функционированием власти с тем, чтобы обеспечить гарантии реализации прав человека и гражданина. Это теория способствовала разработке современных конституций, став одним из принципов конституционализма. Конституция США 1787 года и Декларация прав человека и гражданина во Франции (1789) свидетельствуют об этом [136;139]. Тогда был сформулирован вывод о том, что «общество, в котором не гарантируются права, и не осуществляется разделение властей, не имеет конституции» [93].

Большинство современных Конституций мира закрепили или подразумевают данный принцип в качестве основы построения и функционирования общей системы органов государства. В то же время вопросы правовой регламентации и применения теории разделения властей и соответствующего принципа в настоящее время активно обсуждаются в научной среде, среди практиков политической, конституционной сферы, применительно к государствам, имеющим разную форму организации. В этой связи нам представляется необходимым освобождение данной теории от сложившихся догматических установок и выработка новых актуальных подходов к осмыслению ее содержания. Поднятая проблематика была отражена в публикации автора «Теория разделения властей: от традиции классической концепции к актуальным проблемам современности» [176].

Теория разделения властей давно стала обязательным элементом правового демократического государства. Каждая современная страна, независимо от своих сущностных характеристик, заявляет приверженность демократии и, как следствие, разделению властей. Достаточно широким является предмет дискуссий, охватывающий практику разделения властей разных стран мира, поскольку этот вопрос важен как для

централизованных, так и децентрализованных, сложных по составу, имеющих разную форму правления и политический режим.

Итак, в настоящее время теоретики государства и права, конституционалисты, политологи указывают на наличие множества подходов к определению сущности и структуры власти, ее разделению на ветви, приходя к выводу о незавершенности разработки концепции разделения властей. Можно согласиться с высказываемой позицией о том, что теория разделения властей только кажется законченной в своем классическом «триедином варианте», разработанном французскими мыслителями.

По нашему мнению, теория разделения властей должна развиваться и приспосабливаться к современным экономическим, политическим и иным условиям жизни. И здесь надо подчеркнуть, что об эффективности организации и функционирования всей системы органов государственной власти спорят не только в академических кругах, но и на уровне политиков и крупных государственных деятелей.

1.2. Современные трактовки сущности и значения принципа разделения властей в отечественной научной юридической литературе

Современное государство располагает достаточным арсеналом исследований по проблематике разделения властей, которые имеют концептуальное значение для развития юридической и других общественных наук. Это подтверждается обилием доктринальных источников по теме диссертации, которые отражают отдельные аспекты проблематики [54; 77; 79; 96; 104; 163; 189; 242; 249; 270].

В современной юридической науке Республики Молдова теория разделения властей рассматривается как политико-правовая база демократии [32;46]. Современные авторы представляют свои идеи по осмыслению накопившегося опыта в вопросе разделения властей, закладывая основы для создания теоретического фундамента адаптации разделения властей к новым и постоянно меняющимся историко-правовым условиям, когда идея разделения властей стала основополагающим принципом демократического правового государства. Ряд специалистов освещают отдельные аспекты проблематики разделения властей, в том числе, статус органов государственной власти, относящихся к одной из ветвей власти, разделение властей в механизме государства и построении государственного аппарата и т.д. Приведем обзор источников по теме разделения властей.

G.Avornic отмечает, что поскольку в правовом государстве суверенная воля народа реализуется на демократических началах, органы государственной власти и местного самоуправления, должны осуществлять свои полномочия строго определенный период

времени, на который они были избраны, «на основе конституционного принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, поскольку только такая власть будет осуществляться в соответствии с требованиями законности в качестве основополагающего принципа и метода социального управления» [45, с. 345].

В механизме обеспечения безопасности первостепенная роль принадлежит государству и его органам. В то же время, этот механизм вовлекает практически все ветви государственной власти. Но судебная власть держится на отдельной от него позиции. Судебные инстанции, как отмечает **R. Grecu**, служат гарантией уважения прав человека. Если, согласно действующему законодательству, система безопасности управляется или контролируется, координируется главой государства, судебная власть автоматически исключается из его сферы. Это необходимо для обеспечения реального функционирования принципа разделения властей в государстве [45, с.345].

G. Costachi в своих трудах [13;149;150;151;152] исследовал целый ряд аспектов, имеющих важное значение для проводимого исследования.

Так, в монографии «Приоритетные направления формирования правового государства в Республике Молдова» [13] в рамках анализа вопросов организации и реализации государственного управления в правовом государстве, им были затронуты проблемы обеспечения законности и формирования гражданского общества в Республике Молдова на основе принципа разделения властей, который является одним из обязательных признаков правового государства.

В работе «Организация и функционирование власти в правовом государстве» [14] – рассуждая о соотношении властных полномочий органов государства, авторы исследуют теоретические аспекты феномена публичной власти и ее источников. По их мнению, только легитимная власть может быть эффективной и устойчивой.

«Равновесие ветвей власти - залог демократического правления» [34]- труд, основной мыслью которого является тезис о необходимости реализации политических и правовых традиций и практики правоотношений, политической ситуации в государстве при выборе конкретной модели организации государства, его формы, конституционно-правовых процедур. Система управления должна соответствовать национальным традициям и интересам, менталитету народа, его правосознанию, его политическому характеру. Авторы подчеркивают ошибочность слепого копирования даже самого передового опыта без учета национальных условий.

По мнению авторов, не может быть жизнеспособной такая система управления, где не реализован принцип разделения властей при условии их консолидации и плодотворного сотрудничества, строгого соблюдения собственной компетенции каждым органом и

ветвью власти на основе Конституции и закона. Авторы рассуждают о проблемах эффективности и легитимности организации и функционирования государственной власти, выявляя сущность и критерии данных категорий, а также способы их выражения и гарантированности. В этом ключе, фундаментальную роль они отводят принципу разделения властей, наряду с принципами политического плюрализма законности и легитимности. Реализация принципа разделения властей, по их мнению, является основополагающим требованием для укрепления демократического правового государства.

G. Costachi также исследует важнейший элемент, приводящий к балансу различные органы в государстве – систему сдержек и противовесов, который представляет систему взаимных полномочий законодательных, исполнительных и судебных органов, одновременно сдерживающий и позволяющий контролировать остальные ветви власти, и не допускающий узурпации власти каким-либо одним из них. Создание и применение системы сдержек и противовесов позволяет, по мнению авторов, реализовать действительное разделение властей и обеспечить равновесие государственного механизма.

В целом, во всех своих работах, Gheorghe Costachi подчеркивает, в том или ином аспекте необходимость соблюдения принципа разделения властей и их баланса в качестве средства обеспечения верховенства права в истинно демократическом и правовом государстве.

Н. Грэдинару в статье «Некоторые проблемы осуществления принципа разделения властей» он утверждает, что «признание и осуществление принципа разделения властей затрагивает самым прямым образом структуру, механизм деятельности государственного организма, соотношение между властными органами государства [89, с. 74-5]. Он делает вывод, что: «По сути, этот принцип предопределяет, какой орган и в какой степени осуществляет власть» [89, с. 76].

В работах известного ученого **V. Попа** [38;39;40] детально разработаны важнейшие аспекты организации и структуры публичной власти, ее видов и форм, определены место и роль различных органов государства, относящихся к публичной власти и публичному праву.

Так, в работе «Публичное право» [40] проведена теоретическая разработка таких концептуальных для государствоведения понятий и институтов как народный и национальный суверенитет, элементы формы государства, система органов государственной власти. Модели формы правления, характеристики политического режима, статус и взаимодействие органов государственной власти автор увязывает с

принципов разделения властей, в соответствие с которым строится система публичной власти в современном государстве.

В работе «Органы публичной власти Республики Молдова. Структура, организация и функции» [38] исследуются понятия «исполнительной власти» и «реализация права». Исполнение законов является обязанностью всех субъектов права, всех органов власти, независимо от того, имеют ли они публичный характер или нет. Когда мы говорим об исполнительной власти, необходимо иметь ввиду, что ее органы должны иметь государственно-властные полномочия, выражающиеся в возможности принимать общеобязательные нормы.

А. Arseni посвятил ряд научных исследований организации и функционированию государственной власти в целом, в частности, им была подготовлена монография «Легитимация государственной власти. Основопологающие принципы современного правового и демократического государства» [4] - в монографии представлен авторский взгляд на природу и качество государственной власти как следствие и свойство, признак государственности, ее истоки и сущность сквозь призму процесса ее легитимации. Кроме того, в работе также выявлены формы и методы достижения легитимации; дана характеристика ряда субъектов, участвующих в сложном процессе осуществления государственной власти. Автор делает ряд выводов и рекомендаций обеспечения легитимности государственной власти как теоретического, так и практического плана в качестве принципа правового и демократического государства на современном этапе его развития.

Таким образом, Alexandru Arseni ввел в научный оборот в качестве обязательного признака правового демократического государства признак легитимности государственной власти. Также, ученый предложил использовать этот принцип наряду с принципом разделения властей четко разграничить демократические политические режимы от недемократических. Для реализации предложенных принципов, по мнению автора, глава государства должен быть независим, не являться членом какой-либо партии, осуществлять исключительно арбитражную, посредническую функцию. Особой ролью по определению легитимности власти наделяется орган конституционного контроля [4, с. 196].

Alexandru Arseni в работе «Институциональная система государственной власти: концепция и формы институционализации» [5, с. 9-16] утверждает, что углубление интереса к исследованию проблем, связанных с организацией и функционированием структуры управления, и понятие «государственная структура» обусловлено глубокими причинами, определяющими развитие общества на пути к демократии и построению

правового государства, а также факторы, которые оказывают положительное или отрицательное влияние на курс модернизации в соответствии с требованиями сегодняшнего дня. Автор приходит к выводу, что изучение существующей структуры власти в государстве и на определенном этапе его развития означает изучение структуры органов, осуществляющих форму, принципы, методы, лежащих в основе их организации и функционирования.

Также автор в работе «Политическая роль парламента как органа народного представительства» [3] рассуждает на тему роли и места парламента в свете представительного характера данного органа, что обеспечивает ему определенное верховенство в триаде ветвей власти. В центре внимания автора - формирование и деятельность парламентских фракций, которые основаны на политической близости различных парламентских партий, что позволяет монолитно принимать выгодные для них парламентские решения.

S. Goriuc целый ряд своих научных трудов посвятила правовому положению главы государства. Проводя детальный анализ политико-правового статуса президента Республики Молдова, автор определяет место и роль Президента в системе разделения властей и государственном механизме [23]. Автор акцентирует внимание на посреднических функциях главы государства, роли гаранта и посредника в системе сдержек и противовесов. В этой связи важное значение имеют проблемы подотчетности и ответственности президента.

Периодизацию и ретроспективу развития института главы государства демонстрирует Goriuc S. В работе «Общие выводы относительно эволюции института главы государства» [21, с. 30-35] подчеркивая, что этимология термина «Президент» связана с обозначением высшего должностного лица, призванного представлять на высшем уровне коллективного субъекта внутри государства и во вне. В соответствии с Конституцией Республики Молдова Президент Республики «представляет государство во внутренних и внешних отношениях» [21, с. 32], являясь «гарантом национальной независимости, единства и территориальной целостности государства» [21, с.32]. Это результат реализации двух президентских функций: представительской функции и функции гаранта, для осуществления которых Президент обладает рядом полномочий, предусмотренных Конституцией РМ. В заключение автор делает вывод о необходимости сохранения статуса Президента в том виде, в котором он будет соответствовать политическим реалиям.

По мнению Goriuc S., отношения главы государства с исполнительными органами является одной из основных теоретических и практических проблем юридической науки

на современном этапе, поскольку Основной Закон четко не определяет место президента РМ в системе органов государственной власти, оставляя, таким образом, сферу для дискуссий юристов и политиков [24, с. 29-35]. Статья 6 Конституции Республики Молдова закрепляет принцип разделения и взаимодействия властей, в рамках которого президент Республики не может выходить за пределы триады ветвей власти, образуя отдельную четвертую президентскую ветвь. Из этого формулируется вывод о том, что глава молдавского государства тяготеет к исполнительной власти, осуществляя функции исполнительной деятельности в качестве вторичного субъекта наряду с премьер-министром республики - главой исполнительной власти республики - и Правительством РМ [110], которые несут ответственность перед парламентом.

Автор видит особую миссию главы государства при осуществлении им медиаторских функций, что способствует нахождению согласованных компромиссных решений при возникновении разногласий и споров между представителями разных ветвей власти [22, с. 34-38]. Автор утверждает, что, осуществляя полномочия посредника, возложенные Конституцией, президент выступает в роли арбитра, как между ветвями власти, так и между интересами государства и общества на основе координации разных интересов и вариантов решения возникающих разногласий, что, в конечном итоге, приводит к эффективному функционированию государственных структур, обеспечения режима законности и прав человека. Goriuc S. обращает внимание на то, что в качестве посредника между государственными органами и обществом президент может являться только при условии, когда глава государства находится вне какой-либо политической партии, имея возможность вмешаться, чтобы попытаться смягчить расхождения между сторонами по некоторым основным вопросам, представляющим национальный интерес.

Работа Goriuc S. «Роль главы государства в обеспечении баланса властей в государстве» [25, с. 36-46] имеет важное значение для проводимого нами исследования поскольку здесь детально исследованы различные аспекты статуса главы государства в его взаимодействии с государственными органами и с учетом принципа разделения властей. Интерес представляет и проведенный сравнительно-правовой анализ нормативного и фактического статуса главы государства в зарубежных странах, что позволяет дать объективную оценку проводимым административным реформам и прогнозировать их эффективность. Автор уделяет особое внимание полномочиям главы государства в деле обеспечения надлежащего функционирования государственных органов, режима конституционной законности, выполнения обязательств государственными служащими.

Исследователи **Е. Aramă, I. Jecev** [1; 2, с. 2-5] утверждают, что легитимность государственной власти является общественным признанием ее права на роль лидера в обществе. Говоря о легитимности власти, ее авторитете, доверии, признании, а, с другой стороны, о следовании воле большинства, авторы утверждают, что государственная власть может поддерживаться только в той степени, в которой силовые структуры являются законными, а политические решения, включая законы, выражают общую волю и не используются против другой части населения.

I. Jecev утверждает, что проблема единства государственной власти занимает центральное место в политико-правовой мысли многих современных государств [28, с. 31-36]. Автор приходит к выводу, что на современном этапе проблема единства государственной власти приобрела особое значение в отношении формирования гражданского общества и утверждения принципа верховенства права. Отмечается переход от тоталитарных концепций понимания единства государственной власти к утверждению рационального ее разделения. Ion Jecev рассматривает разделение ветвей государственной власти как средство обеспечения ее единства.

A. Smochină рассматривает исторические и теоретические аспекты функциональности принципа разделения властей [43, с. 77-84]. Реализация разделения властей на современном этапе, по его мнению, заключается в сотрудничестве законодательной, исполнительной и судебной власти, которые осуществляют свои функции в условиях балансирования и предотвращения возможных злоупотреблений каждой из них. Он отмечает, что сегодня система правосудия в Молдове сталкивается с давлением и до настоящего времени не смогла стать гарантом социальной справедливости. В целом, автор полагает, что осуществление принципа разделения властей сопровождается значительными трудностями в государствах переходного периода, где указанный принцип начал воплощаться только в начале 1990-х гг. Andrei Smochină проводит параллель между претворением в жизнь разделения властей и качеством государственного управления.

Рассуждая о положительных сторонах учрежденной в 1994 г. модели государственной власти в Молдове с точки зрения разделения властей, профессор Smochină ставит ряд проблемных вопросов относительно функционирования государственного механизма, в том числе: о месте и роли главы государства в условиях парламентского режима, о конкретных формах его взаимодействия с парламентом и правительством, о воплощении его функций гаранта прав и свобод личности.

Автор демонстрирует ряд противоречий в отношениях Президента РМ с Парламентом РМ, Парламента РМ и Правительства РМ, отмечая целесообразность внедрения элементов режима рационализированного парламентаризма.

C. Solomon и **I. Gîrneț** комментируют и развивают содержание нормы статьи 60 Конституции РМ, которая конституирует парламент как высший представительный орган народа и единственный законодательный орган государства и устанавливает верховенство в иерархии органов государственной власти [44, с. 158-161].

Авторы обращают внимание, что парламент является высшим представительным органом народа, поскольку он имеет состав, вытекающий из проявления национального суверенитета, выражающего власть народа как единственного источника и обладателя политической власти. Состав парламента не может быть чем-то иным, чем состав, вытекающий из воли электората, реализуемого на основе избирательного права. Принцип парламентской автономии гарантирует законодательному органу свободу действий и решений во многих сферах жизнедеятельности общества и государства.

Исследование **В. Мишина** [192] направлено на различные аспекты рассматриваемых проблем - взаимодействия ветвей власти при осуществлении своих прерогатив в условиях правового государства. Особое место отведено анализу «взаимных полномочий между законодательной, исполнительной и судебной властями Республики Молдова на современном этапе» [192, с. 10].

Е. Denciuș рассмотрела в сравнительном анализе элементы конституционного строя на примере Молдовы и Украины. Автор затрагивает проблему реализации принципа разделения властей в указанных государствах, рассматривая его как сущностную характеристику конституционного порядка [17].

М. Manoliu [30] проводит детальный анализ контрольных полномочий парламента, правительства и главы государства в Республике Молдова над деятельностью других ветвей власти, что позволяет оценить эффективность реализуемой системы сдержек и противовесов, которая дополняет принцип разделения властей.

Представляет интерес политико-правовое исследование **М. Cușmir** [16]. Все европейские государства бывшего коммунистического лагеря сформировали новые государственные институты на основе вновь принятых демократических Конституций. Однако правовая политика часто демонстрирует несогласованность между избранными моделями и различными формами бывших коммунистических обществ. Одной из задач молодых демократий автор видит в должном понимании и осуществлении принципа разделения властей, который безоговорочно был воспринят на постсоветском пространстве. Однако, практика показывает определенный разрыв между нормативно-

закрепленной моделью и фактическими правоотношениями между разными органами государственной власти. В этих условиях не только изучение конституционных систем посткоммунистических государств, но и их сравнение или противопоставление моделям западных государственных систем, имеющих длительные демократические традиции, имеют важное прикладное значение. В работе автором исследованы модели президентских и парламентских режимов, а также их разновидности.

P. Năpca утверждает [26, с.70-72], что распространение теории разделения властей в государстве объясняется тем, что она была разработана в то время, когда политические партии еще не были созданы и когда основные проблемы власти имели институциональный характер, но и на этой стадии классическая теория разделения властей в государстве должна рассматриваться с некоторыми оговорками. В то же время не следует толковать, что она утратила свою значимость и своевременность и остается теорией прошлого. Великая сила теории разделения властей заключается в ее феноменальном социальном, политическом и нравственном влиянии. Она твердо вошла в сознание многих политиков и ученых, которые видят в ней панацею против деспотизма в пользу свободы и демократии.

Другой исследователь, **Drilea-Marga M. Pompiliu**, анализирует процесс взаимодействия различных ветвей власти в Румынии и Республике Молдова [34, с. 31-34]. Автор в качестве главной исследовательской цели заявил определение модели такого разделения властей и их баланса, которые бы соответствовали современным требованиям конституционализма, демократии, правового государства. В работе рассмотрены вопросы возникновения и эволюции теории разделения властей в государстве, определения общей координаты системной организации государственной власти. Отношения взаимозависимости и взаимодействия в системе государственной власти излагаются в свете норм конституций Румынии и Республики Молдова на основе метода сравнительно-правового анализа. Это исследование отражает новые трансформации в современном обществе, такие как тенденция верховенства парламента в системе органов власти и разделения властей. Проводится идея о том, что принцип разделения властей в государстве требует, чтобы суды применяли только закон при рассмотрении дел и принимали решения на основе закона без создания норм права.

D. Moldoveanu отмечает [31, с. 45-48], что еще с XVIII в. в практику демократического государственного строительства был заложен принцип разделения властей. Исходя из смысла указанного принципа, осуществление власти делится между несколькими институтами, в результате чего, «власть делится на власти» [31, с. 46]. Это разделение привело к тому, что один институт - парламент – осуществляет деятельность

по принятию законов, в то время как другой - правительство – приводит их в исполнение, а третий – судебные инстанции - может констатировать их несоблюдение. При этом автор утверждает, что сегодня принцип разделения властей в государстве в значительной степени носит декларативный и архаичный характер. Такую архаичность известной концепции Dan Moldoveanu объясняет тем, что она была разработана в то время, когда политических партий еще не было и когда основные проблемы власти носили исключительно институциональный характер. Появление политических партий и их особая роль в настройке правовых и политических институтов сегодня поставили вопрос о разделении или балансе сил не между парламентом и правительством, а между большинством или коалицией победивших партий на выборах, которые в то же время имеют парламентов и правительство, и сильная оппозиция, ожидающая следующих выборов.

П. Райлян в своих работах исследует место судебной власти и ее органов в системе органов государственной власти и разделении властей.

Так, автор пишет [241, с. 18-23], что, осуществляя принцип разделения властей, государственные органы функционируют не сами с собой, а взаимодействуя друг с другом. Судебная власть считается разновидностью государственной власти наряду с законодательной и исполнительной ветвями власти. Включение судебной власти в систему разделения властей способствует взаимному контролю и обеспечению равной ответственности всех государственных органов. Социальная роль судебной власти, как утверждает П. Райлян, может быть реализована только при условии ее независимости. Судебная власть, которая реализует свой потенциал независимости и беспристрастности, в соответствии с принципом разделения властей, обеспечивает их баланс и взаимодействие наряду с другими ветвями власти.

В статье «Роль конституционного контроля в реализации принципа разделения и взаимодействия властей в Республике Молдова» [240, с. 21-25] автор исследует место и роль таких источников права как акты органа конституционного контроля в вопросах рассмотрения споров о полномочиях между органами государственной власти в рамках разделения властей.

В своей работе **О. Casiadi** [12, с. 67-81] дает развернутый анализ полномочий и взаимодействия парламента, правительства, главы государства, судебных органов целого ряда современных государств, включая развитые, в частности, США, Великобританию и развивающиеся страны, например, Венисуэлу, Эквадор и др. Представленное исследование основано на классификации стран в зависимости от их политического

режима и системы государственного управления. Автор выделяет такие основные типы государств: с президентским, парламентским и смешанным режимом.

А. Бантуш, на основе детального анализа функций, компетенции и полномочий высших органов государственной власти, относящихся к законодательной и исполнительной ветвям, выявляет ряд практических проблем, возникающих в их взаимоотношениях. Особое внимание в работе уделяется перекрестным и контрольным полномочиям Парламента Республики Молдова и Правительства Республики Молдова [59].

Т. Кырнац также проводит исследование проблематики разделения властей в Республике Молдова [162] на основе комментариев и толкования к статьям Основного Закона страны и законодательства, действующего на момент проведения исследования. Автор также обращает внимание на некоторую несбалансированность, отсутствие четкой и эффективной системы сдержек и противовесов, что приводит к фактическому нарушению конституционных норм и искажает суть принципа разделения властей.

С. Рора [35] проводит обширное исследование государственно механизма, включая вопросы разделения властей в Молдове на современном этапе, поскольку данный принцип лежит в основе конституционного строя Республики в соответствии со статьей 56 Конституции РМ. В работе рассматриваются проблемы статуса и взаимодействия органов государственной власти на основе действующего законодательства, включая систему мер по укреплению системы органов государственной власти и эффективности их функционирования.

Представленный анализ современных отечественных разработок в области принципа разделения властей демонстрирует приверженность авторов общего классического европейского подхода к его трактовкам. В то же время, приходится констатировать, что большинство работ находятся в конституционном поле, что подтверждает необходимость и актуальность выработки теоретической его основы с учетом особенностей развития отечественной государственности.

1.3. Теоретические основы разделения властей в современной зарубежной правовой литературе

Анализ современной зарубежной юридической литературы по проблематике разделения властей начнем с обзора румынских источников.

M. Safta [250; 42, с. 170-181] отмечает, что сложность и динамика политической жизни определяют возможность пересмотра классических теорий права. Такой процесс также можно наблюдать и в отношении разделения властей в государстве. Многочисленные факты говорят о том, что данная теория претворяется в жизнь во многих современных государствах, прочно вошла в практику государственного строительства, что подразумевает необходимость дальнейших исследований такой проблематики с целью разработки более совершенных моделей взаимодействия и баланса сил, в соответствии с новыми политическими реалиями. Целью данного исследования являлось изучение принципа разделения и баланса сил в государстве с точки зрения взаимного уважения и лояльного сотрудничества между различными институтами государства.

D. Buti и **A. Radu** анализируют посткоммунистическую румынскую политическую систему с точки зрения формальной, институциональной и функциональной, политической перспективы [11, с. 48-54]. Научная новизна работы заключается в выработке концепции «общей власти» [11, с. 48]. Автор признает, что разделение властей юридически является элементом румынской политической системы. Однако, по мнению автора, хотя формальная политическая система Румынии основана на принципе разделения властей, с точки зрения политической динамики действующим правилом является «разделение полномочий».

Daniel M. Morar и **Mihaela S. Costinescu** провели комплексный и детальный анализ решений конституционного Суда Румынии [316]. Конституционный Суд Румынии, используя свое право на урегулирование конфликтов конституционно-правового характера между государственными органами, выполняет свою роль гаранта соблюдения Конституции [146] и, неявно, гаранта конструктивного сотрудничества между ними. Суд осуществляет посредническую функцию между ветвями власти государства, между государственными органами и их компетенцией в соответствии с принципом разделения и на основе взаимного контроля. Данный принцип прочно вошел в общественное, социальное и политическое сознание и является одним из столпов правового государства.

Elena R. Dobrițoiu использовала для своего исследования как исторический, так и правовой подход к анализу одного из них важнейшего принципа правового государства – принципу разделения властей [18].

По мнению автора, разделение властей должно иметь место в любой демократии в качестве механизма обеспечения безопасности и баланса между ветвями власти государства, с точки зрения происхождения теории разделения властей в государстве. Автор констатирует тот факт, что принцип разделения властей появился в умах человечества именно тогда, когда стала ощутимой потребность установления конституционного режима. На сегодняшний момент, когда в качестве основного принципа конституционализма признана идея верховенства права, разделение властей можно считать единственным действенным инструментом для его достижения.

М. Balan в своих трудах [7;8] отмечает, что в качестве фундаментальной догмы конституционализма и парламентской демократии, принцип разделения властей выделяется разнообразием различных форм его обоснования. Даже если его первоначальное значение было сфокусировано на размежевании государственных функций и, одновременно, сохранении отдельных институтов и полномочий, выполняющих эти функции, то эти идеи подлежат неизбежной переоценке или пересмотру, то сейчас его главная цель - разработка системы сдержек и противовесов политических сил и обеспечение сферы индивидуальной свободы, защищенной от посягательств государства, которые остаются актуальными до настоящего времени. В этом контексте структурный подход к решению сложной проблемы механизмов власти в современном состоянии делает возможной более высокую степень точности в подчеркивании политической и институциональной проблематики принципа разделения властей.

Современные российские авторы также предлагают многообразие подходов к исследуемой теме.

М.Н. Марченко совместно с А.С. Маныкиным, В.Е. Чиркиным, Е.И. Кравченко, Н.В. Кирсановой, Н.Н. Наумовой, В.З. Молодяковым, Н.И. Цимбаевым, А.Л. Алехиным, Ю.М. Козловым и др. отразил современные проблемы разделения темы в коллективной работе [239]. Данное исследование носит общетеоретический и междисциплинарный характер, и, одновременно основывается на государственной практике ряда стран. Концептуальными выводами, к которым приходят авторы в результате является факт жизнеспособности и эффективности разделения властей в большинстве современных государств как механизма демократического правового государства, предотвращающего возможную концентрацию власти в одном органе или одним лицом. Одновременно, доктрина и законодательство ряда развитых стран стоят на позиции отрицания принципа разделения властей, при этом воспринимая другие общедемократические принципы, включая народовластие, верховенство права и закона и др., удачно воплощая их на

практике. Авторы отмечают, что «различное понимание и соответствующее ему толкование теории разделения властей на современном этапе прослеживается по следующим направлениям» [239, с. 45]: это многообразие подходов к проблеме значимости теории разделения властей на современном этапе развития государства; это разнообразие в применении концептуальных основ и принципа разделения властей в конкретных странах; это разные подходы к проблеме обеспечения баланса власти; это разночтения в объяснении распределения компетенции и полномочий между всеми тремя ветвями власти.

С.Н. Шевердяев рассматривает истоки и становление теории разделения властей в контексте исторических условий. В качестве причины возникновения концепции разделения власти, в исследовании указана роль идеи политической свободы Монтескье, поскольку, по мнению автора, это есть ответ на вопрос о природе государственной власти. Автор стоит на позиции ряда ученых, которые понимают разделение властей не в качестве разделения полномочий государственных органов, а виде недопущения диктатуры и полного единства власти [252].

А.И. Ковлер [252] рассматривает истоки теории разделения властей и первый опыт ее реализации в европейских странах, а также в контексте практического опыта институтов Европейского Союза в ходе интеграционных процессов на основе принципов «консенсусной демократии», субсидиарности и пропорциональности. В своем исследовании автор предпринимает попытку решения задачи воссоздания европейской традиции на примере разделения властей. На фоне проектов единой Европы и стремления восточно-европейских государств к вступлению в Европейский Союз выявляются проблемы ограничения суверенитета европейских государств, излишней бюрократизации и перегруженности общеевропейских органов и механизмов. Также автор акцентирует внимание на положительных результатах деятельности европейских структур, в частности, четкой и детальной регламентации административных процедур, их слаженности и отточенности, что полезно было бы применить в России и других странах.

В отличие от международных европейских механизмов, рассмотренных А.И. Ковлером, **А.М. Арбузкин** [252] представил типологию и кластерный анализ разделения властей стран Европы на национальном уровне. Он утверждает, что рассматривать теорию разделения властей на современном этапе необходимо с учетом «принципа субсидиарности» [252, с.11], который автор предлагает понимать следующим образом: «если у одной ветви власти недостает полномочий (или способностей) для осуществления своих функций, другая ветвь власти помогает ей своими средствами, если это разрешает конституция, и нет возражений со стороны первой ветви власти» [252, с.18]. Автор

придерживается мнения, что принцип разделения властей и принцип единства власти не вступают в противоречие, они являясь составными частями одного целого и попросту отражают размежевание сфер компетенции и предметов ведения среди органов государственной власти и местного самоуправления. Автор полагает, что современная концепция разделения властей разительно отличается от ее догматического восприятия и должна отвечать реалиям текущего момента. В своем исследовании автор демонстрирует основную тенденцию в историческом развитии концепта разделения властей, который прошел путь от божественного происхождения власти и ее распределения до актуального организационного принципа устройства современного государства. Основным предназначением исследуемой теории и принципа разделения властей он видит, в конечном счете, в рациональном переспределении функций органов государства на различных уровнях публичной власти. При этом А. Арбузкин не является сторонником догматического подхода, считая, что количество ветвей власти на практике гораздо больше трех известных. В качестве самостоятельных ветвей он, в частности, называет и контрольно-надзорную, и представительную.

М.М. Борисевичем рассматривается ряд теоретических и практических проблем в сфере разделения властей в современной России, предлагаются основные направления развития классической концепции разделения властей с учетом современных реалий, обосновывается необходимость внесения изменений в Конституцию Российской Федерации в рамках развития концепции разделения властей с предложением конкретных формулировок [70, с.49-52].

В работе **А.Н. Перенджиева** в качестве основной обозначена проблема практического осуществления принципа разделения властей на примере Российской Федерации [211, с. 78-84]. Автор с точки зрения практической реализации указанного принципа представил свою позицию по вопросу соотношения различных ветвей власти при участии их в деле осуществления государственного управления, выявив значение каждой из них в вопросе возможного влияния на принятие государственных решений. Однако, на наш взгляд, автор излагает свою позицию только с точки зрения применимости его предложений в конкретном государстве, не делая выводов обобщающего характера.

В.М. Соколов также идет по пути разработки вопросов разделения властей в аспекте практики одного государства и обосновывает выбор темы исследования тем, что ее актуальность определяется трансформацией взаимоотношений органов государственной власти в России, с одной стороны, с другой – «необходимостью поиска сбалансированной модели разделения властей в сложных условиях федеративного государства, которая способна обеспечить высокую

эффективность работы государственного механизма» [253, с.20]. Он полагает, например, что «внесение поправок в Конституцию Российской Федерации, закрепляющих обязанность Правительства Российской Федерации предоставлять Государственной Думе ежегодный отчёт о своей деятельности, нововведения в судебной системе даёт новую пищу для правовых исследований и, как следствие, делает тему разделения властей особенно актуальной» [253, с.22].

Л.В. Плевако рассматривает проблематику развития принципа разделения властей на основе современных концепций его понимания в отечественной и зарубежной доктрине [214, с. 335-339]. В работе дана оценка выдвигаемым идеям модификации теории разделения властей на основе изучения работ Р.А. Ромашова [243, с. 100-101], В. Е. Чиркина [272;274;275], И.А. Полянского [216] и др.

Р.В. Косов, среди важнейших, по мнению автора, проблем современной науки теории государства и права, рассматривает вопрос эволюции и состояния принципа разделения властей [148]. Ценными в данной работе являются ряд авторских предложений, которые способствуют пониманию позиции автора по ряду позиций, связанных с реализацией принципа разделения властей и позволяют применить их в прикладной сфере. В данной работе в историко-правовом контексте исследован «процесс генезиса и сущность идеи разделения властей с учетом изменений природы государства и государственной власти в новейшее время» [148, с. 21]. На основе анализа национальных традиций в области властно-правовых отношений, автор доказывает прямое воздействие теории разделения властей на развитие законодательства стран мира, совершенствование правовых систем и правовой доктрины в целом.

С.А. Осетров рассматривает принцип разделения властей в его современном понимании с точки зрения ряда критериев: предметности, системности, полноты, достоверности, обоснованности [207, с. 155-163]. Исследуя теоретические и историко-правовые аспекты теории разделения властей, автор приходит к выводу о применимости термина «разделение властей» только к исторической концепции, поскольку он не отвечает правовой действительности сегодняшнего дня. Сегодня С. Осетров считает целесообразным использовать парный принцип единства и разделения властей. Кроме того, эффективность разделения властей автор связывает с необходимостью, чтобы все ветви власти были представлены разными социальными слоями.

Е.В. Коврякова излагает проблемы внутренней противоречивости теории разделения властей [128, с.65-74]. Автор в основу исследования триады властей ставит формальный и материальный признаки. По мнению автора, в современном понимании секуляризация ветвей происходит «как по вертикали, так и по горизонтали» [128, с.66].

Обращено внимание на отделение муниципальной власти и ее органов от органов государства всех уровней. На этой основе автор выстраивает множественность самих ветвей власти, которых в настоящее время насчитывает, по его мнению, «более десяти: законодательная, исполнительная, судебная, учредительная, избирательная, контрольная, гражданская, организационная, президентская, народная, прокурорская, финансово-банковская, надзорная, денежная и др.» [128, с.69]. Также анализируются причины превращения норм, регулирующих взаимоотношения властей, в фикцию, выражающуюся в отсутствии возможного баланса между законодательной и исполнительной властями. Работа проиллюстрирована примерами законодательства ряда стран, включая Молдову.

Представляют исследовательский интерес труды представителей Западной, прежде всего, американской юридической науки.

W. Marshall критически осмысливает теорию Мартина Х. Редиша о пределах судебной власти в условиях действия принципа разделения властей, о ее невмешательстве и равной удаленности судов от «политических ветвей» [314]. Автор приводит аргументы против тезиса о том, что доктрины воздержания представляют собой нарушение разделения властей.

Он говорит о том, что еще со времени вынесения решения Верховного Суда Никсон против США, была признана привилегия исполнительной власти, основанная на федеральном разделении властей. Такое преимущество позволяет Президенту взаимодействовать с исполнительной властью, даже когда в период выборов затруднено осуществление его конституционных обязанностей. Отрицание исключительных полномочий исполнительной власти и нарушение в этом смысле разделения властей, автор считает популистским подходом. Автор не отрицает справедливость требования не сосредотачивать власть в одной ветви, но, в то же время, доктрина разделения властей должна предусматривать и защищать их компетенционную сферу.

M. Maeva исследует особенности понимания и реализации разделения властей в США в конце XVIII в. на начальном этапе развития американского государственного механизма [303, с. 269-277]. Автор отмечает неукоснительное соблюдение принципа беспристрастности судей и судебной власти в целом в указанный исторический период. Далее Marcus Maeva показывает процесс вовлечения судей в политическую жизнь, что фактически нарушило принцип разделения властей и предопределило поиск средств обеспечения независимости судебной власти.

B. Ackerman рассуждает на тему экспансии американской модели разделения властей в разные страны мира: Германию, Италию, Японию, Канаду, африканские страны, и приходит к выводу о нецелесообразности ее слепого копирования [292, с. 633-729].

Более подходящей доктриной он считает доктрину ограниченного парламентаризма, в рамках которого повышается устойчивость правительственных органов, сформированных легитимно избранными парламентами или одной из его палат. Автор выделяет 3 (три) мотивирующих принципа современной теории разделения властей: это демократия, профессионализм и защита фундаментальных прав человека.

Французский автор **М. Kordeva** проводит детальный анализ немецкой правовой доктрины и решений, касающихся принципа разделения властей, демонстрируя его истинное функциональное качество [310]. В Германии принцип не отождествляется с так называемым общепринятым и абсолютным правилом, которое должно быть точно и одинаково воспринято государствами. Автор приводит ряд решений Федерального Конституционного Суда ФРГ, относящихся к содержанию и реализации принципа разделения властей в Германии, позволяющие систематизировать его доктринальное содержание и унифицировать применение. Профессор Kordeva М. считает неприемлемым использование обычного подхода к сущности разделения властей, когда каждому органу должна соответствовать определенная функция, поскольку разные ветви власти могут участвовать в осуществлении функций других. Принципиально важным автор считает недопущение узурпации власти каким-либо органом государства или определенной ветвью власти. Поэтому, как отмечает автор, разделение властей – только функциональный принцип и не является определяющим в государственном механизме.

В заключение необходимо отметить большее многообразие концептуальных исследований и мнений относительно принципа разделения властей в иностранной научной литературе, которые, в отличие от отечественных, проявляют весьма критическое отношение к его классическим трактовкам. Зарубежные подходы во многом противоречивы в отношении ключевого вопроса о значении и применении теории и принципа разделения властей.

1.4. Выводы по Главе 1

Проведенный анализ современных доктринальных источников в области теории государства и права, политологии, социологии, конституционного права демонстрирует, что при всем их количественном и содержательном разнообразии, существует целый ряд пробелов, в частности, отсутствует единый подход к определению разделения властей, количеству ветвей власти, роли самой концепции от ее абсолютизации и аксиоматичности до полного неприятия и ряд других. Исследуя позиции отечественных и зарубежных ученых в области формирования, сущности, содержания теории и принципа разделения властей, мы наблюдаем разнообразную картину представлений, мнений, рекомендаций по этим вопросам. Анализируемый спектр суждений в исследуемой области только подтверждает необходимость и пользу дальнейшей научной работы по проблематике разделения властей.

Итак, можно представить некоторые выводы:

1. Концепция разделения властей в современном ее понимании, толкование ее значения, содержания и реализация предполагают многообразие подходов, что, в конце концов, выражается в достаточно большом количестве доктринальных мнений, которые во многом не совпадают, а порой и противоречат друг другу.

2. Анализ содержащихся в обзоре научных источников идей, подходов отечественных и зарубежных государствоведов, философов, политологов, юристов показал наличие достаточно большого количества научных работ по теме разделения властей, которые, в то же время, не содержат комплексного подхода, построенного на системно-структурном принципе, а посвящены только отдельному аспекту исследуемой концепции. Значительный вклад в разработку проблематики разделения властей в Республике Молдова внесли такие авторы как: **G. Avornic, R. Grecu, G. Costachi, V. Popa, A. Arseni, E. Aramă, I. Jecev, S. Goriuc, A. Negru, B. Negru, A. Smochină, I. Gîrneț, M. Manoliu, В. Мишин, Н. Грэдинару, Т. Кырнац, П. Райлян**, и др. Среди зарубежных авторов, исследующих вопросы разделения властей, в работе представлены труды румынских, российских, западноевропейских и американских авторов, в частности: **M. Safta, D. Buti, A. Radu, Daniel M. Morar, Mihaela S. Costinescu, Elena R. Dobrițoiu, M. Balan, М.Н. Марченко, С.Н. Шевердяев, А.И. Ковлер, А. М. Арбузкин, М.М. Борисевич, А.Н. Перенджиев, В.М. Соколов, Л.В. Плевако, Р.В. Косов, С.А. Осетров, Е.В. Коврякова, W. Marshall, M. Lee, M. Maeva, B. Ackerman, M. Kordeva** и др.

3. Теория разделения властей у современных авторов преимущественно исследуется в конституционно-правовом и политологическом поле, в то время как

концептуальных теоретических разработок, преодолевающих доктринальные пробелы, в том числе в понятийном аппарате, явно недостаточно.

4. Детальное изучение представленных библиографических источников способствовали формированию устойчивых представлений автора по проблематике разделения властей, способствовали выработке собственной позиции по ряду проблемных вопросов и составили, таким образом, научно-теоретическую базу данного диссертационного исследования.

5. Написание данной главы предопределило формулирование основной цели, которая будет достигнута в ходе написания всей работы.

6. Комплексный подход к разработке теоретических основ разделения властей, выработка вариантов его моделей, корректировка понятийного аппарата позволят придать концепции завершённый вид, будет способствовать совершенствованию теоретических знаний по проблемам разделения властей в условиях усложнившихся функций, бюрократизации государственного аппарата и других явлений, характерных для современного государства.

7. Представленное исследование будет иметь и практическое значение, связанное с совершенствованием государственного механизма и законодательства Республики Молдова, в случае реализации рекомендаций и предложений, сформулированных автором.

Необходимо признать и тот факт, что разделение властей в меньшей степени исследуется в теоретико-правовой науке, в большей – рассматривается в рамках национального конституционного права разных стран. В этой связи следует углубить теоретические исследования, выработать теоретические основы концепции разделения властей в условиях вариативности его моделей, условий возникновения и развития, реализации. Это предопределило выбор темы диссертации, основные направления, цель и задачи нашего исследования.

Цель работы заключается в комплексном исследовании вопросов возникновения и эволюции концепции разделения властей на основе глубокого анализа выработанных наукой доктринальных позиций, а также фактического взаимодействия органов государственной власти современных государств и трансформации данной идеи в форму основополагающего и краеугольного принципа современного демократического правового государства, на основе чего сформулировать предложения, направленные на уточнение понятийного аппарата исследуемой доктрины и совершенствование законодательного оформления данного принципа в законодательстве Республики Молдова.

Задачи исследования будут способствовать достижению поставленной цели:

а) определить состояние научной разработанности принципа разделения властей в современной отечественной юридической литературе, проанализировать и оценить вклад отечественных авторов в концепцию разделения властей с точки зрения ее восприятия, дополнения ее содержания, механизм реализации, выявить пробелы в научных исследованиях в данной области;

б) на основе многочисленных авторских подходов, доктрин, идей, касающихся устройства государства, государственного механизма, обеспечения свободы личности, выявить предпосылки и общие начала в мировой научной мысли для формирования цельной и устойчивой системы признаков и черт в содержании теории разделения властей;

в) проследить путь и причины трансформации идей о разделении властей в классическую теорию, а затем – в один из принципов рациональной организации современного государства;

г) изучить истоки и вычленив основные этапы развития концептуальных основ принципа разделения властей, дать оценку вклада выдающихся философов, политиков, юристов, государствоведов на каждом таком этапе: в условиях древних государств, в период феодализма, в эпоху Реформации и Просвещения; проследить взаимосвязь и синхронность становления теории разделения властей с учением о правовом государстве;

д) на основе изучения размышлений в трудах классиков теории разделения властей, обосновать роль и значение их идей для становления принципа разделения властей и воплощения основных принципов современного государства, включая его понимание как правового заслона против узурпации власти и тирании, средства обеспечения прав человека с учетом особенностей современного этапа развития государственности;

ж) раскрыть значение историко-правового подхода и общей теории государства и права в деле определения модели разделения властей в конкретном государстве на фоне особенностей его общественно-политического развития;

з) на основе исследования особенностей понимания и практического воплощения национальных моделей разделения властей, оценить возможности использования классической концепции разделения властей и возможности ее трансформирования, эволюции, совершенствования;

и) уточнить и дополнить содержание и способы воплощения принципа разделения властей для современного государства с точки зрения распределения его функций и обеспечения работы государственного механизма, разграничения компетенции и полномочий различных органов государства и их взаимодействия;

к) систематизировать все многообразие форм разделения властей в государствах современного мира и выявить факторы, оказывающие решающее влияние на них; показать соотношение принципа разделения властей и формы правления государства;

л) показать значение принципа разделения властей в государстве на современном этапе в качестве гарантии прав и свобод личности и как признак конституционализма и правового государства с демократическим правлением;

м) рассмотреть особенности правового регулирования и практического воплощения принципа разделения власти в странах молодых демократий, в том числе в Республике Молдова;

н) оценить возможности принципа разделения властей в обеспечении рациональности и эффективности государственного управления и определить соотношение с принципом единства власти;

о) на основе исследования эволюции подходов к содержанию принципа разделения властей, показать основную тенденцию толкования его содержания как распределения функций государства между различными ветвями и органами.

Решенная научная проблема в рамках данного исследования заключается в выявлении организационно-правовых возможностей принципа разделения властей, выступающего в современном государстве гарантом обеспечения его сущностных характеристик и прогрессивного развития. Показаны обусловленность и межкомпонентные связи данного принципа с другими принципами, составляющими в совокупности организационное устройство демократических правовых государств.

2. ДОКТРИНАЛЬНАЯ ОСНОВА ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

2.1. Предпосылки возникновения и периодизация развития принципа разделения властей

Идея необходимости сдерживания высшей государственной власти путем ее сегментирования можно считать естественным следствием эволюции государства и права. Поэтому теория разделения властей не является надуманной, искусственно созданной – она предопределена государственно-правовой деятельностью и представляет собой некую модель осуществления государством реализации функций государства, полномочий органов государственной власти, основанном на государственно-политической практике всех народов и стран. По сути, она тесно связана с мыслью о самоограничении власти, которая родилась и культивировалась на основе длительного развития доктринальных, религиозных, философских, юридических и иных воззрений о природе государства и власти в нем.

Еще со времен возникновения государства лучшие умы человечества стремились найти наилучшее соотношение между потребностями общественного регулирования, требованиями определенного устройства государственного «организма» и неизбежностью необходимого социального прогресса. Богословы, мудрецы и люди науки ищут ответ на один из самых сложных вопросов общественной жизни: «как примирить природу государственной власти с потребностью в личной свободе» [57;74;116;120;124;125;260;261;262]. Результатом целого ряда попыток найти решение этой сложной задачи стало появление доктрин, теорий, которые имели ряд принципиально важных общих моментов, что позволило их объединить в единую целостную концепцию о разделении властей. Данная теория воплотила в себе идеи философского, религиозного, юридического, политического характера на природу государственной власти, средствах ее воплощения. Как уже было отмечено, данная теория соединяет в себе как научно-доктринальное начало, так и практику реализации разделения властей в странах мира на различных этапах их эволюции. Отмечая важность выдвинутого тезиса, еще раз подчеркнем, что как классики исследуемой концепции, так и представители юридической и политической науки сегодня, отмечают ее прикладной характер, говоря о том, что только оптимальное разделение властей является ключом к пониманию сущности государства, формам реализации его функций и способам взаимодействия в рамках системы органов государственной власти. Выявляя истинную суть разделения властей, можно прийти к пониманию категорий демократического и правового государства. Вместе с тем, определить тенденции и закономерности эволюции теории разделения

властей невозможно без познания этапов развития самого государства в его историко-правовом аспекте. Более того, рассуждать и делать выводы о роли, значении, особенностях проявления разделения властей в отдельном государстве невозможно без обращения к доктринальным источникам и общим постулатам, выработанным теорией государства и права.

Авторское видение роли историко-правового подхода к исследованию эволюции разделения властей отражено следующим образом: «Теория разделения властей возникла в результате предшествующих ей периодов социально-политического развития и накопления исторического опыта в организации государственно-правовой жизни и поддержании стабильности в обществе и государстве. Именно в историко-теоретической привязке возможно раскрыть содержание концепции разделения властей в конкретном государстве, ее практический смысл и государственное назначение. Без учета и анализа социального фона весьма затруднительно понять не только генезис, но и назначение теории разделения властей, заложенный в ней потенциал» [179, с. 58].

При рассмотрении процесса формирования концепции разделения властей, М.Н. Марченко выделяет три этапа. Первоначально создается только «мировоззренческий фон, на основе которого начинает формироваться теория разделения властей» [239, с.12]. А. А. Хафизов именуется этот этап «универсально-синкретическим», так как, по его мнению, основные воззрения того времени стали «предпосылками возникновения идеи разделения властей», отмечая «синкретичность (нерасчлененность) в качестве характерной черты философских и политико-правовых взглядов в древнюю эпоху и период античности» [263, с.13]. Более того, принципиально соглашаясь с периодизацией истории развития концепции разделения властей, данный автор предлагает после данного периода расположить «рационально-антропологический», значение которого автор видит как «достаточно четкое оформление доминирующей концепции, основанной на выделении независимых друг от друга законодательной, исполнительной и судебной властей, как гаранта наиболее продуктивного, законного функционирования государства, обеспечивающего всем равные права и свободы» [263, с.15].

Далее появляется сама теория, происходит окончательное утверждение ее составных частей, объединяющихся в непротиворечивую, цельную концепцию. Затем, по прошествии определенного времени апробации логически появляется анализ и критика существующих постулатов, ведущие к определенным изменениям отдельных ее положений. Как правило, первый исторический этап является наиболее продолжительным, в данном случае речь идет о периоде с XV в. до второй половины XVII

в. Следующий этап, по мнению Марченко, продолжался до конца XVIII в., в то время как третий этап продолжался до начала XIX в. [239].

Рассуждая о том, что у мыслителей древности и средневековья, как только появляется мысль о невозможности допустить сосредоточение безграничной власти в руках кого-либо лица или органа государства, сразу возникает ответная реакция – мысль необходимости ограничения государственной власти. Р.В. Косов называет такую ситуацию «мировоззренческий фон», «интеллектуальной средой», в которой «стало возможным возникновение идеи ограничения власти» [148]. Р.В. Косов эволюцию концепции разделения властей делит на три последовательных этапа.

Следующий этап данный автор связывает с Возрождением, когда разделение властей получает форму стройной концепции, получившей практическое применение в государственном механизме ряда стран. В Новейшее время «теория разделения властей постепенно трансформируется в своеобразный императив современной государственности» [148, с.17]. Каждый макроэтап автор делит на самостоятельные периоды. В рамках начального этапа теории разделения властей «выделяется непосредственно момент возникновения идеи ограничения публичной политической власти в античной научной традиции; христианская интерпретация проблемы соотношения личности и власти в социально-политических доктринах средневековья» [148, с.19]. На втором макроэтапе «оформления и практической реализации научной концепции» [148, с.19] идет «правовое закрепление принципа разделения властей в правовых системах отдельных стран» [148, с.19]. Современный период автор связывает с приспособлением классической формулы разделения властей к новым реалиям, связывая ее напрямую с теоретической базой современного демократического правового государства.

Как отмечается в литературе, перечисленные выше этапы укладываются в общее русло развития общечеловеческой парадигмы, которая стала доминировать на европейском континенте, а затем и в других частях света. Доктрина разделения властей обрела четкие очертания и была применена на практике именно как результат прогресса человеческого общества, став, в итоге колыбелью политической культуры [185].

Увидеть, что государственная власть и органы, ее воплощающие, начинают определенным образом группироваться, обособляться в отдельные направления, можно уже на этапе создания государства, уже в этот период происходит сосредоточение власти в одном органе, лице и, одновременно, осознается необходимость разделения общественно значимых функций, полномочий. Тезис о разделении законодательной, исполнительной и судебной власти вторит поиску идеальной модели государства в ходе

всего исторического развития. В первоначальном виде данный тезис уже присутствовал у древнегреческих философов. Именно в этом античном государстве формируется и доводится до возможного на тот период совершенства система общих начал построения государства, которые заложили базу и для современной государственно-правовой и политической картины мира. Древнегреческая государственно-правовая мысль положительно отразилась и на доктринальной разработке классической и современной концепции разделения властей, отличаясь прогрессивными идеями и оригинальностью. В ней отражено «понимание особенностей их взаимодействия с государством и отдельными его институтами, поскольку ориентир на общественный интерес и права личности стали опорой и образцом для западноевропейской политической и правовой культуры» [185, с.8]. Идеи древних греков о государстве, его устройстве получили свое оформление на основе общей линии мифологических убеждений, что полисы и законы основывались на божественном происхождении и высокой справедливости. Это утверждение имеет весьма важное значение для более глубокого изучения древнего мира. Те сферы, которые являются составной частью выстроенной единой системы ценностей древнегреческой цивилизации, объединены общим источником. И одним из таких источников является сформулированная еще в то время идея демократии в ранних полисах, теологического происхождения общественных норм, основанных на принципе справедливости. В те времена только такая концепция могла быть признана законом, которая соизмерялась с понятием справедливости. Развитие древнегреческого судебного мнения началось с поиска естественно-правовой связи между обществом, государством и индивидом, основанных на общедемократических началах. Такую связь впервые обнаружил и описал ее первым в своих трудах древний философ Гесиод.

Гераклид, философ, который жил и писал свои работы в VI-V вв. до н.э., видел источником законов государства «космический порядок» и «божественный разум». Он старался убедительно объяснить связь между ними, видя в них общее и разумное. Гераклид считал, что нарушение закона является актом, противоречащим божественной гармонии и законам справедливости и утверждал, что нарушения надо гасить быстрее, чем огонь. На основе дальнейшего развития правовой мысли, все учения античности и современности, которые понимают любой базовый принцип (форму вселенского сознания), который должен выражаться в позитивном законе согласно естественным законам человека, возвращаются к понятию Гераклида.

Сущность равноправия как равной меры того, что допустимо и запрещено также можно обнаружить в школе пифагорейцев, которые полагали, что сущность справедливой структуры общества заключается в «равной компенсации другому» [185, с. 15].

Определение равенства и последовательной справедливости пифагорейцы описали числами, а именно определенным числовым соотношением. Если приводить слова Солона, то такими соотносимыми категориями должны являться право, закон и власть. Следует обратить внимание на представления Солона о законе и праве, которые во многом соответствуют современным представлениям о них. Так, говоря о праве, он доказывал необходимость обеспечения равенства в правах и свободах граждан. Кроме того, под равенством он понимал и такой аспект как равенство перед законом.

Идеи, связанные с разделением властей, можно обнаружить в работах таких известных древних мыслителей, как **Платон, Аристотель, Полибий.**

Несомненную роль в исследовании политических и правовых принципов в древнем мире сыграл известнейший философ, государствовед Аристотель, которому присуждают первенство в формировании политической науки. Его учения многогранны и распространяются практически на большинство областей и аспектов социальных отношений. В работах Аристотеля подчеркивается особая важность социального принципа человеческой природы, неизбежной зависимости от личности общества. Эта связь опосредуется через социальные отношения - многоплановые контакты с другими субъектами общества. Государство он считал результатом развития семьи, в то время как делается вывод о характере государства. Из этого следует, что каждое состояние является продуктом естественного возникновения, такого как первичное общение: это завершение его, в конце концов, это влияет на природу. Из всего, что было сказано, «кажется, что государство принадлежит тому, что существует от природы и что человек по природе — это политическое существо» [53, с. 107]. Выдающийся философ древности в своих произведениях утверждал: «в любом государстве имеется три элемента: законосовещательный орган, магистратуры и судебные органы» [55, с. 117]. Несомненна роль Аристотеля в выявлении сущности юридического равенства, которое стало одним из основополагающих структурных элементов и признаков любого демократического общества, сущности правового государства. Тем самым подчеркивается значение трудов Аристотеля в аспекте генезиса правового положения личности, ее прав и свобод. Аристотель писал, что «равенство состоит в том, что ни неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ; верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны» [55, с. 182]. В то же время, можно обнаружить некоторые противоречия во взглядах данного философа, который утверждал, что состояние рабства для отдельной категории людей оправданно и естественно предопределено, более того, для них это благотворно, и они этого заслуживают. Кроме того, Аристотель был убежден, что личность может быть свободна только в политически

организованном обществе – государстве, которое может и должно обеспечить ему правовое положение, комплекс прав и свобод силой права [245, с. 27].

Затем в трудах Аристотеля мы сможем заметить еще один прогрессивный символ – это очертания концепции взаимной ответственности гражданина и государства, без которого немыслимо современное понимание правового государства.

Последователь Аристотеля, **Платон**, в работе «Государство» производит дальнейшее развитие выдвинутых концепций. Так, Платон говорил о том, что в процессе взаимодействия между общностями должен быть соблюден принцип справедливости [148, с. 18]. Право и закон он также считает мерилom справедливости. Большой интерес представляет, по нашему мнению, разработанная теория «справедливого государства», где им была установлена сущность и конечная цель его развития – идеальная система построения государственного механизма на основе согласованности и единения [148, с. 19]. Платон, основываясь на морально-этических критериях Сократа, обосновывал связь космоса, государства и отдельного человека.

В работах **Полибия** мы можем обнаружить его личные представления об идеальном государстве. Он придал ему такую словесную формулу: это такое государство, в котором «власть поделена между консулом, сенатом и народным собранием, которые должны одновременно и поддерживать, и сдерживать от злоупотреблений друг друга» [215, с. 234-311].

Свой вклад в разработку вопросов взаимосвязи статуса личности и наличия у него тех или иных прав, внес **Эпикур**. Он полагал, что комплекс естественных прав у личности напрямую зависит от его положения в обществе, а значит, от наличия у него определенного статуса. Более того, он считал, что комплекс принадлежащих личности прав имеет исключительно характер соглашения, в которые он вступает, в противном случае, он не может получить и воспользоваться правами и свободами [97, с. 410]. Поэтому субъекты, не включенные в систему договорных обязательств, не могут обладать политическими правами и свободами граждан, и соответственно к ним не применяются общепринятые нормы морали и справедливости [97, с. 410].

Если перейти к анализу следующего исторического этапа государственности в части обнаружения в практике деятельности органов государственной власти хоть каких-либо минимальных признаков разделения властей, то безусловно возможно говорить об определенном опыте и зачатках распределения функций между ними, однако в феодальный период это выражено весьма слабо. В качестве механизма определенного баланса властей можно привести в пример разве что противостояние постоянно образующихся и распадающихся группировок феодалов, выступавших одни против других. В зависимости

от конкретных исторических обстоятельств в такое противостояние могли вовлекаться различные социальные силы в лице определенных органов или должностных лиц. Речь шла, прежде всего, о церкви, сословно-представительных органах, судах и др. Но в данном контексте мы не можем охарактеризовать такое выстраивание отношений в качестве стройной и продуманной системы, обеспечивающей оптимальный вариант баланса политических сил в государстве, хотя, несомненно, что определенный практический опыт средневековья полезен для осмысления современниками.

Рассуждая о роли феодального государства в развитии идей о разделении властей, необходимо принимать в расчет тот факт, что именно в этот период происходит становление многих институтов государственности. На фоне средневековой теологической философии наметились важнейшие тенденции разделения общественных и государственных функций и полномочий, а само государство и его институты значительно укрепились [97, с. 410]. Можно утверждать, что средневековое государство уже стало такой формой организации общества, которая дошла до современности, то есть сложилось государство в современном его понимании. Приобретает четкие очертания и система органов государственной власти, правда, с учетом монархической формы правления, где высшим и наиболее полномочным органом, воплощающим государственную власть, является сам глава государства, чьи полномочия либо вообще не ограничены, либо ограничиваются в той или иной степени. Кроме того, осязаемые признаки государственности проявляются в построении четкой вертикали государственных органов во главе с монархом и оформляется мощный государственный аппарат, по сути, олицетворяющий исполнительную власть со всеми ее властно-политическими атрибутами. Полагаем, что феодальное государство стало отправной точкой создания современного государственного аппарата, характеризующегося широкими возможностями в исполнительно-распорядительной сфере.

Идеи теологического характера возникновения государства противоречат исследуемому принципу разделения властей. Это подтверждает божественный постулат о том, что «Господь - судия наш, Господь - законодатель наш, Господь - царь наш». Но и в трудах исследуемого периода можно обнаружить попытки найти ответы на вопросы о том, как именно должно выглядеть идеальное государство, на каких принципах должно строиться государственное управление.

Элементы исследуемой концепции разделения властей можно обнаружить у выдающегося средневекового философа-схоластика **Ф. Аквинского**. Серьезное место в трудах Ф. Аквинского отведено государственно-правовой проблематике, так, в своих работах «О правлении властителей», «Сумма теологии» он рассуждал о том, что

«государство должно стоять на страже внешней нравственности личности, а церковь – внутреннего его мира» [115, с. 24,25]. Представленная цитата имеет тот важный смысл в свете исследования разделения властей, что, по сути, подчеркивая религиозный характер государства своего времени, он отделяет светскую власть от церковной. Монархию он делил на абсолютную и политическую, считая политическую более совершенной, поскольку власть в ней основывается на законе. Сущность власти Аквинский определяет как упорядоченные отношения власти и подчинения. Он утверждает божественный характер источника власти и характеризует власть как благо, однако, признает, что формы и методы осуществления власти могут быть «дурными», «несправедливыми». Таким образом, правители, нарушающие законы и справедливость отклонятся от божьей воли. Единственным вариантом выхода из подобной ситуации Аквинский видит в свержении тирана.

Анализируя труды средневековых философов по государствоведению, нельзя не обратиться к идеям **М. Падуанского**, который, на наш взгляд, максимально приблизился к пониманию концепта разделения властей и отразил это в своих произведениях. Главное, к чему пришел философ – это то, что законотворческая деятельность должна быть производна от населения, от граждан государства, то есть такие полномочия, по его мысли, должны осуществлять представительные органы. Исполнительная власть, по мнению **М. Падуанского**, должна считаться производной, вторичной, поскольку призвана организовать выполнение принимаемых норм законодательства. Таким образом, М. Падуанский, в принципе, четко разделяет законотворчество от государственного управления и видит в лице соответствующих органов принадлежность к разным ветвям власти. В то же время, несложно обнаружить и очевидные несовершенства теории М. Падуанского, который настаивал на том, что суд вершит тоже исполнительная власть, хоть и под контролем народа [62]. На наш взгляд, идеи М. Падуанского являются весьма прогрессивными и смелыми для средневековой политико-правовой мысли, поскольку в качестве источника власти и государственного управления он называет народ. Более того, считаем, что можно согласиться с теми, кто признает М. Падуанского основоположником классической теории разделения властей, которая впоследствии была разработана французскими и английскими государствоведами: «именно Марсилиус Падуанский считается основателем развитого впоследствии английским философом Джоном Локком (1632 - 1704) и французским правоведом и философом Шарлем Луи Монтескье (1689 - 1755) учения о разделении властей» [172, с. 212].

Серьезный вклад в формировании теории разделения властей внес, по нашему мнению, **Кузанский Н.**, а позднее и европейские политические публицисты, которые

привнесли в нее элементы демократического государства, сохранившие до сих пор свое значение, поскольку они в качестве доктринальной основы своих суждений использовали естественно-правовую концепцию и теорию общественного договора и разделили мысль М. Падуанского об отделении правотворчества от государственного управления [160].

Немецкий философ, юрист **С. фон Пуфендорф**, настаивал на том, что обеспечить суверенитет государства возможно только при правильной организации верховной власти, в структуре которой он видел определенное количество звеньев. Под правильной организацией власти он понимал необходимость создания механизмов, обеспечивающих самостоятельность законодательного органа и его деятельности от других органов государства [248, с. 136-149].

Принципиально важным этапом для становления теории разделения властей стала Реформация, в ходе которой сформировались философские, идейно-нравственные, юридические, политические основы для формулирования ее главных постулатов, элементы которых были привнесены еще в период Возрождения и Просвещения. Новая эпоха стала началом и платформой для дальнейшего развития западноевропейской, а затем и реципированной политической культуры Америки.

М. Лютер подверг критике подвластный характер библейских писаний самой церкви, указывая на необходимость противоположной их диспозиции. Он полагал, что церковь искажает Священное Писание, поэтому первостепенную важность приобретает изучение человеком первоисточника – Библии, но не ее церковных толкований. Изучение Священного писания он приравнивал к «постижению божественной мудрости через откровение, через что реформаторы способствовали созданию принципиально иных основ мирозерцания, формированию нового отношения Богу» [163]. Значительность такого подхода объяснялась тем, «что, отличие от эпохи Возрождения, на сей раз затрагивалось массовое сознание, по-прежнему, остававшееся религиозным» [163]. М. Лютер вполне допускал, «что власть не является идеальной по своему устройству», но «тем не менее, церкви не пристало вмешиваться в земной порядок» [173, с. 130]. Реформатор утверждал, что «неправедные не делают даже того, что предписывает право. Поэтому им нужно право, которое бы учило, заставляло и принуждало их делать добро» [173, с. 131].

М. Марченко утверждает, что **Кальвин** «пошел дальше Лютера со своим учением об изначальном предопределении одних вечной гибели, других вечному блаженству» [239]. Цитируя в своей работе **Кальвина**, Марченко сделал вывод о том, что «логика его доктрины вела формированию совершенно иной картины мира» [239], которая в работе первоисточника предстает следующим образом: «Всемогущий, всеведущий Господь, до сотворения мира предопределивший не только спасение одних гибель других, но весь

дальнейший ход истории, не вмешивается ход вещей, но постоянно направляет его своей волей» [290, с.83-84, 106], и, как полагает в этой связи автор: «Такая картина мира подразумевает наличие своего рода закона, механизма. Развитие научного познания, свою очередь, меняло подход к проблеме общества и государства» [239]. Такой путь предполагал объяснение сущности самого государства, его функций и направлений деятельности. Революция осмысления основ идеологии Реформации заключалась, по мнению выдающегося социолога М. Вебера, в том, что «... к безусловно важным компонентам следует отнести рациональную структуру права управления» [76, с. 13].

В рассматриваемый период была решена важная проблема принципов отношений между государством и личностью, что также оказало влияние на формирование классической теории разделения властей. Ее решение кардинально отличалось от того понимания места и роли гражданина в античном и феодальном государстве, которые основывались на постулатах традиционного общества, ругулируемого обычаями взаимодействия людей, объединявшихся в крупные социальные группы. Такие подходы требовали, прежде всего, трансформации сознания самой личности и отдельных слоев общества. Такая трансформация личности была призвана воспринять те качественные изменения, которые предполагались в политическом и государственном укладе общества. По сути, это должно было обеспечить переход к более демократической системе управления, которая связывалась с новыми буржуазными преобразованиями, появившимися в новую эпоху.

Не смотря на вклад ученых этапа Реформации в развитии государственно-правовых институтов и концепции разделения властей, большинство современных теоретиков все же настаивают на том, что в описываемый период происходила только подготовка, начальный этап их формирования, однако, соглашаясь с позицией М. Марченко, его значение состоит в том, что он меняет «вектор интеллектуального, теоретического развития» [239]. На наш взгляд, это положительная оценка того вклада, который внесли философы и юристы эпохи Реформации в становление государственно-правовых наук. Главная заслуга теоретиков данного периода, что они подготовили доктринальную основу для реализации их идей на практике, которые получили воплощение уже на следующем этапе исторического развития. Именно поэтому до настоящего времени строго не определены четкие временные рамки начала и завершения этого важнейшего исторического периода. Тем не менее, роль эпохи Просвещения видится в принципиальных изменениях мировоззренческого фона, которые были напрямую связаны с бурным развитием научной мысли, в частности, в области естествознания. Сделанные в этот период открытия в области точных и естественных наук отразились на развитии

практически всех научных сфер. Центром научного прорыва была Западная Европа, что позволило данному региону выйти на передний план по уровню технологического, экономического, социально-культурного развития. Основной идеей рассматриваемой эпохи явилось «... признание того, что физический мир можно понять, им можно управлять помощью сравнительно небольшого числа устойчивых законов, которые может постичь человек. Именно по этой причине ньютоновские концепции представляют собой один из рубежей истории» [118, с. 19]. Как отмечается в литературе: «теоретические постулаты ньютоновских концепций, послуживших онтологической основой всей системы взглядов Нового и отчасти новейшего времени, были описаны помощью математически безупречного аппарата, придававшего всем этим построениям особую убедительность» [239]. Выводы представителей ньютоновской школы о разумности человеческого мышления, о наличии строгих законов природы становятся основой для понимания того, что так же разумно возможно построить управление природой и, в конечном итоге, обществом людей и политически организованным обществом. Принципиально важное значение в развитии концепций Просвещения имеет постулат о необходимости выявления закономерностей развития оптимальной модели государства, материализовавшийся в концепции разделения властей.

Возникновение аргументированной интерпретации необходимости сдерживания власти предопределялось как переворотом в политическом и правовом сознании, так и с коренной ломкой представлений человека об устройстве мира, что, очередной раз, существенным образом изменило модель и уровень человеческого развития. Эти процессы нашли отражение и в политической сфере феодальных государств Европы, где основные изменения заключались в том, что деятельность государства в большей степени стали укладываться в рамки принятых правовых нормативов.

По нашему мнению, именно на данном этапе развития происходит отделение гражданского общества в зачаточном его состоянии от государства. Это можно интерпретировать достаточно неоднозначно, поскольку отдаление в соответствующую историческую эпоху государственной власти и самого государства от общества и его интересов нельзя полностью положительно оценить, но в то же время отсюда следует вывод о кристаллизации структуры самого гражданского общества, пусть еще и в неразвитом состоянии. Положительно, на наш взгляд, необходимо оценить в данном контексте и элементы формализации государственной власти, когда человек и власть стали иметь право «легального взаимного проникновения, причем взаимодействие через право оказалось менее кровавым, хотя, по сути, таким же напряженным и даже драматичным» [148, с. 20].

По словам Р. Косова, «властные амбиции, желания, действия отныне все более ограничиваются правовыми рамками» [148, с. 18]. Он отмечал: «По сути дела, если дальнейшее развитие общественных отношений связано с тенденцией их усложнения, то одним из главных направлений эволюции государства является повышение его регламентирующей и организующей роли и функции» [148, с. 20]. Если детально проанализировать известные парадигмы изучаемого периода, то станет очевидным, что они так или иначе, в той или иной мере раскрывают суть взаимодействия индивида и власти, правовые рамки их деятельности. Именно на этой стадии общество активно политизируется, появляются первые политические партии, участвующие в борьбе за власть в государстве и стремящиеся разделить ответственность за принимаемые государственные решения. Кроме того, это стало новой формой права граждан на участие в делах государства.

Фоном таких мировоззренческих изменений стала Английская революция (1640-1649 г.), которая стала вестником всеобщей смены общественно-политической феодальной формации на капиталистическую. В этой связи широкое распространение получили идеи естественного права, договорного происхождения государственной власти в обосновании прирожденных прав англичан, упразднения абсолютизма. **Т. Гоббс** как последователь естественного права, утверждал, «есть свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т. е. собственной жизни и, следовательно, свобода делать всё то, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого» [85, с. 98]. Он доказывал, что государство и право, образованные волеизъявлением свободных и независимых индивидов, обязываются обеспечить защиту их жизни, свободы и собственности. Важное место в трудах Г. Гоббса занимают вопросы устройства государства и функционирования государственной власти, которая, в принципе, по его мнению, должна быть неограниченной. Прогрессивным в его представлениях стало признание договорного характера государственной власти. Государство – это «реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это случилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством» [85, с. 131]. «Государство, - утверждает мыслитель, - есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора

между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [85, с. 98].

Не смотря на прогрессивный характер идей Т. Гоббса, следует обратить внимание на некоторую противоречивость его теории: он был принципиальным сторонником монархической власти, которая не могла реализовать провозглашаемые Гоббсом идеалы справедливости, мира и неприкосновенности собственности. Абсолютная власть государства, по мнению Гоббса, - «гарант мира и реализации естественных законов». Гоббс сравнивает его с чудовищем: «искусственным человеком, для которого верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу - душа» [85, с. 117]. Подробнее он разъясняет свою идею далее так: «должностные лица исполнительной и судебной власти - искусственные суставы; награды и наказания - нервы; благосостояние и богатство граждан - сила; безопасность народа - занятие; его советники - память; справедливость и законы - разум и воля; гражданский мир - здоровье; смута - болезнь; гражданская война - смерть» [85, с. 118]. Согласимся с мнением тех авторов, которые отмечают прогрессивную роль данного произведения Т. Гоббса [148, с. 45].

Для Т. Гоббса основным постулатом является то, что государственная власть в развитом обществе требует значительных ограничений. Более того, по его мнению, чем более разветвлен государственный аппарат, тем больше требуется механизмов для его сдерживания. Помимо установления ограничительных мер, Т. Гоббс считал необходимым проводить четкое размежевание полномочий органов государства, его должностных лиц, независимо от их уровня и предназначения. Т. Гоббс не только давал рекомендации общего плана, но и описывал элементы статуса целого ряда государственных служащих: монарха, военнослужащих высокого ранга, судьях, полицейских, приставов и ряда других. По Гоббсу, главное в их деятельности - это справедливость, которая может обеспечить действенное государственное управление на всех ступенях власти. Государственные служащие не должны ограничиваться исключительно выполнением своих функциональных обязанностей, они обязаны обеспечивать выполнение гражданами, населением обязательств по отношению к государству. Кроме того, Т. Гоббс справедливо отмечал, что служащие государства действуют от его имени и от имени монарха, в частности, говоря о статусе представителей судебной власти, он обращает внимание на то, что «в своем судейском кресле они представляют лицо суверена их приговор есть его приговор» [148, с. 45]. Гоббс не сомневается, что и представители исполнительных органов государственной власти должны принимать свои решения от имени государства и его главы: «ибо всякий акт, который они совершают на основании таких полномочий,

является актом государства, их функции соответствуют функциям рук на естественном теле» [148, с. 47].

При всех прогрессивных началах идей Т. Гоббса, можно обнаружить множество нестыковок и нерешенных проблем в его рассуждениях по вопросам конструирования государственной власти и распределения функций и полномочий. Необходимо признать определенную противоречивость высказываемых Т. Гоббсом позиций, но в этом смысле требуется обязательно учитывать ту историческую обстановку, в которой он жил и творил. В представлениях Гоббса разделение властей выглядело достаточно статично: все органы государственной власти в своей совокупности составляют общий механизм, «единый организм». Но он понимал, что несколько упрощает проблему распределения функций, уподобляя его живому организму, и занимался поиском решения вопроса оптимального взаимодействия разных органов государства, объединяемых определенной сферой компетенции и деятельности. Единственное, что действительно связывает представления Гоббса о системе органов власти с организмом человека - это то, что отдельные органы не могут функционировать без взаимодействия в рамках общего организма.

Государство Т. Гоббс сравнивает с Левиафаном, называя его «монстром», который требует усмирения. Такие аллегории, считаем, вовсе не случайны, поскольку Т. Гоббс непосредственно наблюдал ужасающую картину гражданской войны, революционных ситуаций: кровь, боль, страдания, гибель людей. И, с другой стороны – государство, не способное предотвратить все описанные негативные явления, не справляющееся ни с внутренними, ни с внешнеполитическими проблемами. Гоббс наблюдал это не только в своей родной Англии, но и практически во всех европейских странах.

Общественное устройство не отвечало тем вызовам, которые появились в рассматриваемый период, более того, оно во многом и являлось тормозом развития и прогресса, поскольку основывалось на устаревших политических институтах, не пригодных для управления государством. Утратили былое значение многие традиционные инструменты влияния на общество. Монарх, церковь и обычаи их взаимодействия с населением перестали качественно справляться со своими задачами.

Таким образом, была подготовлена почва для ограничения власти монарха совершенно новыми политико-правовыми институтами, в частности представительными органами и законодательством, прежде всего, Конституциями. Но институт монархии все же сохранился, хоть и в новых его формах. В этот период появляются прообразы политических партий, которые в конкурентной борьбе могли бороться за государственную власть, за места в парламенте. Парламент, постепенно набирая силу, становится тем

реальным инструментом, который трансформировал абсолютную монархию в ограниченную. Гоббс рассматривает описываемые процессы сквозь призму английского опыта, который стал примером для многих европейских стран того периода. Именно в это время в Англии, в результате острого политического противостояния, были приняты многие известные источники права, регламентирующие устройство английского государства и общества. Все противоречия британского общества того времени вылились в очередную революцию, которая отразила противоречия между главой государства, как традиционным институтом государства, и высшим представительным органом, который был призван ограничить власть монарха. Важным результатом революции стало принятие Билля о правах, ставшего основой и образцом правового регулирования статуса личности и ее первостепенных прав и свобод. Важнейшей институциональной гарантией прав и свобод был провозглашен парламент, сессии которого становятся регулярными, избираемые в его состав лица получают более широкие права и полномочия по обсуждению и принятию законопроектов. Парламент также получил целый ряд прерогатив в финансово-налоговой и бюджетной сферах. Были предприняты меры по обеспечению независимости суда от монарха. Все это позволяет утверждать, что подготовленные и осуществляемые в период Славной революции в Англии, которая установила режим компромисса между буржуазией и дворянством реформы, имели принципиально важное значение для осмысления необходимости ограничения и разделения власти и формулирования их концептуальных основ.

Итак, прежде чем структурироваться в стройную концепцию, идеи о разделении властей и ограничении власти государства прошли сложный эволюционный путь, основные этапы которого тесно связаны с общим ходом историко-правового развития и совершенствования механизма государства, особенности каждого из которых были рассмотрены в данном параграфе. Несомненный вклад в формирование самой идеи разделения властей внесли древние философы Аристотель, Гераклит, Платон, Полибий, Эпикур; затем представители феодальной философии Ф. Аквинский, М. Падуанский, Н. Кузанский. Ближе всех к классическому концепту стали представители Реформации и Просвещения: М. Лютер, Кальвин, Т. Гоббс. Основной идеей, проходящей красной нитью рассматриваемого периода, стал вопрос о методах ограничения государственной власти, недопущение ее произвола, что, в итоге, должно обеспечить защиту личности, ее основных прав и свобод. В то же время, практически все представители данного «предклассического» периода не отрицают роль монархического правления и не говорят о необходимости внедрения более демократических форм главы государства.

2.2. Формирование классической концепции разделения властей

Сразу оговоримся, что уже только Д. Локк и Ш. Монтескье четко определили и оформили идею разделения властей в качестве базового принципа, на котором должно строиться истинное народовластие в государстве. Безусловно, что эта концепция не возникла одномоментно, она формировалась как итог общественного развития, как один из главных результатов борьбы с феодализмом [209, с. 32].

Эволюция теории разделения властей происходила на фоне демократизации общества, что несомненно было связано с ограничением монархической власти и развитием идей о республиканской форме правления. Компромисс между дворянством и буржуазией, о котором речь шла в предыдущем параграфе, стал важнейшей предпосылкой появления концепции, сформулированной **Дж. Локком**. По возвращению на Родину, Дж. Локк обнародует свои новые идеи, оформленные в виде работ, которые позже стали известны как классические произведения по государствоведению [169;170].

Главное политическое произведение [170] было написано еще в 1679-1681 гг., как раз в момент критического обострения отношений между короной и вигами, в результате которого сам Дж. Локк оказался в Голландии, где сблизился Вильгельмом Оранским. «Два трактата гражданском о правлении» были опубликованы в 1690 г., когда Локк вернулся Англию после переворота 1688 года, и безоговорочно изменил традицию толкования смысла и предназначения единовластия. Он откровенно и решительно развернул критику монархического способа управления: «... абсолютная монархия, которую некоторые считают единственной формой правления мире, на самом деле несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может быть формой гражданского правления». [169, Т.3 с. 312]. «Локк был сторонником решительного перевода средневековой монархии на современные рельсы, он не боялся разрыва изжившей себя традиции» [148, с. 43].

Идеи Дж. Локка к вопросам сущности личности были весьма оригинальны и существенно отличались от уже известных концепций. Если обыденным в то время считалось состояние войны всех против всех, грозящей перерасти в царство насилия и произвола. Разгул грубого индивидуализма, страстей имел столь же естественным результатом существенное ограничение, если не отрицание прав личности в рамках государства Левиафана. По Локку, естественное состояние общества носит сравнительно упорядоченный характер. Оно регулируется нормами естественного права. Особое внимание следует обратить на трактовку Локком естественной свободы: «Естественная свобода человека заключается том, что он свободен от какой бы то ни было стоящей выше его власти на земле, не подчиняется власти другого человека, но руководствуется только

законом природы» [170, с. 273]. Далее Локк продолжил свое объяснение: «Свобода человека обществе заключается том, что он не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию государстве, не находится в подчинении чьей-либо воле, не ограничен каким-либо законом, за исключением тех, которые будут установлены этим законодательным органом в соответствии с оказанным ему доверием» [170, с. 274]. Образ человека, нарисованный Локком, знаменует собой полный разрыв традиционным обществом со всеми ограничениями и институтами, налагаемыми традиционным обществом, - сословными, религиозными т.п. Такой человек, с точки зрения теоретической, был идеальным материалом для рационально построенного государственно-правового механизма. Можно сказать, что вся человеческая природа была прямо и решительно сведена единому общему знаменателю: «...великой главной целью объединения людей в государство, передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности» [169, с. 198].

Локк описал свое представление о человеке в так называемой «тройственной формуле», которая, по сути, представляла собой признаваемые им естественные права человека, которые даны ему свыше и государство обязано их признавать и обеспечивать их защиту. К числу таких прав он относил «право на жизнь, право на свободу и право собственности» [169, с. 199]. Можно утверждать, что именно представления Локка стали материализовываться в государственной практике первых капиталистических государств. Его разработки имели и принципиально важное значение для институционализации правового статуса личности, прав и свобод человека. Представленная конструкция явилась той базой, из которой получила свое начало естественно-правовая основа подхода к юридизации прав и свобод личности и стала тем каркасом, на котором затем поэтапно выстраивалась современная концепция системы органов государственной власти, государственного механизма. Изучая труды Локка, можно прийти к однозначному выводу о том, что право собственности он определял исключительно как естественное неотчуждаемое право личности, имеющее первостепенный характер во всей системе прав и свобод. Локк был уверен в том, что государство создается, главным образом, для защиты частной собственности, он видел в этом основную функцию государства. И именно для обеспечения этой функции, по его мнению, необходимо создать те самые три ветви власти, которых не существовало в более ранние периоды существования государства. В рамках признания святости частной собственности могла идти речь о борьбе, притом зачастую довольно острой, за овладение собственностью, удержание приумножение ее, широкий диапазон прав, связанных использованием частной собственности. Нередко борьба за овладение собственностью могла начинаться с прямого

нарушения права собственности, как это было, например, в Соединенных Штатах Америки, где поселенцы-скваттеры самочинно захватывали общественные земли, государственную собственность, чтобы самим стать фермерами-собственниками. Так было с крестьянами Европы, готовыми разделить дворянскую общинную землю. Признание святости частной собственности в качестве базисного, системообразующего принципа не отрицало существенного разброса альтернативных вариантов развития этой системы. Стоит, впрочем, отметить, что в культурном отношении сведение сущности человека к участию в товарообмене грозило неизбежной перспективой «цивилизации людей в пиджаках», «одномерных людей».

Локк обосновывал свои воззрения следующим образом: он говорил о необходимости принятия справедливых законов, которые должны обсуждаться представителями населения, а затем использоваться для справедливого разрешения возникающих в обществе разногласий.

Правоприменением и решением проблем в этой плоскости, по его мнению, должны заниматься независимые представители судебных органов.

Для реализации государственных и судебных решений, как считал Локк, необходимы специально создаваемые для этой цели органы, которые бы составляли отдельную ветвь власти [169, Т.3 с. 334-335].

Локк был убежден, что отдельный гражданин не имеет права устанавливать, а тем более, сам приводить решения, основанные на букве закона, в жизнь, он должен доверить это специальному органу или должностному лицу. Только таким образом возможно сохранение законности и правопорядка в государстве, защита законных прав и интересов общества и граждан. [169, Т.3 с. 336].

Иной подход был просто невозможен для человека; государственного политического деятеля, участвовавшего в борьбе с абсолютистскими поползновениями королевской власти.

Вместе тем Дж. Локк не мог не отдавать себе отчет, что учреждения представительной власти, законодательные органы, сами по себе становятся ареной острейших политических битв. Именно поэтому он подробно разрабатывает принципы функционирования законодательной власти, пределов ее полномочий. Правда, пределами этой власти выступают «опубликованные установленные законы, которые не должны меняться каждым отдельном случае, а только на благо народа и с его согласия. Кроме тех, кому народом доверена законодательная власть, законодательный орган не может эту власть передавать» [169, Т.3 с. 265].

Локк трактует необходимость существования самостоятельной исполнительной ветви власти как раз на основе существования законодательной функции и соответствующей ветви власти – законодательной. Он связывает наличие исполнительной ветви с постоянной необходимостью заниматься осуществлением предписаний закона и контролем за этим процессом. При этом, как справедливо отмечал, Локк, эти ветви власти должны быть самостоятельны, только при этом условии возможно достичь эффективной реализации норм права. В вопросах размежевания функций и, соответственно, властей в государственном механизме, Локк пошел в своих рассуждениях дальше механистического разделения властей на три ветви: он видит необходимость разделить центральную власть от региональной и местной. На высшую, центральную власть Локк возлагает наиболее общие функции, обеспечивающие единство, целостность государства, его отношения с другими странами, оборону. Рассуждая о взаимодействии различных ветвей власти, о верховенстве одной над другими, Локк признавал очевидное преимущество законодательной власти, считая ее «верховой властью», «священной властью», «неизменной в руках тех, кому сообщество однажды ее доверило» [169, Т.3 с. 339].

Анализируя воззрения Дж. Локка о разделении властей отметим ту особенность, что в них наблюдается некое неравенство ветвей власти с явным доминированием законодательной ветви, которой, по его мнению, должны быть подчинены другие ветви. При этом Локк четко говорит о власти исполнительной, не упоминая, в принципе, о судебной. Отсюда следует предположение, что он ее не включал в систему разделения властей. Но все же, он говорил о трех ветвях власти, называя «федеративную» в качестве самостоятельной ветви власти. На наш взгляд, такие представления несколько искажают суть и содержание данного принципа, смешивая горизонтальное и вертикальное ее разделение. Локковская аргументация, в отличие от аргументации Т. Гоббса, гораздо в большей степени свободна от религиозных мотивов. Во многом это объясняется тем, что прежняя острота религиозного конфликта снизилась, хотя не исчезла. Главное же заключается в том, что научно-технический прогресс в глобальном его масштабе, бурное развитие науки и техники шло в унисон с прогрессивной мыслью в общественных науках, в том числе и в государственном устройстве, юриспруденции.

Объяснение Локком системы управления государством, включая триаду разделение властей, проводило основной акцент не столько на их сепарацию, сколько на их баланс. Правда, Локк еще не дошел до динамической модели разделения и взаимодействия разных ветвей власти, но в его взглядах мы наблюдаем явный прогресс: он настаивал на необходимости наделения всех трех ветвей сдерживающими одна другую полномочиями, которые всегда могли бы противостоять узурпации власти и ее незаконного присвоения

одной из ветвей или одним из органов или должностных лиц. Триада власти, по его мнению, подразумевала установление тех юридических границ, которые не могут быть нарушены ветвями власти, независимо ни от чего. Очевидно, что Дж. Локк являлся сторонником парламентаризма как оптимальной системы управления государством, однако, в контексте применения принципа разделения властей, важно то, что он работал над созданием системы защиты от узурпации власти. Теория разделения властей по своему характеру является позитивистской и идеалистической, которая возникла на волне индустриализации в отдельно взятых странах и поэтому была приспособлена к определенной национальной политико-правовой системе. Признак всеобщности теория разделения властей, тем не мене, получила несколько позже.

По мнению классиков теории разделения властей, административная деятельность эффективнее в том случае, когда она сконцентрирована, в частности, в лице главы государства или руководима им. Но, что касается правотворчества – это должен быть коллективный труд на фоне надичия разных мнений, дискуссий [194, с. 654-656].

Ш. Монтескье говорит об определенном «разделении» даже внутри законодательной власти при реализации законотворческих полномочий парламента: он разделяет в этом смысле полномочия палат парламента и предполагает необходимость между ними консенсуса в отношении принимаемых законов (в работе «О духе законов»). Широкие контрольные возможности высшего представительного органа в отношении членов правительства позволяют ему отслеживать качество реализации принятых ими законодательных актов и давать оценку деятельности исполнительных органов власти. Монтескье – один из первых, кто на этой основе начал разработку института политической ответственности высших должностных лиц госудасртва. По истечении «срока их правления», как считает Монтескье, народ имеет право «просить возмещения несправедливости, которая была совершена в отношении его» [194, с. 82-83]. И далее продолжает: «Законодательная власть не может судить. Она «может быть только обвинителем» [194, с. 83].

Но и в этот случае Монтескье ставит вопрос: перед кем она будет выдвигать обвинение, считая, что «законодательная власть может выдвигать обвинение перед законодательным корпусом (органом) для того чтобы сохранить достоинство народа и гарантировать безопасность личности, потому что народ «не может быть одновременно и судьей и обвинителем». Судебная власть не должна ни коем образом комбинироваться с законодательной, потому что Монтескье считал, что судьи - это «уста, которые только глаголят слово закона, это безжизненные существа, которые не могут ни умерить силу закона, ни смягчить его суровость». Если исполнительная власть обладает полномочиями

в вопросах налогообложения без согласования народа, «свободы больше не будет», потому что эта ветвь власти перевоплотится в законодательную «в отношении самого важного момента законодательной деятельности [194, с.84-85,88, 100, 101].

И если законодательная власть будет решать в отношении взимания налогов не раз в год, а раз и навсегда, «она рискует потерять свою свободу», потому что «исполнительная власть больше не будет зависеть от нее [194, с. 103]. Когда кто-то приобретает такое право навсегда, последствия могут быть серьезными, и отношения между властями государства могут быть поставлены под сомнение. «Не существует свободы - отмечает Монтескье - если судебная власть не отделена от законодательной и исполнительной. Если она будет объединена с законодательной властью, власть над жизнью и свободами граждан стала бы арбитражной, так как судья был бы и законодателем. Если бы она была объединена с исполнительной властью, то судья мог обладать полномочиями угнетателя. Всё было бы потеряно если бы один и тот же человек или орган обладал всеми ветвями власти: один и тот же орган управления обладал, как исполнитель, властью, которой он себя наделил как законодатель» [199, с. 574-592].

Разделение властей возникает, таким образом, как необходимое условие реализации ограниченного управления. Интересно отметить, что ряд мыслителей (Гоббс, Руссо) поддерживали единство власти, рассматриваемое как результат неделимости суверенитета народа.

Разделение властей - по мнению великого французского мыслителя – не является, и не может являться, результатом субъективных действий, а глубокого знания природы вещей. Действительно, полномочия законодательной власти неприемлемы для передачи исполнительной власти и наоборот. Так же, как и ни одна из этих властей не подходит для принятия и использования полномочий судебной власти, которые, в свою очередь, не должны участвовать в законодательной или исполнительной деятельности.

Мы полностью присоединяемся к той точке зрения, встречающуюся в научной литературе, что исследований в области разделения властей исключительно только в конституционном аспекте явно недостаточно [239, с. 94], поскольку именно теория государства и права вырабатывает общие концептуальные модели и их признаки, свойства, которые затем уже могут быть приспособлены и внедрены в конституционное законодательство.

Монтескье в своих суждениях не делает акцента на вертикальном разделении властей, то есть не выделяет уровни власти, в то же время, он принципиальной включает в нее триаду судебную власть. М. Марченко, тем не менее, критикует классика, говоря об упрощении ими вопросов обеспечения истинной свободы [239, с. 95-96].

Анализируемое в целях данного диссертационного исследования сочинение Монтескье «О духе законов» [194] главной целью организации государства выдвигает проблему гарантирования политической свободы. С точки зрения философа, такая ситуация возможна исключительно в том случае, если в государстве преодолена деспотия и созданы равнозначные властные центры, которые обладают примерно равным потенциалом, хоть и в разных сферах. В этом случае такие точки притяжения власти вынуждены сотрудничать и могут принудить к этому остальных. Монтескье полагал, что, чем больше таких центров, тем это лучше влияет на ее рассеивание и не дает концентрироваться в одних руках: чем больше по количеству органов государственной власти высшего эшелона, тем меньше власти в руках каждого из них. Еще одним немаловажным выводом Монтескье стал вывод о прямой связи разделения властей и правового характера государства: он был убежден, что только верховенство закона может обеспечить политическую и иную свободу.

При этом классик теории разделения властей понимал всю сложность понятия свободы, которая не может восприниматься однозначно и просто [194, с. 288]. И здесь необходимо обратить внимание, что Монтескье ставил в прямую зависимость качество уголовных норм с обеспеченностью прав и свобод личности. Ведь именно от положений уголовного законодательства и их правильной реализации зачастую зависит качество соблюдения прав гражданина. Такие процессуальные гарантии должны быть закреплены не только в уголовном законодательстве, но и на уровне Основного Закона. Согласимся с теми авторами, которые полагают, что именно у Монтескье эта мысль была впервые четко сформулирована в его трудах, когда он рассуждает о качестве правовых норм [194, с. 316-317].

Рассуждая о значении разделения властей в деле обеспечения политической свободы личности, Монтескье признает данный принцип ее юридической гарантией как в отношении государственного механизма, функций государства, их распределения, так и в качестве составного элемента правового статуса личности. Великий мыслитель полагал, что оптимальное устройство ветвей власти должно способствовать защите прав личности не в определенной частной ситуации, а обеспечить необходимую организацию государства и правоприменительной деятельности, в условиях которых статус личности, ее права будут гарантированы. Итак, одной из основных идей произведений Монтескье, является идея о том, что создание и соблюдение системы гарантий прав личности невозможно без материализации разделения властей.

Изучая труды классика, мы приходим к выводу о том, что Монтескье отождествляет понятия гражданской и политической свободы личности, которая является

главным дискуссионным вопросом его книги «Общественный договор». С Монтескье солидарен другой классик теории разделения властей – **Ж.Ж. Руссо**, который первостепенной проблемой считал необходимость запрета узурпации власти, которая, по его мнению, должна быть ограничена правом. Ф. Ф. Кокошин в аспекте проводимого исследования резюмировал постулаты указанных правоведов так: «Исходным пунктом для Монтескье, как и для Руссо, служит идея свободы личности, но, в отличие от автора «Общественного договора», он понимает свободу не как участие в государственной власти, а как обеспечение от ее произвола» [130, с. 204].

Основной вывод теоретика разделения властей заключается в том, что, говоря современным юридическим языком, государство обязано быть правовым, то есть подчинять свои действия закону [194]. Ключом к установлению должного правопорядка и обеспечению прав и свобод личности он считал реализацию принципа разделения властей, который, тем самым, становится обязательным признаком такого качества государства. Монтескье поступательно проводит цепь умозаключений: от эффективного и разумного устройства государства к соблюдению прав и свобод человека. Проследив развитие правовой мысли основателей теории разделения властей и их последователей, можно обнаружить, что упор зачастую делается не на организационно-функциональном эффекте принципа разделения властей, а именно на идею гарантированности при помощи указанного принципа правового положения индивида, его прав и свобод путем установления ограничений для деятельности самого государства. Для этого следует разработать систему способов реализации оптимального разграничения власти и ее ветвей. Руссо был солидарен с Монтескье в главном – это недопущение произвола государства, власти, должностных лиц [216, с. 33].

Полагаем, что данный аспект исследования темы развития разделения властей не может игнорироваться, поскольку установление недемократических режимов, узурпация и незаконное удержание власти сохраняют свою актуальность до настоящего времени и являются первопричиной нарушения прав отдельных граждан и прав всего народа. Однако, по нашему мнению, сохранив значение как принцип демократии, данный принцип в практическом своем преломлении стал фундаментом для организации системы органов государственной власти, определения из компетенции и полномочий.

Еще одной важной стороной разделения властей, наряду с уже обозначенными выше, Монтескье указывает вопрос организации системы сдержек и противовесов. Он и его сторонники убеждены в том, что власть является губительной и деструктивной по своей сути, и ведет к вредоносным последствиям в виде нарушения равновесия власти [156].

Природа власти, по мнению классика, позволяет разрушить все субъективные препятствия, построенные вокруг правителя. В этом смысле должны быть созданы такие объективные условия для создания устойчивых общественных отношений там, где это возможно. Такие условия и отношения не могут не основываться на законе, который обладает свойством абстрактности и поэтому способен регламентировать однородные общественные отношения, независимо от конкретных обстоятельств и, таким образом, препятствует правонарушениям во властной сфере, не позволяя узурпировать власть. Монтескье прямо формулирует это: «...известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела. ... Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» [194, с. 289]. Современный теоретик государства и права М. Марченко подтверждает эту мысль, дополняя ее тезисом о том, что если при формальном закреплении принципа разделения властей фактически имеет место концентрация власти в руках одного органа или должностного лица, то в таком государстве нельзя говорить о реальном разделении властей [239, с. 20]. Дополняя уже описанные элементы содержания принципа разделения властей и его гарантий, основатели классической концепции разделения властей, настаивают на необходимости четкого взаимодействия между отдельными ветвями, каждая из которых должна идти на уступки, достигая общего соглашения. Монтескье в пример приводит государственно-политическую систему Великобритании того времени, в которой он находил прообраз оптимальной модели. Как сторонник парламентарной системы управления, Монтескье говорил о необходимости создания бикамеральной системы парламента, когда две палаты приводят к балансу полномочия друг друга. В то же время, как единый орган, парламент противостоит исполнительному органу, который, в свою очередь, действует на основании принятых парламентом законов. Проводя общую государственную политику, каждая в собственной сфере, все ветви власти будут действовать гармонично и слаженно [194, с. 298].

Из анализа текста «О духе законов» следует вывод о том, что уже на том историческом этапе развития теории разделения властей, ее представители, в частности, Монтескье, понимал насущную необходимость нахождения компромисса между ними для обеспечения проведения общей политики государства. Если же в законодательстве и на практике затруднительно найти точки соприкосновения различных ветвей власти по важным вопросам и найти общие решения, соответственно, система разделения властей выстроена неверно или фактически отсутствует. Не допустим и полностью

противоположный вариант, когда в лице единственного органа или должностного лица сосредоточены все рычаги управления: «власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц» [194, с. 290-291]. Возможно, из всех вышеперечисленных гарантий идея разделения властей, была практически продемонстрирована в демократических странах в наименьшей степени. В политической системе Англии, где официально отвергается разделение властей, образец такого разделения имеет место внутри парламента, состоящего из двух палат, где Палата лордов до реформы 2005 года являлась, в том числе, и апелляционной инстанцией по определенной категории дел, а также включал в структуру и самого главу государства. На протяжении всего времени формирования и совершенствования теории и принципа разделения властей, в национальных политических и правовых системах стран мира сложились многообразные варианты ее моделей, имеющие определенные особенности и отличающиеся своеобразием, которые получили отпечаток исторического, культурного, социально-экономического развития каждого государства. Такая ситуация привела к проблемам научного осмысления теоретических аспектов концепции разделения властей, отсутствию единого подхода к классификации полномочий высших органов государства и выработке общепринятой системы «сдержек и противовесов».

Рассуждая о вкладе в развитие концепции разделения властей французского государствоведа Шарля Луи Монтескье, необходимо признать тот факт, что именно его трактовка вошла в историю государства и права в качестве классической, имевшей законченную форму, достаточно точное и логически выверенное содержание, в общем виде сводящееся к формуле из трех равнозначных самостоятельных, но взаимодействующих составляющих: законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, что должно исключить узурпацию власти в руках одной из них. Именно такая модель была воплощена в политико-правовой практике многих стран, которая сохранилась до настоящего времени.

Соответственно, заслугой классика теории разделения властей следует считать предложения о способах обеспечения баланса всех ветвей власти, который может быть гарантирован взаимными «перекрестными» полномочиями органов государственной власти, позволяющими координировать и проводить взаимоконтроль деятельности друг друга. Как сторонник парламентской системы управления, отдававший приоритет законодательной власти, Монтескье проецировал отношения по разделению государственных функций и полномочий с точки зрения отношений парламента с другими органами власти, входящими в другие ветви. В качестве таких рычагов взаимного

влияния он предложил актуальные до сих пор право вето, запрет парламенту осуществлять исполнительно-распорядительную деятельность и невмешательство исполнительных органов вторгаться в законотворчество [194, с.5, 113].

Анализ вклада таких выдающихся деятелей как Ш. Монтескье и Дж. Локк нашли воплощение в публикации автора диссертации на румынском языке «*Ideile separării puterilor în lucrările lui D. Locke și S. Montesquieu*» [29]. Как отмечено в публикации: «Несмотря на заявленную прогрессивность идей Монтескье по вопросу о разделении властей, они не лишены недостатков с точки зрения современного понимания правового демократического государства. По мнению П.И. Новгородцева, Монтескье не имеет решения проблемы взаимодействия различных ветвей власти, то есть может привести к их полному обособлению» [29, с.100-101].

Политико-правовая теория Ж. Руссо изложена в трактате «Об общественном договоре или Принципы политического права» являлась отражением революционных настроений во Франции и базировалась на принципах демократии. Идейное наследие Руссо исходит из народного суверенитета, который, по его мнению, несовместимо с разделением властей, поскольку народный суверенитет един и неделим. Этот выдающийся философ вступал в принципиальный спор с самим Монтескье, причем подвергал критике даже наименование концепции, несмотря на то, что оно применялось в тексте французской революционной конституции [244, с. 213].

Если попытаться кратко сформулировать основные идеи Ж.Ж. Руссо по принципиальным вопросам разделения властей, то можно выделить следующее: он обращает внимание на единство власти и общий источник всех ветвей власти, таким образом, он присоединяется к той мысли, что разделение властей необходимо воспринимать как общий принцип распределения властных функций. Такое восприятие принципа разделения властей найдет своих последователей в более поздние периоды вплоть до настоящего времени.

Тематика разделения властей и вопросы ограничения монархической власти нашли свое отражение в русской юридической и политической мысли. Например, **Ф. Ф. Кокошкин** – один из первых российских деятелей, который одним из первых исследовал проблемы участия населения в правотворчестве и оптимального распределения полномочий между органами государственной власти. Реализация перечисленных принципов, по мнению Ф.Ф. Кокошкина, является залогом правового характера государства. По сути, говоря о правильном распределении функций государства, данный автор рассуждал о разделении властей. Важным, по мнению Ф.Ф. Кокошкина, было не просто перераспределить, но и сбалансировать взаимные полномочия отдельных ее

ветвей. Изучая правовые идеи Ф.Ф. Кокошкина, можно сделать заключение о том, что он предложил актуальные и для сегодняшнего времени способы обеспечения сдержек и противовесов. Так, были разработаны формы контрольных полномочий парламента в отношении исполнительной власти, судов – за правовым характером актов законодательства, принимаемых как парламентом, так и исполнительной ветвью власти, полномочия главы государства в области принятия законов, необходимость обеспечения стабильности норм Основного Закона и др. [131, с. 29].

В работах другого известного юриста **В.М. Гессена** также можно обнаружить идеи, касающиеся темы диссертации. Основной акцент его исследований касается сущности правового государства, о которой ученые спорят до настоящего времени и не пришли к общему знаменателю. Впервые в русской науке он говорит о «высшей в государстве юридической норме» [84, с. 28-30], подчеркивая абсолютный и объективный характер права. Одним из обязательных признаков правового государства В.М. Гессен считает разделение властей, что, по сути, совпадает с позицией Ф.Ф. Кокошкина. В. М. Гессен не сомневается в необходимости размежевания трех ветвей власти, которые в рамках своей компетенции должны быть самостоятельны.

В работах еще одного видного государственного деятеля **Н.М. Коркунова**, возможно увидеть рассуждения относительно теории разделения властей и ее воплощении. В целом, принципиально соглашаясь со многими исследователями в этой области, Н.М. Коркунов признает важность, значение и необходимость деления власти на относительно автономные ветви, что должно гарантировать отсутствие злоупотреблений полномочиями и монополизма одной из ветвей или отдельным органом, или должностным лицом государства. Однако его в большей степени интересовало то, как практически правильно было бы реализовать этот принцип. Кроме того, он затрагивает совершенно новый аспект данной проблемы: сохранение единства государственной власти в условиях ее разделения. Н. М. Коркунов вполне допускал возможность перекрестных и совместных полномочий государственных органов, поэтому, с его точки зрения, важно их сбалансировать [147, с. 76].

Оценивая несомненный вклад Н.М. Коркунова в развитие теории разделения властей, следует подчеркнуть оригинальность его идей в части рассмотрения деления властей не в статике, а в динамике их взаимодействия. Значение трудов Н.М. Коркунова также заключается в отходе от идей формального размежевания функций ветвей власти к представлениям о триаде власти как «живом организме» государства, который способен быстро среагировать на изменения ситуации в стране. По нашему мнению, заслуживают большого внимания и выводы данного автора относительно «способов сдерживания воли,

участвующих в распоряжении государственной властью: разделение отдельных функций между различными органами; совместное осуществление одной и той же функции несколькими органами; осуществление различных функций одним органом, но различным порядком» [147, с. 77].

Проведя анализ трудов классиков теории разделения властей, отметим, что оформление концепции завершается непосредственно перед чередой революций в Европе, ознаменовавших переход к индустриальной эпохе. Указанный период совпадает со становлением общей теории правового государства, что позволяет утвердить тезис о неразрывном единстве правового государства и разделения властей.

Творческое наследие ученых, разработавших различные стороны теории разделения властей в исследуемый период, сформировали доктринальную базу для современной юридической науки по исследуемому вопросу и стали основой для практического ее воплощения в современном государстве. Именно Д. Локк и Ш. Монтескье заложили основы классической версии разделения властей. Оба мыслителя признают верховенство законодателя, называя его «верховным», в то время как исполнительная власть считают ограниченной по своему характеру. Это дает основание думать о незавершенности разработки концепции разделения властей ее классиками. Как отмечается в публикации автора диссертации: «Д. Локк подготовил почву для идей французского Просвещения, которые, в свою очередь, завершили разделение властей системой сдержек и противовесов, введенной в практику правительства США, а затем и других стран. Следовательно, Ш. Монтескье, в отличие от Д. Локка, пошел дальше в вопросе доктринального и практического развития учения о разделении властей, сформулировав и обосновав необходимость применения контроля и противовесов» [29, с. 101].

Принципиальным открытием в теории разделения властей стала идея уравнивания точек концентрации в государстве ресурсов власти для того, чтобы обеспечить политическую свободу. Так называемый властный ресурс законодательствования нашел выражение в легитимном принятии главнейших государственных решений, возможности исполнительно-распорядительных органов, – в наличии материально-финансовых ресурсов и арсенала средств принуждения. Потенциал судебной ветви заключается в исключительных полномочиях рассматривать и принимать решения, связанных с применением норм права, в том числе по отношению к законам и их исполнению, посредством разрешения возникающих на практике частных коллизий. Равновесие этих властных центров сформировало идеальную модель, которая в том или ином виде была воспринята большинством стран мира.

2.3. Современные трактовки теории и принципа разделения властей

Огромную роль в современной социально-политической и юридической литературе занимает теория разделения властей. Разъяснению основных положений указанной концепции посвящена научная, научно-популярная, учебная и специализированная литература. Практически не существует учебников и учебных пособий по теории государства и права, конституционному праву, политологии, в которых не нашлось бы глав или разделов, касающихся теории разделения властей [19;27;33;58;60;66;264;293;298].

Теорию разделения властей Шарля Луи Монтескье тщательно исследовали в рамках немецкой юридической школы **Фихте, Кант** и особенно **Гегель**.

Гегель критиковал механистичность теории Ш. Монтескье [81, с. 124] за то, что сама по себе идея размежевания ветвей власти может только навредить, так как может способствовать их изоляции и отсутствию конструктивного взаимодействия. Гегелевская интерпретация рассматриваемой теории смещает акценты в направлении необходимости обеспечивать целостность государственной власти, а не искать способы ее деления.

Ведущие американские мыслители периода образования американского государства называли себя республиканцами и были приверженцами концепции народовластия. **Дж. Адамс** разработал идею всеобщей воли, которая, по сути, воплотила мысль о народном суверенитете. Данную концепцию по праву можно считать эталоном демократического подхода к вопросу о природе суверенитета в государстве. Адамс совершенно справедливо указывал на то, что «конечным источником всей власти является народ» [294, с. 251], который свободно может использовать свое исключительное право самостоятельно избрать систему управления государством. В то же время он считал, что не бывает абсолютной власти, которая никак и ничем не ограничивается. Разрабатывая концептуальные вопросы суверенитета, Адамс пришел к необходимости исследования и теории разделения властей: «Три ветви власти естественным образом существуют в каждом обществе, и, если они не отражены в структуре правления, мы получим несовершенный, нестабильный политический организм, который вскоре будет поработён» [295, с. 579]. Вот какое значение он придавал разделению властей. Практически он воплотил свои мысли при разработке проектов конституций для ряда американских штатов, указывая, что обязательным принципом в вопросе организации власти здесь должен быть установлено разделение властей. Также отметим, что он был сторонником бикамерализма, что, по его мнению, делает законы более объективными, «правовыми». Вообще он тоже был ярким приверженцем верховенства права и много

работал над обеспечением правового характера государства. Его идеи бикамерализма переплетаются естественным образом с идеями смешанного правления и необходимостью разделять место концентрации идей аристократии и населения, основной массы людей. Проблему, которую он пытался решить, формулировал так: «Великое искусство законодательства состоит в том, чтобы управлять бедными против богатых в законодательной власти и устанавливать идеальный баланс с исполнительной...» [294, р. 65]. По вопросам соотношения законодательной и исполнительной ветвей власти Адамс писал так: «Исполнительная и законодательная власти являются естественными соперниками, и, если они не будут эффективно контролировать друг друга, слабый всегда будет ягненком в когтях волка. Замены нет. Конкуренция должна быть контролируется, иначе возникнет хаос, Третьего нет, кроме деспотизма или сдержек и противовесов власти» [294, с. 254]. Рассуждая о роли президента в государственном механизме, Адамс отводил ему функции главного элемента сдержек и противовесов, того должностного лица, который будет способен уравновесить и палаты Конгресса, и взаимодействие законодательной и исполнительной власти. Как писал Адамс Дж.: «Ни богатые, ни бедные не могут быть защищены своими соответствующими представителями в одиночку в своих соответствующих палатах. Такая защита может быть предоставлена только исполнительной властью, которая имеет абсолютный контроль над решениями обеих палат. право вето, и выступать в качестве арбитра, если соглашение не может быть достигнуто» [293, с. 135].

К группе тех идеологов, которые продолжили теоретическую разработку и начали воплощение теории разделения властей, принадлежит **Дж. Мэдисону**, который во главу проблематики управления также ставил человеческую свободу, которая, по его мнению, является непреложной ценностью любого общества и государства. Соответственно, каждое государство обязано обеспечить своим гражданам всевозможные свободы. Мэдисон, рассуждая о взаимодействии государства и общества, граждан, полагал, что, с одной стороны, людям необходимы властные структуры, выполняющие общественно полезные дела; с другой стороны, государство и его органы не должны выходить из-под общественного контроля. Именно так возможно не допустить тиранию, концентрацию власти в одних руках. Средством против тирании Мэдисон называет именно разделение властей в различном его проявлении: как в горизонтальном, так и в вертикальном. Однако, в отличие от других американских идеологов-республиканцев, он, признавая необходимость обеспечения баланса ветвей власти, утверждал их неосновной, вспомогательный характер. Мэдисон был убежден, что в самом обществе существуют

естественные точки опоры и равновесия – это различные общественные группы, которые в результате борьбы обеспечивают равновесие социальной структуры общества.

Итак, именно в США принцип разделения властей был усовершенствован теоретически и впервые воплощен практически в форме принципа президентской республики. Американцы до сих пор считают, что именно эта форма правления раскрывает в наибольшей мере весь положительный потенциал принципа разделения властей. Безусловно, американские отцы-основатели базировали свои размышления на идеях французских и английских классиков теории разделения властей, однако именно они доказали ее достаточную гибкость и вариативность. При достаточной устойчивости американской формы правления, в условиях дуализма, способы взаимодействия между Конгрессом и Президентом могли быть неодинаковы, и чаша полномочий могла склоняться то в одну, то в другую сторону, но жесткая схема разделения властей не давала разбалансироваться государственному механизму США. В этом видится одна из основных причин устойчивости американской государственности. Независимо от авторитета и фактического положения главы государства и конгрессменов в обеих палатах, законодательная и исполнительная власть могут реально противостоять друг другу. Это создает благодатную почву для сотрудничества парламентариев и представителей исполнительной ветви власти в любых ситуациях. Более того, в условиях политического противостояния такое независимое положение обеих ветвей власти можно признать механизмом понуждения к поиску взаимоприемлемых вариантов решения возникших проблем, что, в итоге, с большой вероятностью, приведет к положительному разрешению ситуации и сохранению устойчивости страны и ее институтов [47].

В системе разделения властей США можно наблюдать еще одну для того времени новеллу – предоставление судам права осуществлять конституционный контроль за актами и действиями других ветвей власти. В ходе рассмотрения Верховным Судом США дела *Marbury v. Madison* был создан соответствующий прецедент, ставший отправной точкой формирования исторически первой модели конституционного контроля, получившей название американской, которая была затем воспринята целым рядом стран, в том числе и некоторыми европейскими, например, Норвегией и Грецией (несмотря на то, что в Европе была создана собственная специализированная модель данного института). При этом, подчеркнем, что американские суды не только представляют собой самостоятельную ветвь власти, но их участие в надзоре за соблюдением Конституции, включает их в систему сдержек и противовесов (*checks and balances*).

Актуальность проблемы разделения властей возросла на смене позапрошлого и прошлого столетия, это было связано со стремительным усилением государственной

власти. Известнейший французский юрист **Л. Дюги** резко критиковал теорию разделения властей, он считал ее противоречащей более общим принципам, то есть государственному и национальному суверенитету. Концепции, предложенные им, были направлены на преодоление отдаления общества и государства посредством реализации идей солидаризма, компаративизма и национализма. Анализ воззрений таких исследователей как **Л. Дюги**, **В. Вильсон**, **Дж. Бурдо** приводят к выводу о том, что они имеют много общего в своих представлениях о разделении властей, а именно они, по сути, опровергают возможность ее фактического деления на ветви. Относясь к противникам теории и применения принципа разделения власти, указанные авторы приводят ряд аргументов. Так, например, **Л. Дюги** утверждает, что «Суверенитет есть, в сущности, персонифицированная воля нации; как и всякая другая личность и воплощенная в ней воля, она неделима. Эта концепция суверенитета, одного в трех властях, есть метафизическая концепция, аналогичная христианскому таинству Троицы, которая вдохновляла временами химеры Конституционной ассамблеи 1789 г., но которая неприемлема для создания реального публичного права» [99, с. 167]. В связи с тем, что, по мнению **Л. Дюги**, «существование различных органов власти возможно только в их тесном взаимодействии в рамках общей государственной воли», он считает очевидным «...то, что неточно называется разделением властей, есть на деле разнообразие участия различных органов в общей деятельности государства». На наш взгляд, он фактически не отрицает принципа разделения властей как организационно-функционального принципа, однако, требует более точного использования терминологии, не воспринимая устоявшийся термин «разделение властей». Это умозаключение следует из его же объяснений: «Все наше публичное право восстает против изоляции органов и противопоставления их друг другу, оно, напротив, выступает за такое фундаментальное подразделение, которое будет способствовать усилению их взаимодействия и интеграции в рамках единой государственной системы, воплощающей принцип национального суверенитета» [99, с. 167, 189, 195]. Такая оценка прикладного характера принципа разделения властей данного французского правоведа объясняется, по нашему мнению, его прагматичным подходом к системе управления во Франции и других европейских странах в соответствующий исторический период, связанный с централизацией государственной власти. Именно поэтому, думается, его позицию поддержали другие государствоведы того времени, задачей которых было поддержать усиливающиеся тенденции к усилению позиций главы государства и исполнительной власти. **В. Вильсон** в унисон **Л. Дюги** настаивал на необходимости перераспределения полномочий в пользу исполнительной власти и, как следствие, считал необходимым сократить полномочия законодательной

власти [80, с. 234]. В последующем эта идея также находит поддержку у французских юристов. Давая оценку разделению властей, **Дж. Бурдо** вообще называет теорию разделения властей вымыслом, он практически так же как **Л. Дюги** аргументирует свою позицию тем, что это только «разделение труда, сфер деятельности государства» [298, с. 12]. В этой связи **Л. Дюги**, **В. Вильсона** и **Дж. Бурдо** стоит считать приверженцами доктрины рационализированного парламентаризма, которая обосновывает необходимость укрепления исполнительной власти и сильной вертикали власти в целом. На наш взгляд, представленные перечисленными авторами возражения не противоречат существу концепции разделения властей, однако, анализируемые подходы - это ни что иное как попытка доктринально обосновать тоталитарные подходы к организации системы органов государственной власти с явным превалированием полномочий исполнительной ветви. Как уже было сказано, перечисленные авторы полностью разделяют точку зрения о нецелесообразности деления ветвей власти по принципу разделения функций органов государственной власти и связывать это с усилением исполнительно-распорядительной деятельности: «дифференциации властей в связи с ростом задач исполнительной власти (президента) и необходимостью более оперативного принятия решений в современном государстве, что требует концентрации власти и ответственности в правительстве» [80, с. 234].

Исследуя вопросы отражения в современной юридической литературе проблематики разделения властей на основе критического анализа трудов правоведов более раннего периода, следует отметить диаметрально различные позиции по данному вопросу. Заметим, что идеи **Л. Дюги** и **В. Вильсона**, а также некоторых их последователей не нашли широкой поддержки в научных кругах и у практиков, которые продолжали равняться на принцип разделения властей в оригинальной его модели, пусть даже включая в него новаций, обусловленных современной эпохой, в частности, широко было распространено мнение о том, что в демократический строй государства немислим без последовательного и четкого воплощения разделения властей, отмечая при этом достаточно большое количество препятствий и трудностей на этом пути. Например, **А. Эсмен** рассматривает разделение властей скорее не как застывшую модель, состоящую из отдельных полномочий органов государственной власти, а акцентирует внимание именно на динамике отношений между ними – именно так он понимает оптимальное разделение властей. **А. Эсмен** сущностью истинного разделения властей видит достижение баланса государственного механизма, который достижим благодаря разделению властей и их сбалансированному взаимодействию. По мнению **А. Эсмена**, только таким образом можно обеспечить устойчивость самого государства и его политико-правовых институтов.

Отметим, что законодательную власть Эсмен считает первичной, преобладающей, поскольку она имеет представительный характер, в силу чего обладает исключительным правом законоотворчества: «В законодательной власти сосредоточены основные механизмы такого регулирования: принятие путем голосования решений по законодательным вопросам, и прежде всего утверждение бюджета, являющегося основой функционирования всей государственной машины, возможность ограничений в законодательном порядке всех других властей и их функций» [281, с. 345–346]. Отрицательное отношение Эсмена к классической концепции разделения властей связано, по нашему мнению, исключительно с односторонней трактовкой ее содержания в кинетическом аспекте, однако считаем, что динамика в практике взаимодействия ветвей власти следует считать правильным подходом, который обязательно нужно учитывать при рассмотрении сущности разделения властей. В то же время, современная государственная практика не демонстрирует усиления парламента, о чем утвердительно говорил Эсмен.

Именно об этом рассуждает французский государствовед **М. Ориу**, который констатирует значительное снижение роли парламента в современном государстве на примере конституционной практики Франции, что, по его словам, «далеко от идеального равновесия. Существует устойчивая тенденция к подавлению законодательной власти исполнительной, парламента – мощным бюрократическим аппаратом современного государства» [205, с. 345]. В то же время, он находит логическое объяснение усилению исполнительной ветви власти, которое происходит по целому ряду причин, включая усложнение государственных функций, что уже отмечалось в работе, наличие в руках этой ветви власти репрессивного аппарата, силовых структур, право распоряжения материально-финансовыми ресурсами. Смысл разделения властей он видит в правильном разделении полномочий между парламентом и правительством, которые олицетворяют соответственно законодательную и исполнительную ветви власти в государстве. Только при условии их конструктивного сотрудничества, исключения конфликтов между ними путем поиска компромиссных решений, как утверждает М. Ориу, можно обеспечить целостность государства, его стабильность: «гармоничное сотрудничество этих властей выступает залогом единства государства как юридического лица» [205, с. 343].

Жесткой критике подвергает концепцию разделения властей **V. Orlando**, который разрабатывал теоретические основы правосубъектности государства, хотя его суждения также в определенной мере следует признать противоречивыми. Исследуя разного рода общественно-политические институты и явления, он конструирует в своем понимании государство как сочетание индивидуального и коллективного компонентов, которые объединяются в единое целое социальное образование, главное предназначение которого

– осуществление управленческой деятельности. Автор, рассматривая государство в условиях многообразия различных исторических условий, социальных инструментов и явлений, выделения его основных функций, затрагивает в своих исследованиях и проблематику разделения властей. С этой точки зрения, например, важным в его взглядах можно считать, что V. Orlando напрямую не увязывает разделение властей с распределением функций государства и наделяемыми полномочиями органов государственной власти: оно «вовсе не равнозначно такой дифференциации государственных функций и органов, однако имплицитно скрыто в самой природе государства и не является результатом сознательного выбора современных свободных, прежде всего парламентских, режимов» [308, с. 122, 128]. Из данного умозаключения очевидно, что, все же, итальянский юрист полностью не отрицает наличия принципа разделения властей, более того, считает его естественным для государства, но только при наличии определенных условий. Анализируя концепцию Orlando, можно сделать вывод о том, что он в большей степени является сторонником классической теории, хотя по отдельным вопросам вступает в спор с Локком и Монтескье, но он категорически не приветствует приращение новых ветвей власти, помимо традиционных законодательной, исполнительной и судебной. На этом он в своих изысканиях останавливается наиболее подробно. Так, например, V. Orlando не считает правильным выделять избирательную власть, так как народ, население – это единственный источник власти, причем всей властью, а не только представительных органов или каких-либо отдельных ее ветвей. Он считает не верным не видеть разницы между избирательным корпусом и формируемыми ими органами, в частности, парламентом. Кроме того, он убежден, что не допустимо признавать отдельный орган или даже систему органов властью. К этому автору близок и другой теоретик **G. Mosca**, который также подвергал критике классическую концепцию разделения властей за ее догматизм и статичность, одновременно принципиально признавая необходимость дифференциации власти и ее функций. В теории разделения властей принципиально веским он считал «механизм соединения в руках одного социального слоя полноты политической власти и собственности» [307, с. 64–87].

Среди теоретиков, занимающихся научными исследованиями концепции и принципа разделения властей, есть те немногие, которые вообще отрицают ее существование или возможность практического воплощения. Кстати, как и V. Orlando, и **М. Ориу**, критики, главным образом, указывают на такой ее недостаток как статичность и отсутствие возможности учитывать особенности правовой и политической действительности и их трансформации [205, 308].

Не смотря на достаточно критичные подходы к оценке значения концепции разделения властей, основная масса специалистов, занимающихся проблемами разделения властей, оценивают ее положительно, признавая ее функциональным принципом организации современного демократического государства. Так, например, **K. Deutsch**, разрабатывая вопросы демократического устройства государства, в качестве обязательного ее признака называют идеологическое и политическое многообразие. В свою очередь, такое многообразие, по его мнению, предполагает тоже ряд элементов, включая разделение властей. Так как **K. Deutsch** является представителем американской науки, то обязательным дополнением разделения властей, он считает систему сдержек и противовесов. Главным способом решения общегосударственных задач всеми ветвями власти и органами, которые к ним относятся, он называл достижение консенсуса: «важно примирить эту заложенную тенденцию с необходимым двусторонним циркуляционным процессом демократии» [302, с. 122]. Еще один представитель американской науки **E. Greesman** в своем исследовании рассматривает принцип разделения властей в контексте конституционной практики США, демонстрируя ее несоответствие концептуальным основам этой теории и во многом не соглашаясь с ней. По убеждению **E. Greesman**, идеального разделения властей, в принципе, достичь или обеспечить в течение длительного времени не представляется возможным. Он отмечает: «при указанном подходе из всех функций, выполняемых каждой ветвью власти, сознательно или несознательно исключаются сходные или смешанные функции. Это, в свою очередь, противоречит практике применения концепции разделения властей и самой реальности» [307, с. 33].

Общим для рассматриваемых концепций западноевропейских и американских государствоведов, следует считать то, что они отвергают теорию разделения властей, но воспринимают ее в качестве функционального принципа построения современного демократического государства. Таким образом, можно сделать вывод о том, что западная юридическая наука делает основной акцент на возможности и моделях практического применения принципа разделения властей на основе изучения и обобщения в этом вопросе сложившихся отношений между различными органами государственной власти.

B. Siegan видит сущность принципа разделения властей в том, что он должен способствовать эффективному осуществлению функций государства – с одной стороны -, с другой же – именно этот принцип должен стать заслоном на пути узурпации власти какой-либо ветвью власти, органом, должностным лицом и служить юридическим и фактическим препятствием на пути безраздельного господства государства над личностью. «Как известно» - отмечает он, - «неограниченная власть, неважно, в руках

какого органа она сосредоточивается – парламента или же короля, всегда содержит в себе риск постепенно трансформироваться в неограниченную тиранию» [323, с. 1]. **B. Siegan** справедливо обращает внимание на сложность решения такой задачи, поскольку она сама по себе противоречива, подразумевает диаметрально противоположные цели.

В академических кругах Запада тоже не наблюдается единого мнения касательно формальной определенности разделения властей. Весьма широк и разнообразен спектр мнений. Вместе с признанием факта наличия общей теории разделения властей в доктринальных источниках превалирует позиция, что единой концепции разделения властей не существует, а на практически применяется исключительно соответствующий принцип. Следует отметить, что современное понимание западной доктрины разделения властей имеет существенные отличия от взглядов одного из ее основателей Ш. Монтескье. Если Монтескье под разделением власти понимал разделение ее на три самостоятельные и различные ветви, которые способны действовать совершенно изолированно друг от друга, то сегодняшняя теория под разделением власти подразумевает разграничение государственных функций единой власти – законодательной, судебной и исполнительной. В современных условиях эти функции не рассматриваются как абсолютно обособленные, а, напротив, речь идет о целостности государственной власти, разделенной на судебную, исполнительную и законодательную ветви.

Кроме того, в современных условиях западная концепция разделения властей содержит ряд дополнительных положений:

1) идею баланса властей, систему противовесов и сдержек. Это говорит о том, что каждая ветвь власти самостоятельна в своей сфере, но находится под контролем, так как одна уравнивает другую;

2) тезис о необходимости взаимодействия ветвей власти.

Если обобщить анализируемые позиции, разделением властей можно считать такую организацию государственной власти, в которой выделяются сферы властных отношений, отграничивающиеся по реализуемым функциям: в рамках первой формируется право, вторая исполняет принятые нормы, активно их реализует, третья обязана правильно и точно определить правильность применения законов. Соответственно, государственная власть по сути сама по себе не делится на отдельные части, а лишь распределяет свои полномочия между органами, выполняющими судебную, законодательную и исполнительную функции.

Итак, в доктринальных источниках Запада преобладали дискуссии и выводы о том, что нет общей теории, но есть только механистическое размежевание ветвей, относящихся

к разным государственным институтам. На практике не подтверждается наличие так называемой чистой теории разделения властей, «а сам формалистический подход к разделению властей губителен» [313, с. 5], если рассматривать его исключительно формально-юридически и механистически, отрываясь от практики его применения в конкретном государстве.

Полемика о разделении властей проявилась весьма напряженно ввиду очевидного усиления органов исполнительной власти. Такого рода юридическая дискуссия в ее европейском варианте велась такими известными государствоведами как **Л. Дюги** и **А. Эсмен**. Первый выступал с обширным обличением рассматриваемой концепции, он заявлял, что данная концепция «противоречит общему принципу национального и государственного суверенитета» [99, с. 95]. По его словам, народную волю невозможно выразить посредством нескольких органов власти, так как это разграничение приведет к сужению функций народовластия: «Суверенитет есть, в сущности, персонифицированная воля нации; как и всякая другая личность и воплощенная в ней воля, она неделима. Эта концепция суверенитета, единого в трех властях, которая вдохновляла Конституционную ассамблею 1789 г., но которая неприемлема для создания реального публичного права» [99, с. 97]. Эсмен утверждает, что существование разных представительных органов власти возможно «только в рамках их тесного взаимодействия и общей государственной воли. Отсюда вывод: ...То, что неточно называется разделением властей, есть на деле разнообразие участия различных органов в общей деятельности государства» [99, с. 98]. Такое видоизменение представлений означало по сути отвержение принципа разделения властей и необходимости обеспечения баланса ветвей власти, предлагая заменить их дифференциацией государственных функций. В своей работе Дюги сформулировал данную мысль в большей степени ясно и определенно: «Все наше публичное право восстает против полной изоляции органов власти и противопоставления их друг другу, оно, напротив, выступает за такое функциональное подразделение, которое будет способствовать усилению их взаимодействия и интеграции в рамках единой государственной системы, воплощающей принцип национального суверенитета» [99, с. 99]. Если брать за основу данную логику, стоит признать, что степень и характер функциональной разграниченности власти не имеют особого значения и определяются исключительно утилитарными соображениями. Государственный суверенитет способен воплотиться и в одном, и во множестве государственно-правовых институтах. Рассматриваемая концепция имела огромное значение в разгроме критиками теории парламентской демократии и использовалась в качестве основы теоретиками тоталитарного государства.

Вариацией идей, разработанных Дюги следует считать критические заметки о дифференциации властей **В. Вильсона**, который тоже будучи приближенным исключительно к функциональному объяснению проблемы, сделал заключение об отсутствии эффективности разграничения властей ввиду расширения сферы исполнительной власти и о необходимости оперативного принятия решений в современном государстве, а также о концентрации власти и ответственности в деятельности правительства.

G. Burdeau, в свою очередь, вообще категорично отнес теорию разделения властей к категории домыслов и счел правильным объяснить ее как «разделение функций, труда или, наконец, сфер деятельности государства» [299, с. 19]. Надо признать, что это, по меньшей мере, нестандартный подход, но здесь надо учесть, что G. Burdeau очень критично смотрит на сущность власти в целом, рассматривая ее как «силу на службе идеи», что позволяет, по его мнению, дает возможность выдвигать самые произвольные и фантастические комбинации органов государственной власти [298, с. 53–69].

Рассмотренному вектору европейского юридического течения, представленному в основном, французскими учеными, конфронтирует другое направление, которое в большей степени сориентировано на классическую концепцию разделения властей максимально четко этот тезис сформулировал А. Эсмен в своей работе «Основные начала государственного права» [305]. Основные узловые моменты концепции разделения властей показаны здесь посредством ответов на проблемные вопросы, поставленные основными оппонентами - Дюги и Вильсоном. В итоге предлагается нетрадиционная, нестандартная авторская позиция уже достаточно известных и опробованных тезисов Монтескье, но некоторым образом подстроенная под прогресс XX в. несмотря на то, что А. Эсмен считал необходимым всякому свободному государству следовать принципам разделения властей, ученый вынужден был признать, но реализация данного принципа связана с большими сложностями [305, с. 8]. Трудности в последовательном проведении принципа разделения властей наблюдаются по части «их равенства, полной независимости и сохранения баланса между ними» [305, с. 8]. Эсмен считает важным рассматривать разделение властей именно как «постоянный процесс их взаимодействия, вследствие чего в каждый момент достигается определенный уровень стабильности» [305, с. 9]. Далее он продолжает говорить о динамике этого процесса: «И достижение этого уровня возможно только лишь при определенной степени координации действий всех властей, однако на практике это неизбежно ведет к главенству одной из них – законодательной» [305, с. 9]. Это связано с тем, что именно она создана «для выполнения регулирующих функций по отношению к двум другим, это в ее руках сосредоточены

главные механизмы регулирования – принятие решений по законодательным вопросам (путем голосования), утверждение бюджета как основы функционирования государственной машины вообще, а также возможность ограничения на законодательном уровне всех других властей и их функций» [305, с. 10-11]. Эсмен так поддержал теорию разделения властей: приоритетом он считает динамику взаимодействия между ее ветвями, систему сдержек и противовесов он замещает понятием «компромисс». Также, несложно заметить, что Эсмен является сторонником ограничения исполнительной власти за счет расширения полномочий парламента.

Если говорить о тенденциях в области понимания и интерпретации количества ветвей власти, как уже упоминалось в предыдущих параграфах, Монтескье писал о необходимости существования трех властей – исполнительной, судебной и законодательной, Локк свел их количество до двух, но со временем их число увеличилось, стали появляться новые, такие как конституционная, правительственная, умеряющая, электоральная, муниципальная, общественного мнения, военная и утверждающая [209, с. 206]. В политических теориях послевоенной Германии наибольшей остроты критика концепции разделения властей достигла в период Веймарской республики, особенно ближе к концу ее существования. Так, **М. Вебер** в контексте отстаивания плебисцитарной демократии как лучшей формы правления для Германии [190], говорил о необходимости установления сильной президентской власти, способной вывести страну из кризиса. Цель данного подхода заключалась в преодолении исключительно формального объяснения принципа разделения властей, так как такой подход, без учета конкретной общественно-политической ситуации и иных особенностей, способен привести к разбалансировке созданной системы сдержек и противовесов во взаимодействии разных ветвей системы органов государства.

Изучая идеи М. Вебера, несложно заметить, что он является сторонником особого места главы государства в системе органов государственной власти, сильной президентской власти. Его позиция проявляется в ряде тезисов, которые, по сути, укрепляют положение президента по сравнению с другими органами власти. Например, он вллся противником принципа ответственности исполнительной власти перед парламентом, полагая, что в случае потенциальных разногласий между ними, глава государства как гарант суверенитета, прав и свобод личности, может напрямую обратиться к населению. М. Вебер считал такое прямое взаимодействие наиболее демократичным и правильным. На наш взгляд, теоретические выкладки М. Вебера можно понимать двояко: с одной стороны, он стремился вывести президента из триады власти, возвышая его над всеми ветвями, делая его фигуру более нейтральной и политически

независимой, способной объективно разрешить разногласия между разными ветвями власти; с другой стороны, в позиции Вебера многие видят проявление стремления к централизации власти в руках одного высшего должностного лица и скатывании к немецким традициям авторитаризма или даже тоталитаризма. Такие опасения вызвала позиция автора, выраженная в его работе, посвященной разработке вопросов о системе цензов для лиц, претендующих на выборах баллотироваться на должность президента Германии [75, с. 20].

Принципиально схожую позицию занимает другой немецкий юрист и философ **К. Шмитт**, который пошел несколько дальше М. Вебера в своей аргументации. Он дал более глубокий, развернутый и предметный и более современный анализ институтов представительной демократии и разделения властей [288; 320]. К. Шмитт, будучи убежденным приверженцем концепции усиления президентской власти, доказывал правомерность указанной тенденции в рамках имеющейся конституционной системы.

Многие ученые высказывались о том, что теория разделения властей «в момент своего возникновения имела какой-то реальный смысл, однако в Новейшее время она его потеряла» [305, с. 119]. В качестве аргументов в этом смысле называют, в частности, противоречие между усложнением управленческих функций государства и достаточно догматичным и упрощенным представлением о разделении властей. Также сторонники такого подхода уверены, что в условиях разделения власти размывается институт политической и конституционной ответственности органов и должностных лиц государства. Принципиально не соглашаясь с полным отвержением принципа разделения властей, мы солидарны с авторами данных концепций в том, что роль парламента действительно стала снижаться ввиду целого ряда факторов, в том числе и появлением проправительственных сил во многих парламентах, которые фактически лоббируют интересы исполнительной власти в представительных органах, тем самым, еще более усиливая позиции исполнительной власти. Можно присоединиться и к той позиции, что парламент перестает быть прямым проводником интересов избирателей, народа страны, при этом ослабевает его основное предназначение – представление интересов населения. На практике действительно общепарламентские решения принимаются кулуарно, узкими группами, представляющими интересы определенных финансовых, экономических и промышленных кругов. Безусловно, такие явления имеют место на практике, что подмывает принципы истинного парламентаризма и представительного правления в целом. Отсюда сторонники М. Вебера, К. Шмитта делают выводы о том, что такая ситуация прямым образом влияет на систему разделения властей, которая не может быть идеальной, поскольку невозможно обеспечить абсолютно равнозначное положение

каждой из ветвей власти. Они видят выход из такой ситуации только в форме наделения главы государства исключительными полномочиями.

Несмотря на то, что американцы впервые в мире реализовали принцип разделения властей в своей государственно-правовой практике в форме президентской республики, в рамках их национальной школы имеются единомышленники немецких юристов, отрицающих принцип разделения властей. Так, на серьезные недостатки исследуемого принципа указывает В. Вильсон, который говорит о том, что он не работает в условиях чрезвычайных ситуаций, в которых периодически может оказаться государство. Он солидарен с немецкими коллегами и в вопросе невозможности применить классическую формулу разделения властей в условиях современного государства, на которое возложено огромное количество функций. В. Вильсон уверен, что только глава государства способен в таких случаях справиться с ситуацией.

По мнению последователей критики разделения властей, классическая теория со всеми представлениями о необходимости системы противовесов и сдержек не могла вырасти в прочную основу конституционного строя. Однако, по нашему мнению, распространение такого рода доктрины было вызвано чисто политическими причинами.

Если иметь в виду, что представленная в работе критика концепции разделения властей была отражением идей сторонников сильной исполнительной власти, то надо отметить, что и сторонники парламентской системы управления также находили в ней уязвимые места. Так, например, широкое распространение получила мысль о том, что при верховенстве парламента, исполнительная власть должна быть зависима от него, а политика обеих ветвей должна быть единой, однонаправленной, что в целом противоречит принципу разделения властей. Кстати, на практике такое положение законодательной и исполнительной власти в условиях двухпартийной системы приводит в итоге к доминированию последней в деле осуществления внутренней и внешней политики государства.

Итак, идеологи отрицания принципа разделения властей в условиях современного государства убеждены, что в настоящее время она не способна далее служить функциональным задачам, так как является лишь «установкой на достижение идеального правового государства» [315, с. 121]. Так, для новой политической ситуации характерно, что абсолютно перед всеми государствами (авторитарными, конституционными или диктаторскими) встает необходимостью усиления политического динамизма, в следствие которого затем наблюдается сращение задач, стоящих перед парламентом и правительством. На практике такая ситуация, как мы уже отмечали ранее, выливается в количественное и качественное превосходство исполнительной власти. Имеющаяся

компетенция исполнительной власти в наступившей эпохе не ограничивается управлением и применением законов, она включает также «выполнение общеполитических функций; осуществление права – только один из инструментов воплощения политической власти как таковой, а законодательство – лишь функция политического лидерства» [315, с. 122-123]. Таким образом, полагаем, что в таком понимании принципа разделения властей, можно обнаружить рациональное зерно: критики концепции и принципа разделения властей обратили внимание на необходимость обеспечения единства власти. Эта мысль позже была развита в юридической и политической науках, исключая безапелляционное отрицание разделения властей.

Максимально в начале прошлого века данная тенденция была отражена в тоталитарных государствах, таких как СССР, Германия, Италия, Турция, именно здесь сосредоточение «власти и отказ от реализации принципа ее разделения выступали официальной политикой» [87, с. 32]. В условиях недемократических систем наблюдается политическая гегемония определенной социальной группы, силы, партии, которая сосредоточена в едином центре, в одном должностном лице или группе лиц. Такие режимы мало чем отличаются от монархического единовластия, для которого характерно стремление к максимальному контролю над индивидом. В таких условиях теорию разделения властей можно рассматривать в качестве теоретического оружия против тирании.

В настоящий момент при организации публичной власти требуется функционирование всех компонентов системы как общего организма, направленного на завоевание общегосударственных ценностей. Современная наука о конституционном праве применяет различные подходы к изучению принципа разделения властей, а также по-разному его оценивает. Разногласия относительно самой теории и ее реализации в последнее время только усиливаются [309]. Имеющиеся проблемы применения системы сдержек и противовесов в горизонтальной плоскости государственной власти, на вертикальных уровнях публичной власти (государственная власть и местное самоуправление), а также плохо закрепленная система власти порождают органы, не входящие во властную триаду, в связи с чем ученые предлагают выделить неконституционные ветви власти.

В европейской литературе парламентские страны охарактеризованы как «государства партий» [67, с. 11], в которых «разделение властей достигается исключительно благодаря запрету для карьерных чиновников и судей на партийную деятельность» [67, с. 13]. В европейской политической литературе господствует точка зрения, что в парламентарных странах не существует разделения властей на

исполнительную и законодательную, однако присутствует разделение на «административную» и «партийную» власть. «Партийная» власть отвечает за принятие законов, определяет внешнюю и внутреннюю политику страны. «Административная» же власть, олицетворяющая систему подправительственных исполнительных органов, компетентную деполитизированную бюрократию, реализует в рамках закона политику государства, осуществляя тем самым правообеспечительную функцию. Основные принципы работы административной власти, то есть законность и компетентность, проводятся в законодательстве всех развитых парламентарных государств. И несмотря на то, что «административная власть» не является властью в том же смысле, что и суд, правительство, парламент, однако в рамках собственной компетенции она достаточно сильна, чтобы не подчиняться политическим решениям, которые не имеют форму закона. Дифференциация «партийной» и «административной» властей в структуре государственного аппарата требованию разделения властей соответствует нестрого.

Что касается России, то она вошла в череду революций, не завершив в полной мере эпоху парламентаризма. Сегодня, более чем через столетие, отчетливо проявились нереализованные возможности российского парламентаризма, что оказало негативное влияние, с этой точки зрения, на территории и государства, вошедшие затем в состав общего с ней государства. **В. Ленин и К. Маркс** охарактеризовали новый тип государства, пришедшего на смену буржуазному, с возможным наличием полезных свойств представительных учреждений в целом. И данная концепция государственной власти вытекала из единства последней [183, с. 32]. Наличие власти у рабочих и крестьян выражалось в полновластии Советов, система которых пронизывала все государство. Подробно не останавливаясь на характеристике такой системы, рассмотрим изменения в доктрине, выразившейся в Конституции СССР 1936 г. Выражение «власть трудящихся» понималось в четком размежевании функций Советов, суда, органов управления, прокуратуры, а также в вычленении законов и подзаконных актов.

Тем не менее разделение «управления» и «власти» оказалось далеко не самым удачным. Смысл такой своеобразной системы заключался в том, что советы разных уровней воплощали в себе все функции власти, однако они не могли справиться со столь многообразной деятельностью, поэтому при них были сформированы исполнительные комитеты, реализующие политику советов. Но на практике исполкомы стали значительно более властными органами, по сути, противостоящими советам, которые не обладали возможностями исполнительной власти. В результате произошло фактическое разделение законодательной и исполнительной деятельности, причем с явным доминированием последней. Результатом стало умаление роли представительных органов, на фоне чего

значительно возросла роль бюрократии, которая получила гипертрофированную форму. Здесь же надо иметь ввиду и влияние монопартийности, выразившейся в безраздельном властвовании коммунистической партии, власть которой слилась с государственной властью. Такая картина власти и такое конструирование механизма государства не могло не извратить деятельность системы управления им. Безусловно, что реализовывать принцип разделения властей в такой ситуации было невозможно ни юридически, ни фактически.

В Конституции 1977 г. проявилась определенная тенденция к демократизации, что усматривалось, например, в увеличении более широкой трактовки функций высшего представительного органа СССР, то есть она не ограничивала их исключительно законодательствованием, но и получила ряд контрольно-надзорных функций. Но и это не предотвратило деформации власти, которая все также сосредоточивалась на уровне партийной элиты, сосредоточившей в своих руках все нити управления.

Поправки в Конституции СССР 1988 г. дали возможность укрепить законодательную власть, усилить роль закона, в частности, путем снятия с Президиума полномочий издания нормативных актов, создания института ответственности исполнительных органов перед Верховным Советом, наделения его полномочиями по признанию актов законодательства противоречащими Основному Закону. Также шагом вперед было закрепление принципов независимости судебных органов. Такие изменения, безусловно, можно было расценивать как прогрессивные, однако, практика их реализации была затруднена, а затем прервалась ввиду распада государства. Такой результат подтверждает невысокую эффективность тех изменений, которые мы описали в нашем исследовании. Что же касается исследуемого принципа разделения властей, то он так и не был воспринят советским правом и советской юридической наукой. В недрах советского государства, таким образом, не созрели те объективные предпосылки, которые могли бы способствовать коренной реформе системы государственного управления. Однако в рассматриваемый период стала намечаться тенденция децентрализации советского государства и ориентации на признанные общедемократические традиции, среди которых важное место занимает принцип разделения властей.

По словам **В.В. Ершова**, «с целью противостояния авторитаризму, деспотизму и произволу основных властвующих органов и должностных лиц, гарантирования свободы и подлинной демократии вся власть в правовом государстве не может принадлежать одному государственному органу. Реальная государственная власть как юридически гарантированная возможность распоряжаться и подчинять своей воле с объективной необходимостью должна быть разделена как по «горизонтали», так и по «вертикали».

Если первое предполагает, прежде всего, разделение и взаимный контроль законодательной, исполнительной и судебной властей, то второе – «внутреннюю» организационную, юридическую и экономическую самостоятельность органов государственной власти» [103, с. 49].

В современной юридической науке понятие «разделение власти», используется в нескольких аспектах. С одной стороны, он обозначает размежевание, сепарацию государственной власти на законодательную, судебную и исполнительную, то есть «разделение властей». Согласно второму, это разделение власти государства между органами власти регионов и собственно общегосударственными органами.

В условиях общности подходов к разделению властей, стоит отметить, что оно предстает в нескольких выражениях: в качестве идеи (концепции, теории) и в качестве принципа построения правового государства, несмотря на то, что некоторые ученые, такие как **М.Н. Марченко**, рассматривают эти представления о разделении властей в рамках единой их интерпретации: «Разделение властей есть принцип или теория, исходящая из того, что для обеспечения процесса нормального функционирования правового или любого иного государства в нем должны существовать относительно независимые друг от друга власти» [185, с. 289].

Рассмотрев разнообразные высказывания, касающиеся сути теории разделения властей в российской доктрине, отметим наличие двух главных подходов к трактовке данной теории, нашедших отражение в фактическом (или функциональном) и формально-юридическом подходах.

Так, в целях объяснения теории разделения властей в ее концептуальном значении, то есть как признака правового государства применяется формальный подход, а функциональный – возводит принцип разделения властей в качестве основы организации государственной власти.

В контексте нашего исследования представляет особый интерес подход к принципу разделения властей, который сформулировал **Б.А. Страшун**. По мнению ученого, этот принцип на практике означает «структурно-функциональную определенность каждого из государственных органов, компетенция которого зависит от его правового статуса и фактического соотношения и размежевания полномочий с другими органами» [256, Т. 1, с.135].

Вызывают интерес также и суждения, касающиеся принципа разделения властей, которые высказал **В.Е. Чиркин**. Он вполне обоснованно выделяет характерное для большинства стран мира наличие и применение двух подходов к проблеме структуризации государственной власти: организационно-правового (разделение властей)

и социологического (власть народа). Как отмечает автор, «при всей условности подобной градации и с учетом последующих эволюций, модификаций и дополнений данная классификация позволяет представить реальную структурно-правовую картину организации современной государственной власти, отвлекаясь от искусственных конструкций, в частности включающих так называемую четвертую власть – власть прессы» [272, с. 12–15].

Подобного мнения придерживаются **С.А. Комаров** и **А.В. Малько**, поскольку рассматривают теорию разделения властей с помощью функционального подхода: «Разделение труда между государственными органами происходит в рамках единой государственной власти и организационно-технически закрепляется в компетенции. Следовательно, одностороннее ослабление законодательной, исполнительно-распорядительной или правоохранительной деятельности с неизбежностью ведет к невыполнению всего комплекса задач государства. Относительное обособление групп государственных органов – это не разделение власти, а разделение труда. Власть остается единой» [132, с. 308]. Каждый элемент государственного аппарата представлен многообразными и многочисленными органами, он чутко реагирует на изменение задач, целей, интересов общества.

В итоге наблюдаем не только осуществляющуюся государственными и муниципальными органами дифференциацию управления и появление новых отраслевых органов, но и интеграцию управления отдельными сферами, а также возникновение новых координирующих органов. В современном государстве допустимо различать более 3-х ветвей власти, можно не относить ни к одной из них какой-либо орган, потому что «в современном государстве существует множество органов и должностных лиц, которых не было во времена, когда формулировалась концепция разделения властей» [275, с. 17].

По мнению **Ю.Г. Звягина**, законодательная власть, власть главы государства, исполнительная (правительственная), судебная и контрольная власти являются составными элементами системы государственной власти. В отличие от учредительной власти, их субъекты (органы государственной власти) выступают учреждаемыми, но осуществляемая ими власть – относительно самостоятельной [111, с. 34].

Отметим, что разделение властей предстает в основном в двух аспектах: в качестве идеи (концепции, теории) и в качестве принципа построения правового государства. Анализируя разнообразные высказывания, касающиеся сути теории разделения властей, выделим также наличие двух главных подходов к ее трактовке, воплощенных в фактическом (или функциональном) и формально-юридическом плане. В юридической науке термин «разделение», применяемый в контексте изучения государственной власти,

имеет два значения. Согласно первому, наиболее распространенному, государственная власть имеет разделение по горизонтали: на исполнительную, законодательную и судебную. Во втором значении понятие «разделение» употребляют по отношению к разделению государственной власти по вертикали, то есть речь идет о разграничении предметов ведения между центром и отдельными территориальными образованиями федеративным государством и другими государственными образованиями в сложных по составу государствах. Обычно трактовки концептуальных основ разделения властей сводятся к рассмотрению функционального их размежевания, но для сложносоставных стран особую актуальность приобрели проблемы распределения полномочий и взаимодействия разноуровневых органов государственной власти. Это означает, что в каждом государстве формируется собственная уникальная модель, которая должна охватывать разделение властей и в аспекте функционально-компетенционного разграничения, и в зависимости от соответствующего уровня власти [280].

2.4. Выводы по Главе 2

В результате проведенного анализа историко-правовых истоков появления и эволюции теории разделения властей, трудов выдающихся ученых, внесших свой вклад в ее формирование, были сформулированы некоторые выводы.

1. Теория разделения властей прошла сложный путь исторического развития от философской идеи необходимости ограничения государственной власти и ее рациональной организации до практически применимого организационно-функционального принципа государственного механизма, который на современном этапе следует считать достижением политико-правовых воззрений об организации государства и системы государственных органов, синтезированных в результате эволюции государственного устройства.

2. В условиях формирования и функционирования правового государства и его механизма чрезвычайно важен обстоятельный научный анализ теории и практики разделения властей, имеющий в основе не исследование отдельного аспекта разделения властей, а комплексный подход к сущности и влиянию данного принципа на состояние современного государства. При характеристике моделей разделения властей, которые возникли в результате предшествующих ей периодов социально-политического развития и накопления исторического опыта сущность применения и возможности совершенствования теории и принципа разделения властей необходимо интерпретировать исключительно в привязке к индивидуальным условиям определенного государства. Изучение общих истоков и основных этапов развития концептуальных основ принципа разделения властей, позволяет в качестве платформы определить уникальную политическую и правовую культуру Древней Греции.

Представители феодальной философии **Ф. Аквинский, М. Падуанский, Н. Кузанский, С. Пуфендорф** внесли значительный вклад в формирование концепции разделения властей. Однако окончательное оформление идей в стройную и логически завершенную теорию произошло несколько позднее – в период Реформации и Просвещения такими выдающимися государственниками как **М. Лютер, Кальвин, Т. Гоббс**. Цельное же оформление концепции завершается непосредственно перед чередой революций в Европе, ознаменовавших переход к индустриальной эпохе такими деятелями как **Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо**. Указанный период совпадает со становлением общей теории правового государства, что позволяет утвердить тезис о неразрывном единстве правового государства и разделения властей.

3. Принципиальным открытием в теории разделения властей стала идея уравнивания точек концентрации в государстве ресурсов власти для того, чтобы обеспечить

политическую свободу. Так называемый властный ресурс законодательствования нашел выражение в легитимном принятии главнейших государственных решений, возможности исполнительно-распорядительных органов, – в наличии материально-финансовых ресурсов и арсенала средств принуждения. Потенциал судебной ветви заключается в исключительных полномочиях рассматривать и принимать решения, связанных с применением норм права, в том числе по отношению к законам и их исполнению, посредством разрешения возникающих на практике частных коллизий. Равновесие этих властных центров сформировало идеальную модель, которая в том или ином виде была воспринята большинством стран мира.

4. Современный период развития концепции разделения властей характеризуется тем, что исследуемый принцип конституируется и становится императивом государственности. Современная доктрина разделения властей представлена как западноевропейскими, так и американскими специалистами в области государства и права: **Д. Адамс, Дж. Мэдисон, Л. Дюги, В. Вильсон, Дж. Бурдо, V. Orlando, G. Mosca, K. Deutsch, M. Ориу, E. Greesman B. Siegan, A. Эсмен, М. Вебер, К. Шмитт**, которые неодинаково, а чаще критически вплоть до полного отрицания подходят к классической модели разделения властей. Полное отрицание разделения властей продемонстрировали и советские идеологи и строители советского государства, в частности, **В. Ленин**.

5. Проанализировав различные подходы к периодизации истории развития принципа разделения властей, предлагаем новый подход, который сориентирован на ключевой момент в эволюции разделения властей, а именно – формулирование классической «горизонтальной» триады и позволяет выделить три основных этапа, включающих периоды как до, так и после создания концепции:

I этап – **доклассический** – это время возникновения идеи необходимости ограничения власти государства (VII в. до н.э. – XVI в.), охватывающий античный и средневековый исторические периоды;

II этап – **классический** – это оформление базовой концепции теории разделения властей и ее реализация в первых демократических государствах (конец XVI в.- XIX в.) в качестве принципа организации государственного механизма, охватывающий буржуазный период;

III этап – **постклассический** – это современный этап утверждения принципа разделения властей как элемента правового государства (XX в. – начало XXI в.), охватывающий индустриальный и начало постиндустриального периода.

3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МЕХАНИЗМЕ

3.1. Сравнительный анализ форм и моделей реализации принципа разделения властей

Ключевой целью принципа деления власти на ветви является предупреждение потенциальной вероятности узурпации власти, сосредоточения ее в одних руках. Впрочем, формально воспринять данный принцип, закрепить его в законодательстве вовсе недостаточно, важна чёткая «концептуально-политическая модель его реализации» [64, с. 29]. При этом, на наш взгляд, важно не просто продекларировать в конституционном акте приверженность данному принципу – необходимо точно сформулировать компетенцию и полномочия различных государственных органов, которые относятся к той или иной ветви власти, либо, возможно, не вписываются в классическую ее триаду. При кажущейся простоте и ясной конструкции системы разделения ветвей власти, каждое государство использует его с учетом своего исторического опыта, принадлежности к той или иной правовой семье и национальной правовой системе. Соответственно, при том, что у исследуемого принципа организации государственной власти есть общая доктринальная база, выстроенная на общепринятых постулатах, которые признаются и не оспариваются в научной и юридической среде, разделение властей в каждом государстве характеризуется определенным своеобразием. В то же время аксиомой в этом вопросе следует признать тот факт, что данный принцип эффектно проявляет себя исключительно в демократической среде [70, с. 24].

Исторически сформировались 2 классические формы правления, формирование и реализация которых напрямую связаны с определенной моделью разделения властей. Речь идет о дуалистических и парламентских способах управления государством, по сути, это есть ответ на вопрос о том, как в том или ином случае устроено разделение властей. Институт формы правления заостряет внимание на способах взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти, точнее, речь идет о взаимоотношениях, взаимных полномочиях правительства, парламента и главы государства, которые так или иначе перераспределяют их между собой. Право должно юридически гарантировать равноправие ветвей власти, их взаимный контроль.

В литературе выделяют определенный спектр признаков, характерных для одной и другой основных форм правления, отражающих способ взаимодействия высших органов государственной власти. Так, для парламентского способа правления характерным является такой основополагающий принцип построения взаимоотношений между органами власти как ответственность исполнительной власти перед представительным

органом, что предопределяет господствующее положение парламента в государственном механизме. В условиях данной формы правления применяется парламентский способ формирования правительства, которое состоит из представителей партии или партий парламентского большинства. Отсюда вытекает зависимость исполнительной власти от парламента. Однако, здесь стоит оговориться, что в условиях двухпартийности, система взаимоотношений может существенно измениться. В качестве элемента сдержек и противовесов в отношении сильного парламента используется такой инструмент как право главы государства распустить парламент в случае неоднократного выражения недоверия или при отказе в доверии правительству [41;235].

В то же время, круг полномочий правительственных органов тоже достаточно обширен, включая полномочия в сфере законотворчества. Во-первых, правительство, при любых формах правления, является основным «поставщиком» законопроектов, в том числе бюджетных, финансовых, налоговых и др. Во-вторых, правительство вправе давать рекомендации главе государства относительно использования им права вето на конкретные законопроекты, принятые парламентом. Кроме того, правительство чаще всего является субъектом обращения в органы конституционного контроля по вопросам конституционности законов и других нормативных актов и определения компетенции органов государственной власти. [41; 212]. А. Салмин по данному вопросу отмечает: «необходимый эффект данные меры имеют все шансы предоставить только в том случае, когда правительство опирается на парламентское большинство» [247, с. 64].

Формально в условиях парламентской системы именно глава государства издает нормативный акт от своего имени о назначении членов правительства, так как это традиционная прерогатива главы государства [154; 168, с. 24]. Однако на основе обычных норм полномочия главы государства в этом вопросе «сдерживаются» требованием соблюдать принцип верховенства парламента в лице партии, получившей большинство на прошедших выборах.

Таким образом, в условиях парламентских форм правления кадровый состав высшего органа исполнительной власти – правительства - определяется партийными нормами, обычаями, а не законодательством. В то же время необходимо учитывать, что правительство, даже сформированное по партийному принципу, в дальнейшем не будет зависеть от решений партии. Правительство, возглавляемое лидером правящей партии, становится полновластным и независимым.

Итак, как нами было отмечено, парламентская форма правления предопределяет парламентский способ формирования правительства. Глава такого правительства, по сути, также известен после выборов в парламент, поскольку, независимо от юридической

процедуры его назначения, это кресло занимает руководитель партии, получившей большинство на выборах. В ряде случаев сформировать правительство оказывается довольно сложно, если требуется создать коалиционное правительство из представителей нескольких партий. В странах, где политическая система еще неустойчива, партийная система еще не сложилась, отсутствуют глубокие демократические традиции, такая ситуация может привести к политическим кризисам, что неоднократно случалось в развивающихся странах.

Сформированное правительство осуществляет совместное руководство исполнительно-распорядительной деятельностью, коллегиально принимает решения по реализации внутренней и внешней политики государства. Ответственность такого правительства тоже является солидарной, что означает то, что при отправлении в отставку его главы, в отставку уходят все члены правительства. Для того, чтобы применить крайнюю меру политической ответственности правительства перед парламентом, представительный орган использует комплекс контрольных функций и полномчий, предоставленных ему законодательством или политическими обычаями: это могут быть вопросы к правительству и министрам, отчеты, парламентские запросы, парламентские расследования по вопросам деятельности правительства или отдельных его членов, а также отправление в отставку, с предварительным выражением недоверия или отказе в доверии. Впрочем, институт отказа в доверии зачастую использует само правительство как некую провокацию на определенные действия со стороны парламентариев. В результате проведения такой процедуры, которая требует гораздо меньшее количество голосов депутатов по сравнению с процедурой выражения недоверия правительству, правительство вынуждает парламентариев провести соответствующую процедуру с целью обращения к главе государства распустить парламент. Такая система правоотношений очевидно является в данном случае звеном системы сдержек и противовесов, то есть здесь наблюдается своеобразная система обоюдного сдерживания [257, с. 217].

Также обратим внимание на то, что член правительства, делегированный на эту должность партией, членом которой он является, при выходе или исключении из партийного списка, автоматически теряет должность в правительстве, что является одним из принципов и проявлением партийной дисциплины и действия политических обычных норм в таких отношениях.

Анализируя компетенцию правительства при парламентской форме правления, отметим, что правительственный орган является центром принятия ключевых решений от имени государства по широкому спектру проблем. Правительство самостоятельно осуществляет руководство и координацию деятельности всей системой министерств,

ведомств государства, при этом парламентарии напрямую не влияют на работу исполнительных органов государственной власти. Как уже отмечалось, парламент при этом регулярно проводит контрольные мероприятия и вправе оценивать результаты правительственной деятельности. Верховенство парламента в этом случае проявляется в том, что за ним остается последнее слово, то есть право утверждать принятые исполнительной властью решения.

Кроме того, в компетенцию парламента входит контроль за исполнением решений, которое осуществляется правительством и другими органами исполнительной власти [107]. Взаимодействие исполнительной и законодательной власти проявляется, прежде всего, в том, что основная масса законопроектов разрабатывается в недрах исполнительной власти: министерствами, ведомствами. Высший орган исполнительной власти аккумулирует законодательные предложения и затем, как субъект законодательной инициативы, передает их на рассмотрение парламентариев. В литературе отмечают в этом контексте, что «при парламентской форме правления разграничительная линия между «властями» протекает не столько между парламентом и правительством, сколько между парламентом и аппаратом исполнительной власти» [168, с. 101]. Оценивая практическое разграничение функций, компетенции и полномочий между исполнительной и законодательной ветвями власти при парламентских формах правления, сделаем вывод об их подлинности, что выражается в полной независимости их деятельности в условиях определяемых законом и политическими нормами четких форм взаимодействия.

Важным при парламентских формах правления является вопрос о положении главы государства – монарха или президента – в системе органов государственной власти и разделении ветвей власти. В такой ситуации глава государства осуществляет исключительно функции и полномочия как руководитель всей страны, не включаясь при этом в систему исполнительной власти – это ключевой признак парламентской формы правления [251]. Деятельность главы государства здесь практически не заметна, однако ему принадлежат те функции, которые традиционно ложатся на президента или монарха: речь идет о представительской функции как на международном уровне, так и внутри страны, это право применять согласительные процедуры в случаях конфликтов между ветвями власти. Поэтому глава государства конституируется как гарант конституции, территориальной целостности государства, его суверенитета и независимости, прав и свобод человека [256, с. 308]. При этом глава государства имеет право от своего имени издавать нормативные акты, однако, они и подготавливаются и согласуются правительством, впрочем, правительство затем их и реализует.

Подводя итоги по оценке состояния разделения властей при парламентских формах правления, подчеркнем, что практика его применения при проявлении признаков парламентаризма, характеризуется наличием правовых средств и методов обеспечения, с одной стороны, самостоятельности ветвей власти, но одновременно, с другой стороны, государство и право обеспечивают многообразные формы их взаимодействия, нацеленные на обеспечение единства государственной политики. Глава государства не входит ни в одну из ветвей власти и обладает определенными полномочиями исключительно как высший представитель государства, олицетворяющий его единство и суверенитет.

Переходя к рассмотрению особенностей разделения властей в условиях дуалистических форм правления, укажем на один из его базовых признаков – это наиболее четкое и жесткое размежевание ветвей власти на основе законодательно закрепленного разделения функций и полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти. При этом сами ветви власти практически равновесны, что позволяет создать их баланс. Сила и равнозначность каждой из ветвей объяснимы тем, что их источником является народ, избирательный корпус, который формирует как правительство, так и избирают президента. Соответственно, здесь исключены прямые взаимные формы ответственности между законодательной и исполнительной ветвями власти, каждая из них несет ответственность перед населением.

Президент в президентской республике возглавляет исполнительную власть, то есть руководит исполнительно-распорядительной деятельностью, объединяя эти полномочия с полномочиями главы государства. Более того, зачастую при такой форме правления правительство и вовсе может не формироваться. Глава государства создает собственный аппарат, который по существу осуществляет полномочия исполнительной власти и полностью подчинен президенту, не обладая правом от собственного имени издавать нормативно-правовые акты. Такие акты принимаются от имени президента. Это означает, что президент фактически возглавляет правительство, которое является только совещательным органом при главе государства. Логично в этой связи то, что президент по своей инициативе, вправе как назначать, так и отправлять в отставку министров, глав других ведомств исполнительной власти. При президентской форме республики формирование исполнительных органов власти не связано с избранием парламента, это совершенно разные избирательные циклы. В то же время, комплектование исполнительных органов власти тесно связано с другим избирательным циклом – выборами президента, от результатов которых зависит партийный и кадровый состав правительства.

Как руководитель исполнительной власти, президент определяет структуру исполнительных органов государственной власти. Основным характеризующим признаком взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти в условиях дуализма является неответственность исполнительной власти перед парламентом. Г. Чеботарев в своем труде «Принцип разделения властей в государственном устройстве» отмечает, что: «Неответственность исполнительной власти не равнозначна безответственности» [266, с. 24]. В любом случае, независимо от особенностей формы правления, парламент обладает целым арсеналом контрольных средств, поскольку помимо законодательной функции, он отражает представительный характер, в связи с чем наделяется соответствующей компетенцией от имени населения, которое он представляет. Соответственно, представители исполнительной власти также обязаны являться в парламент для дачи ответов на вопросы депутатов и сенаторов, регулярно отчитываться о результатах своей деятельности, участвовать в обсуждении проблемных вопросов внешней и внутренней политики. В отношении же президента разработан в качестве инструмента ответственности разработан институт отрешения его от должности за совершение тяжких преступлений. Правда, необходимо указать на сложность такой процедуры, что позволяет обеспечить устойчивость фигуры президента. Возвращаясь к базовому принципу взаимоотношений парламента и исполнительной власти в президентской республике, уточним тот факт, что в данном случае неответственность выражается в невозможности отправить правительство и министров в отставку путем выражения недоверия [10; с. 8–14].

Полномочия исполнительной власти по участию в законотворчестве при такой форме правления, на наш взгляд, можно охарактеризовать как ограниченные, ввиду того, что органы исполнительной власти зачастую даже не могут предлагать законопроекты. Также они не участвуют в обсуждении принимаемых биллей. Неизменным является только право вето президента. В этой связи Б.А. Страшун отмечает: «Исполнительная власть участвует в законотворческом процессе лишь посредством отлагательного вето, то есть президент вправе вернуть в парламент нормативный акт для повторного обсуждения. Преодоление президентского вето требует квалифицированного большинства голосов, собрать которое парламентариям не всегда просто» [256, с. 309]. Требование получения квалифицированного большинства голосов парламентариев для преодоления вето можно считать сдерживающим фактором для законодателя и одновременно противовесом для президента, роль которого в законодательном процессе, как мы отмечали, невелика.

В дуалистических республиках и монархиях главе государства отведена особая роль, поскольку он олицетворяет одновременно и все государство в целом как высший его

представитель, и исполнительную ветвь власти, соответственно, полномочия такого должностного лица как бы удваиваются. Мы уже называли такие его возможности как формирование органов исполнительной власти, фактическое руководство государственным администрированием, заведование военными и внешнеполитическими делами.

Итак, к ключевым тезисам, позволяющим выявить особенности разделения властей в условиях дуалистических форм правления, следует отнести следующие. Принцип разделения властей при таких формах правления проведен четко и последовательно, что приводит к жесткому разделению законодательной и исполнительной ветвей власти, каждая из которых обладает широкими полномочиями на фоне полного разведения компетенционных сфер. Подобная модель разделения властей предполагает дуализм власти, когда сильной фигуре главы государства противостоит сильный парламент. Основным принципом их отношений является принцип отсутствия ответственности исполнительной власти перед законодательной. Глава государства соединяет в своих руках представительские функции высшего должностного лица страны с функциями руководителя администрации исполнительной власти, самостоятельно определяя и формируя исполнительные органы и назначая должностных лиц. В то же время, у президента в президентской республике отсутствует такой стержневой инструмент влияния как право роспуска парламента, что позволяет законодательной ветви власти сохранять собственную независимость от сильного главы государства. Строгое разделение властей проявляется в законодательном императиве, запрещающем совмещение должностей в каких-либо двух ветвях власти, что, кстати, допустимо при парламентских формах правления.

Рассуждая о разделении и взаимодействии ветвей власти при дуализме, анализируя опыт разных государств, применявших на практике данную систему управления, необходимо признать, что фактическая ситуация во многом определяется и партийным фактором, и текущей расстановкой политических сил в стране. Учитывая фактор равнозначности высших органов государственной власти, при наличии противоборствующих партий в составе законодательной и исполнительной власти, может быть создана ситуация политического противостояния. С одной стороны, такая диспозиция обеспечивает нормальную политическую конкуренцию, состязательность разных политических партий, сил. Однако, если политическая и партийная система не достаточно развита, такая ситуация может привести к конфронтации ветвей власти, которая, как правило, имеет негативную окраску. Отрицательный эффект от такого положения будет очевиден и при недемократических политических режимах, которые

имеют место в целом ряде государств, включая страны молодых демократий, где еще не устоялись партийные системы и принципы их функционирования. В таких государствах по этим причинам возможны затяжные политические кризисы, способные привести к полной неуправляемости государства и даже к его распаду. Согласно мнению Г. Чеботарева, «нормальный политический процесс, основанный на состязательности, перерастает в конфронтацию, когда стороны стремятся разрешить кризис насильственными средствами. Это неизбежно дестабилизирует политическую ситуацию в стране» [266, с. 25]. В результате, один из важнейших плюсов дуализма, превращается в минус, ввергая государство в череду противостояний и конфликтов. Пагубным последствием излишнего сосредоточения полномочий в руках главы государства следует признать формирование предпосылок для установления авторитаризма в стране. Этому способствуют обширные полномочия главы государства в военной сфере и сфере безопасности и правоохранительной деятельности. Примеры подобного развития событий в условиях президентских республик дает нам история развития стран Латинской Америки и постсоветского пространства. Если же одна политическая сила в лице партии предстала и в законодательном органе, и в исполнительной ветви власти, то появляется прочная основа для их тесного взаимодействия и сотрудничества. Полагаем, что в такой обстановке также можно найти положительные и отрицательные стороны: с одной стороны, это обеспечивает устойчивость политической ситуации, исключает конфронтацию, однако, с другой стороны, отсутствие конкурентной борьбы может вылиться в монополизацию государственной власти. Все подобного рода проявления должны подразумеваться, прогнозироваться и быть урегулированы правом путем создания действенных механизмов преодоления как разногласий ветвей власти, так и концентрации ее в одних руках. Для этой цели, например, в ряде стран используется норма, ограничивающая количество сроков пребывания на должности президента.

При смешанной форме правления, весьма заметна роль премьер-министра, если он опирается на оппозиционного президенту парламентское большинство. Так как любая из партий имеет возможность перекрыть или же застопорить инициативы иной, то возрастают шансы на появление тупиковых ситуаций [70, с. 25].

Рассмотрев в рамках темы исследования вопросы взаимосвязи института формы правления с принципом разделения властей, остановимся на аспекте их применения в современных условиях. Классические формы правления сложились примерно около полутора века назад и в современном мире, за некоторым исключением, встречаются не часто. Это связано с изменившимися условиями глобального мира, усложнившимися функциями современных государств, значительным увеличением числа государственных

органов, разрастанием государственного аппарата и норм, регулирующих государственно-политические процессы. Направления государственной политики стали неизменно шире и разнообразнее: усиливается социальная и экономическая функция, актуальны вопросы защиты окружающей природной среды, видоизменились задачи и механизмы обеспечения прав человека. В современном мире государству гораздо сложнее стало решать проблемы социального равновесия и гражданского мира, национальной безопасности, мирного сосуществования с другими членами мирового сообщества. Эти и многие другие причины стали поводом для изменений конструкции самой власти, системы ее органов. В свою очередь, такие изменения повлекли реструктуризацию института формы правления, оказав влияние и на реализацию принципа разделения властей. В.Е. Чиркин по данному вопросу подчеркивает, что «практика последних десятилетий показывает, что для управляемости государством важно не только и, может быть, не столько разделение властей и система взаимных сдержек и противовесов, сколько установление необходимых взаимосвязей, взаимодействия, взаимосогласованности в работе высших органов государства» [275, с. 23].

Как отмечалось в работе, состояние политической и партийной системы может оказать решающее влияние на реальную картину разделения властей в государстве, на фактическое их взаимодействие. Различные политические силы могут способствовать как размежеванию и расколу между различными государственно-правовыми институтами, так и обеспечить их слаженную работу и четкое взаимодействие. В этом наблюдается прямая связь уровня демократии, зрелости политической системы и эффективного государственного управления, основанного на принципе разделения властей. При этом, государство должно обеспечить свою бесперебойную работу как единого целостного организма, предусмотрев дополнительный арсенал правовых, организационных, материально-финансовых и иных необходимых средств для преодоления возможных кризисных ситуаций, и сбоев в работе. Смысл теории разделения властей на современном этапе заключается «в проецировании договорных отношений на процесс осуществления государственной власти. Это требует уже не только жестких властных, а преимущественно партнерских отношений, в которых каждый из участников данного, процесса не в силах самостоятельно в полной мере осуществить государственную власть, если он не сможет согласовать свою волю с волей других носителей государственной власти» [111, с.171].

Все обозначенные причины предопределили изменения устоявшихся форм правления, которые постепенно были приспособлены, «рационализированы» к новой действительности и современной государственности. Любые изменения в компетенции и

полномочиях одной из двух ветвей власти — законодательной или исполнительной — неизменно ведут к изменениям второй. В принципе, произошедшие изменения так или иначе направлены на укрепление исполнительной власти, что привело к значительному снижению роли представительных органов. При этом сторонники такого подхода всегда объясняли это необходимостью обеспечения устойчивости правительства, исключению случаев возможности его отставки, упрощению способа формирования и утверждения персонального состава. Так, например, на смену институту недоверия правительству пришел институт отказа в доверии, по сути, поставивший парламент в незавидное положение, когда правительство провоцирует проголосовать депутатов в поддержку проводимого исполнительной властью внутривластного или внешнеполитического курса. Так называемый «конструктивный вотум» также несколько ограничивает возможности парламентариев в вопросе смены главы правительства.

При назначении председателя правительства, ему на откуп отдается назначение министров и других его членов. По сути, выражая доверие определенной кандидатуре, парламент фактически отстранен от назначения всех остальных членов правительства, что нарушает принцип представительного правления и ослабляет связь между исполнительной и законодательной властью и парламентский контроль даже при парламентских формах правления. Глава правительства обладает широкими полномочиями по структурированию и составу правительства, назначает и отправляет членов в отставку без консультаций с парламентом и какого-либо обоснования мотивов. Для отставки члена кабинета даже не требуется факта нарушения законодательства.

Заметим, что осуществляемое на практике сужение возможностей парламента происходит на фоне формального расширения ряда его полномочий, которые юридически позволяют ему регулярно, по многим основаниям, применять контрольные мероприятия в отношении правительственных органов, которые на деле не могут закончиться конкретным результатом по отношению к исполнительной власти, в частности, отставкой правительства и назначением его нового состава. Проблема заключается в том, что в таком случае представительный орган находится под угрозой роспуска, что зависит от позиции главы государства. При этом, за парламентом конституционно закреплены прерогативы заслушивания главы правительства и его членов, их обсуждения, внесения предложений по изменению курса или методов проведения политики итд. Безусловно, что расформирование правительства или роспуск парламента демонстрируют наличие глубоких противоречий между законодательной и исполнительной ветвями власти, которые обе ветви не смогли преодолеть и конструктивно разрешить имеющиеся проблемы.

При дуалистических формах правления, в частности, в президентской республике, модернизация отношений между ветвями власти заключается в преодолении тех недостатков, о которых мы рассуждали выше в рамках данной главы. Прежде всего, это недопущение монополизации власти главой государства, облеченного обширными полномочиями по руководству исполнительной власти. Данная проблема решается за счет практических шагов, предпринимаемых парламентом по ограничению вторжения президента (или монарха) в законотворчество представительного органа. Такие шаги подразумевают установление прямых контактов с конкретными органами государственной администрации и взаимодействие непосредственно с ними по конкретным вопросам, относящимся непосредственно к ведению данного органа. Парламент использует и другие рычаги давления на органы исполнительной власти, определяя финансирование, проводя парламентские проверки и расследования.

Также используется метод привлечения к работе над законопроектами профессиональных специалистов, которые выдвигают и систематизируют аргументы, позволяющие отклонить предлагаемые главой государства проекты законов, если они отклоняются от линии, проводимой парламентом. Особенно тщательно анализируются финансовые билли.

Надо признать, что такая деятельность парламентского аппарата дает серьезные результаты в виде достаточно большого количества отклоненных парламентом правительственных законопроектов. В ряде стран разработаны средства противодействия решениям парламента, когда президент вправе обратиться к населению за окончательным решением путем назначения общенародного голосования, и, кроме того, у исполнительной власти есть возможность издавать собственные акты, имеющие нормативный характер и регулирующие вопросы, не урегулированные законами. Здесь надо иметь ввиду, что они имеют подзаконный характер, не должны противоречить законам и конституции, могут быть оспорены или отменены вышестоящими органами или в результате процедуры конституционного контроля.

Изменения во взаимоотношениях между законодательной и исполнительной властью отражаются в создании механизма, способствующего взаимной информации и сдерживанию, а также в поиске приемлемых вариантов при формировании решений. В целях обеспечения взаимодействия как между разными ветвями власти, так и в рамках каждой ветви, созданы специальные отделы связи на всех уровнях государственного аппарата. Такие центры взаимного обмена информацией создаются практически во всех органах власти, независимо от принадлежности к определенной ветви власти. Кроме этого, в работе парламента и его органов принимают участие представители исполнительной

власти, что делает работу законодательного органа открытой и прозрачной, а органы исполнительной власти информированы о вопросах и проблемах, обсуждаемых в стенах представительного органа.

Каждый орган государственной власти и каждая ее ветвь обладает средствами внутреннего контроля деятельности своих подразделений и структурных единиц, должностных лиц, государственных служащих. Это неизменно повышает качество функционирования государственного аппарата и его служащих, всех ветвей власти, подразумевает взаимное информирование и тесные межведомственные контакты, обмен опытом. Такие контакты и взаимодействие можно рассматривать как средство обеспечения баланса ветвей власти в рамках реализации принципа разделения властей и средством поиска компромисса и выработки общеприемлемых решений, способствующих проведению единой политики государства.

Способ улучшить качество взаимодействия государственных органов, как известно, - это создать смешанные формы правления. При этом бесполезно слепо копировать и компоновать определенные свойства классических моделей, а встроить их в уникальную национальную структуру управления, учитывая исторический, экономический, социальный, культурный и иные факторы.

Основу и сущность смешанной формы правления составляют, во-первых, двойственная природа исполнительной власти, во-вторых, институт двойной ответственности правительства, и в-третьих, большой объем президентских полномочий [256, с. 310]. Хрестоматийным примером подобной формы правления на сегодняшний день выступает Пятая республика во Франции, но, указанные выше элементы, безусловно, имеются и в ряде других государств.

Макет смешанной формы правления предполагает сложную структуру исполнительной власти, включающую относительно самостоятельное правительство и институт президентства, при этом координирует и объединяет деятельность исполнительных органов правительство. Президент страны играет доминирующую роль в правительстве. Это преодолевает наличие дуализма исполнительной власти. Если в парламентском режиме у главы государства обязанности нейтральных сил, он выполняет строгие функции национальной интеграции, то в странах со смешанной формой правления у главы государства центральное место в системе государственных властных органов [180, с.184-185].

Все это способствует обеспечению соблюдения Конституции, нормальному функционированию государственных органов и высшего представительства стран. Он

имеет реальные полномочия, способствующие реализации вышеперечисленных прерогатив.

Однако же президент не является единоличным носителем исполнительной власти, как в странах с президентской формой правления. Носителем исполнительной власти здесь является правительство. Оно как коллегиальный исполнительный орган является главным распорядителем займов, ему поручено исполнение государственного бюджета, так как в его распоряжении имеются огромные материальные ресурсы, весь административный аппарат, а также вооруженные силы. В обязанности главы правительства входит обеспечение исполнения законов, назначение на государственные должности (исключение составляют случаи, когда назначение на конкретную должность является прерогативой президента); он несет ответственность за национальную оборону, определяет цели и задачи политики государства, дает распоряжения органам исполнительной власти и координирует их работу, а также является посредником между законодательной и исполнительной властью.

Принцип неотвеченности президента подразумевает противодействие его актов со стороны премьер-министра или министров, ответственных за осуществление стоящих перед ними задач. Данная форма близка к парламентской по наиболее характерному признаку – ответственности исполнительной власти перед законодательной. Такая практика считается отличительной чертой данной формы правления, однако, на наш взгляд, он не подчеркивает ее своеобразие, наоборот, данный признак схож с чертами парламентского правления. Отсюда вытекает и другой признак парламентарных форм – возможность досрочного роспуска парламента президентом или монархом. В условиях смешанной формы можем обнаружить признаки, свойственные дуализму: например, запрет занятия должностей в разных ветвях власти. Члены правительства притом условии не связаны партийными установками и осуществляют свои обязанности на профессиональной основе. Такое правительство тяготеет в большей степени не к парламенту, а к руководителю государства. В условиях смешанной формы правления обычно отсутствует и такой признак парламентаризма как согласование парламентом основных направлений работы нового кабинета. Таким образом, правительство как полномочный орган исполнительной власти, плавно отрывается от парламента, мягко выводит из-под его контроля, смещаясь при этом в сторону главы государства.

Действительно, несмотря на значительную политическую и правовую автономию правительства, президент в отношении деятельности правительства обладает значительным влиянием. Президент обладает достаточно обширными полномочиями в

отношении исполнительной власти, совмещая их с полномочиями высшего представителя внутри страны и вовне, в том числе: издание актов о назначении членов кабинета, определяет повестку заседаний кабинета и возглавляет их; определяет внешнюю и внутреннюю политику государства; обладает достаточной регламентарной властью, не зависящей от встречного распределения; является главой вооруженных сил. Аппарат главы государства, оказывающий ему помощь в реализации конституционных полномочий, в некоторой степени дублирует правительство.

В связи с вышесказанным отметим, что в обязанности главы государства входит осуществление патронажа над проблемами армии, внешней политики, государственной безопасности, участие в осуществлении наиболее важных функций, резервированных за правительством.

Известно, что четкое размежевание полномочий исполнительной власти между главой государства и парламентом является свойством парламентской формы управления государством, при этом наблюдается верховенство представительного органа перед правительством, которое следует рекомендациям парламента и в большей степени им контролируется. Обозначая взаимодействие главы государства с правительством, необходимо указать на большую зависимость первого от второго. При смешанной форме правления активно используется институт контрассигнатуры, причем на практике глава государства часто отклоняет предложенные ему для подписи акты правительства, что можно рассматривать как инструмент сдержек и противовесов, которые позволяют уравновесить авторитет главы государства и правительства. Контрассигнатура в этом смысле – весьма эффективный инструмент, обеспечивающий равновесие между высшими органами государственной власти.

Во многих странах со смешанной формой республики можно констатировать преимущество положения главы государства, вытекающее из установленной для него компетенции и особой легитимности благодаря выборам на основе всеобщего избирательного права, а премьер-министр, опирающийся на парламентское большинство, обладает свободой действий в вопросах государственных дел и государственного управления. В результате кабинет министров и президент «уравновешивают друг друга» в своих прерогативах, и каждый раз им нужно прийти к компромиссу для реализации политического решения.

Отметим еще одну специфику, о которой мы упоминали в исследовании: спецификой политической системы определяются характер и место главы государства в государственном механизме и фактическом разделении властей. Примечательно, что в президентской республике действует дуализм законодательной и исполнительной власти,

то в парламентской – дуализм внутри самой исполнительной власти. При парламентских формах республики или монархии глава государства идеально вписывается в систему разделения властей как объективный арбитр, стоящий над всеми ветвями власти, который не тяготеет к одной из них, выполняя функцию «арбитра-наблюдателя». Только в таком положении, по нашему мнению, президент или монарх может претендовать на роль полностью нейтральной аполитичной фигуры, которая способна объективно оценивать осуществляемые другими органами власти действия и обеспечить устойчивость самого государства и его институтов, гарантировать благополучие всего общества и граждан [180, с. 186].

При кажущейся неактивной позиции главы государства, он реализует важнешую функцию посредника, примирителя, медиатора между всеми ветвями власти. В этом смысле, глава государства – гарант соблюдения принципа разделения властей, основа механизма сдержек и противовесов. Поэтому в условиях нормальной обстановки в стране его роль не так заметна, но это не умаляет значения института главы государства в парламентских государствах.

Смешанная форма правления основана на доктрине «активного президентского арбитража». В этом случае президент занимает промежуточное положение в сравнении с его позициями в президентской и парламентской системе: он не так полномочен, как в условиях дуалистической формы правления, но и не так пассивен, как это имеет место в парламентском государстве. Смешанная форма предполагает достаточно действенное поведение главы государства, который не просто наблюдает, а участвует в осуществлении государственной политики. Зачастую ему не требуется согласования, координации своих действий с другими высшими органами государственной власти, то есть, мы можем говорить о его относительной самостоятельности, причем как от правительства, так и от парламента. Такое положение главы государства также позволяет не относить его ни к какой из ветвей власти, а рассматривать его как инструмент баланса между ними. Но оговоримся, что данное утверждение будет верным при его полной аполитичности и нейтральности.

Как и любая другая демократическая форма правления, президентско-парламентская система обеспечивает независимость судов, олицетворяющих третью власть, что определяет характер ее отношений с остальными ветвями государственной власти. Отношения между исполнительными и законодательными органами выглядят более противоречиво.

Парламент имеет решающее право голоса в процессах утверждения бюджета, законодательства, ратификации международных соглашений. В то же время, помимо

парламентариев, главы государства и правительства имеют право законодательной инициативы. Глава государства, как нами уже было отмечено ранее, может перенести на референдум, предложенный им проект, который не поддержали депутаты. Так, если избиратели одобряют, законопроект станет законом, даже и без поддержки парламента. Однако у кабинета также имеются реальные возможности не считаться с мнением парламента, используя чисто технические моменты, он «умело пользуясь новеллами законотворческой процедуры, может не только предопределять судьбу того или иного законопроекта, но и при необходимости практически действовать самостоятельно» [113, с. 101].

Профессор Ю.И. Лейбо выделяет такие характерные признаки смешанной формы правления:

1. «Президент избирается непосредственно населением в ходе прямых выборов» [142, с. 123];
2. «Президент наделяется обширными властными полномочиями: он является главой государства, ему принадлежат основные прерогативы в сфере исполнительной власти, он является верховным главнокомандующим» [142, с. 124];
3. «Правительство является самостоятельным органом исполнительной власти, работающим под общим руководством президента. Правительство формируется президентом, но нуждается в доверии парламента. Вынесение вотума недоверия может повлечь либо отставку правительства, либо роспуск парламента президентом» [142, с. 124].

Соответственно, мы можем сделать вывод, что принцип разделения властей при смешанной форме правления получает особенные формы реализации. Акцентируется внимание на обеспечении равновесия ветвей власти, создании системы сдержек и противовесов. Механистическое размежевание ветвей власти отходит на второй план. На практике это привело к перераспределению полномочий от одного органа к другому. Глава государства в условиях смешанной формы правления президент – полномочная фигура в обеспечении стабильности и преемственности правительства, несмотря на партийный полиморфизм. Элементом сдерживания объемных полномочий главы государства является его определенная конкуренция в этом отношении с главой правительства. При этом для главы правительства существует важное ограничение – он подотчетен парламенту, несет перед ним ответственность. Основной прерогативой законодателя является установление правил, определение гарантий и основных принципов национальной политики.

Комбинация преимуществ исполнительной ветви власти президентской республики и института досрочного роспуска парламента, характерного для парламентских стран, создает правовые предпосылки для стабильной исполнительной власти, презюмирует отношения взаимодействия и сотрудничества между властями, а также предоставляет радикальные средства чтобы превозмочь политические кризисы. Модернизация принципа разделения властей в свете комбинирования элементов разных форм правления в их смешанные разновидности, решая проблемы взаимодействия ветвей власти, которые наблюдались в классических формах, влекут появления новых трудностей, которые не способствуют налаживанию диалога между ними.

Итак, в результате проведенного анализа практического применения механизма перераспределения властных полномочий между органами власти, относящимися к различным ее ветвям, происходит отход от традиционных форм правления к ее смешанным вариациям, которые в настоящее время получили достаточно широкое распространение. Основной тенденцией таких трансформаций является постепенный выход из-под контроля законодательного органа – парламента – органов исполнительной власти. Это усиливает, по существу, исполнительную ветвь, но, как следствие, мы наблюдаем ослабление роли парламента. Данная ситуация не может быть оценена однозначно, поскольку это в определенной степени нарушает принцип разделения властей.

Разрабатывая проблематику использования разделения властей необходимо выйти за рамки вопросов форм правления, поскольку данный аспект исследует взаимодействие законодательной и исполнительной ветвей власти, при этом, даже в классическом понимании, такое разделение – это триада. Третьей ветвью власти неизменно именуется судебная ветвь власти, которая всегда характеризуется как равно отстоящая как от законодательной, так и от исполнительной, то есть ее особенность заключается в максимальном абстрагировании от политики, но, в то же время, максимальная приближенность к праву. Основные законы государств зачастую подчеркивают такое обособенное положение этой ветви власти и судебных органов, провозглашают систему гарантий ее независимости и исключения возможности иных органов и должностных лиц государства каким-либо образом давить на нее [45, с. 211]. Если законодательная и исполнительная ветви власти функционируют в рамках политических и конституционных форм деятельности, то специфической формой деятельности судебной власти является осуществление правосудия. Понятие правосудия может по-разному определяться в науке и праве, однако, суть такой деятельности сводится к разрешению на основе норм законодательства социальных конфликтов, участниками которых могут выступать

различные субъекты правоотношений. Судебная деятельность осуществляется в строго установленных законом формах и процедурах, отступление от которых недопустимо и влечет признание итоговых и промежуточных решений ничтожными. Судебные решения должны быть исполнены всеми сторонами, к которым они имеют отношение. В контексте изложения темы диссертации, важно отметить, что органы судебной власти полномочны отменить неправомерные акты и признать таковыми действия других органов государства, относящихся к остальным ветвям власти. В этом заключается роль судебной власти в системе сдержек и противовесов.

То же можно сказать и об организации и структуре судебных органов: они также четко и однозначно определяются специальными законами, которые имеют повышенную юридическую силу. Судебная власть осуществляется только специально уполномоченными органами – судами. Только суды могут вершить правосудие. Судебные решения не могут быть отменены или изменены другими органами государственной власти. Особое внимание обращается на требования к должности судьи, которые составляют кадровую основу судебной власти. Их правовой статус тщательно регламентирован в целях обеспечения независимости судейского корпуса.

В то же время, тщательно оберегаемая правом независимость судебной власти не исключает законных форм ее взаимодействия с другими ветвями власти, встраивания в общую систему их разделения. Независимость судебной власти нельзя назвать абсолютной, хотя бы потому что такие органы являются частью общей системы органов государственной власти, это только одна из ее ветвей. Изучая взаимодействие этой ветви власти с двумя другими, несложно заметить, что в большей степени она связана с законодательной, так как, во-первых, структура судебных органов, статус судей определяются законами, принятыми парламентом; во-вторых, процессуальные формы судебной деятельности также представляют собой результат его законотворчества. Что же касается отношений с исполнительной властью, то они ограничиваются, в основном, материальным и техническим обеспечением. И только в отдельных странах, например, в ФРГ, министерство юстиции, являясь органом исполнительной власти, назначает судей.

Особая роль в судебной системе принадлежит органам конституционной юстиции. С. Авакьян напрямую связывает предметную компетенцию органов конституционного правосудия, с их особой юридической природой как главных органов судебной защиты конституции, выделяя четыре основные группы их полномочий:

- «связанные с обеспечением верховенства конституции в системе источников национального права: контроль за конституционностью нормативных правовых актов и международных договоров, официальное толкование конституции и законов» [48, с.];

- «связанные с обеспечением соблюдения принципа разделения властей: рассмотрение споров о компетенции между государственными органами (разграничение компетенции законодательной, исполнительной и судебной власти по горизонтали), между государством и его составными частями (разграничение полномочий по вертикали: в федеративном государстве - между федерацией и ее субъектами и между последними, в сложном унитарном государстве - между центром и автономными образованиями, в унитарном государстве - между центральными государственными органами и территориальными коллективами)» [48, с.344];
- «связанные с защитой конституционных прав и свобод человека: например, процедуры конституционной жалобы» [48, с.345];
- «связанные с защитой конституции от нарушения ее высшими должностными лицами, а в ряде государств и политическими партиями» [48, с.345].

Резюмируя смысл норм о полномочиях органов конституционного контроля, отметим, что такие органы вправе проводить ревизию, с точки зрения их конституционности, законов и других нормативных актов до и после их вступления в силу, ограничивая, сдерживая (в положительном смысле этого слова) правотворчество других органов государственной власти [178, с.73, 82].

Несмотря на многочисленные исследования, проблема определения действительной природы специального органа конституционного контроля на сегодня не решена, до настоящего времени еще не выработано единого концептуального подхода относительно сущности исследуемого института, и, следовательно, вопрос его местонахождения в разделенной публичной власти отдается на «откуп» национальному законодателю. Речь идет о включении или невключении Конституционного Суда в судебную ветвь власти [178, с. 75]. Авторская позиция по данному вопросу будет представлена далее в работе в Главе 3, п.3.4. в контексте законодательства и практики Республика Молдова.

Еще одним немаловажным фактором, который может оказать влияние на состояние разделения властей в государстве и по этой причине требующим освещения в диссертации, является принадлежность к определенной правовой семье и к правовой системе, что связано с принципиально различной структурой права и его источников. Для стран общего права в качестве таковых выступают прецедент и обычай или соглашения между органами государственной власти. Известно, что в странах, принадлежащих к англо-саксонской системе, судебные органы занимаются не только правоприменением, но и правотворчеством. В деле регулирования общественных отношений судебный

прецедент широко используется в качестве нормы права. Более того, данный правовой источник распространен несколько больше, чем закон.

Хотя политическая и правовая доктрина признает несомненную власть над актами парламента, и парламент является верховным создателем всего существующего закона, на деле «закон вносит коррективы и дополнения в прецедентное право» [267, с. 13].

В то же время в странах континентального права правовая система представлена достаточно жесткой иерархией, пирамидой, в вершине которой находится закон. Закон в государствах с такой правовой системой – основной источник права, и это является непреложным правилом. Данная особенность повлекла за собой возможность создания собственной модели конституционного контроля – европейской модели, которая характеризуется созданием специализированных органов конституционного контроля для обеспечения режима правового государства. Обычные суды применяют закон в той форме, в которой его установил законодатель, поэтому они практически лишены контроля над главенством закона и нормативной деятельностью администрации. Конституционный контроль проводится специализированными судами, представляющими автономную ветвь юстиции.

В условиях англо-саксонской правовой системы признание официального акта или другого действия государственных должностных лиц противоречащим конституции и не имеющим юридической силы, является правом любого суда, чаще всего верховной инстанции: «Решение о конституционности нормативного акта плотно связано с обстоятельствами конкретного дела и им же ограничивается. Но так как нижестоящие суды должны следовать решениям вышестоящего относительно неконституционности нормативного акта, закон, признанный высшим судебным органом неконституционным, фактически перестает применяться» [61, с. 97–104].

Представляет интерес сравнительно-правовой анализ организации государственной власти в различных государствах. Американские ученые **M. Shugart** и **J. Carey** разработали двумерную модель для сравнительного изучения властных институтов различных государств [314]. Для выявления сущности такой модели, они ищут ответы на следующие базовые проблемы:

1. Как и кем формируется правительство, кто подбирает его кадровый состав: парламент или глава региональной исполнительной власти?
2. Могут ли правительство и парламент сосуществовать в условиях конкуренции и разного партийного состава?

Как отмечают авторы описываемой модели: «совокупность ответов на эти вопросы служит базой для классификации четырех идеальных типов разделения властей:

1. Президентский тип, признаком которого являются всенародные выборы главы региона, который определяет состав кабинета и обладает широкими законодательными полномочиями;
2. Президентско-парламентский тип: всенародные выборы главы региона, с широкими законодательными полномочиями, определяющего состав кабинета с полного или частного согласия парламента и в некоторых случаях имеющего право роспуска парламента при вынесении им недоверия правительству;
3. Премьер-президентский тип: всенародные выборы главы региона с широкими законодательными полномочиями при подотчетности правительства парламенту;
4. Парламентский тип: глава государства, независимо от характера и способа избрания очень ограничен в своих полномочиях, а правительство подотчетно парламенту» [314, с.111].

Все типы разделения властей в той или иной форме имели место в отдельных странах постсоветского пространства в последнее десятилетие. Следует отметить, что вся вышеприведенная типология «разработана для анализа демократических режимов, тогда как система властей в значительном количестве стран постсоветского пространства может быть охарактеризована как демократическая со значительными оговорками. Тем не менее, применение данной типологии позволит оценить динамику развития институциональных изменений в системе органов власти и в странах, не столь существенно продвинувшихся по пути демократии» [312, с.43].

В наиболее общей классификации республики классифицируются на парламентские, президентские и смешанные, или полупрезидентские.

Формы правления государством являются продуктом истории, а не изобретательности ума. Они поступательно развивались, эволюционировали на фоне общественных новелл. В связи с чем говорить о том, что одна форма лучше другой, в корне неверно. Каждая из имеющихся форм правления обладает своей внутренней логикой. По ходу политической эволюции менялся баланс между правовой и фактической компетенцией основных компонентов системы разделения властей. Вопрос о конкретных пределах властных полномочий любого государственного органа (института) решался не доктринально, а исходя из общественно-политической ситуации. Размежевание властей, выступающее в качестве принципа государственного строительства, во всех его модификациях является структурным элементом правового, демократического и конституционного государства. Процесс внедрения теории разделения власти в той или иной стране зависит от особенностей процессов, происходящих в конкретном государстве

на том или ином этапе его развития, от характера и уровня его экономики, политической системы, правовой культуры.

Поэтому в рамках этой главы имеет смысл рассмотреть одну из важнейших проблем, связанную с организацией государственной власти на протяжении нескольких веков, – это вопрос целостности и разделения властей. Разобщение властей, как ранее отмечалось, развивалось на ранних ступенях развития государственности и затем вызвало «специализацию» субъектов государственных отношений, в которой было выявлено два направления: сосредоточение властных полномочий у определенного лица и ее разделение. Такая закономерность проявлялась в постоянной борьбе за власть, причем, ее участники имели противоположные мнения и цели, так как одни были сторонниками разделения власти, а другие – поборниками ее централизации. В зачаточном состоянии, и это также было сказано ранее, эта идея уже наблюдалась во взглядах философов Древней Греции. По мнению **С.Н. Швердяева**, «теория разделения властей не может представлять угрозу единству государственной власти, поскольку не отрицает идею народовластия, а прямо на ней основывается» [252, с.32].

В этой связи стоит отметить, что существует достаточно логичных аргументов в отношении единства государственной власти, поскольку ей присущи определенные общие признаки и она имеет общее происхождение, корнящееся в обществе [88]. И в этой части идея разделения угрожает «единой власти», то есть лицу или органу, который олицетворяет собой деспотическую власть, узурпирующему власть народа и единолично контролирующему осуществление всех самых важных государственных функций. В литературе научная критика теории разделения власти была очень хорошо оценена Ф.Ф. Кокошкиным. Например, уделяя внимание «юридическому аргументу» о неделимости власти, который был предложен немецкими учеными XIX в., русский ученый замечает «допущенную с их стороны подмену понятий, поскольку Монтескье видел во власти не абстрактную категорию юридической личности, которую он предлагал бы расчленить, а воспринимал идею власти рационалистически, как возможность государства действовать определенным образом» [130, с.45]. Ф.Ф. Кокошкин критикует авторов теории разделения властей: «Представление Монтескье о трех самостоятельных властях противоречит понятию единой юридической личности государства и понятию государственной власти как единой воли» [130, с. 121]. С такой точки зрения еще более живые возражения были вызваны формулой Канта, в которой три органа власти - это три отдельных субъекта, образующих вместе одного человека - государство. Критики не даром говорили, что «триада Канта» - это догма, «непостижимая для человеческого разума» [130, с. 121]. Такое возражение справедливо только когда оно касается Канта, когда оно адресуется

Монтескье, оно является ошибочным. Ошибка немецких аналитиков заключается в том, что, используя германскую доктрину для понимания права, они не учли, что Монтескье закладывает в это понятие несколько другое содержание. Происходит определенная подмена понятий, когда одни ученые трактуют смысл идей других ученых, вкладывая в дефиниции собственные интерпретации.

Монтескье в общем виде изучает проблему отделения властей от политики и не ставит своей целью правовое построение государственной власти и соотношение ее органов и функций. Но в связи с тем, что мы в состоянии проследить его юридические взгляды, то способны сделать вывод о том, что они совершенно отличаются от тех, какими их представляют его критики. Монтескье даже не представляет трех органов власти в форме трех независимых субъектов или трех отдельных завещаний государства. Он понимает слово «власть» не так, как немецкие юристы, и его понимание более правильное с юридической точки зрения [194, с.547].

Довольно просто рассмотреть представленную проблематику исключительно в свете разделения властей, но учитывая, что основной целью дискуссий является решение вопроса об эффективности власти, а не просто ее структурном виде, с таким административным и правовым уклоном это не связано с обсуждением конституционных принципов, однако он неизбежно полон подробных материалов об осуществлении распределения полномочий между властями в их различных пропорциях. В данном случае речь идет о банальнейшем разделении труда. Это настолько простая идея, что, конечно, она была известна даже самым древним государствам. Если именно это являлось наиболее важным, то создателем концепции мог быть Аристотель, четко различавший в своих трудах законодательные, управленческие и судебные органы, однако следы этой идеи также могут быть найдены в иных памятниках древних философии и права. Аристотель утверждал: «В любом государственном устройстве таких составных частей три, и на них должен ориентироваться дельный законодатель, извлекая пользу из них для всех видов государственного устройства. От превосходного состояния указанных частей зависит и наилучшее состояние государственного строя. Не стоит забывать, что само различие отдельных видов государственного строя зависит от различий устройств каждой из составных частей. Назовем эти три части: первая – законосовещательный орган, который рассматривает дела государства; вторая – должности (именно что за должности необходимы и за что они должны отвечать, а также наличие способа их замещения); к третьей же относятся судебные органы» [56, с. 514–515].

Важнейшая передовая по тем временам идея Ш. Монтескье заключалась в необходимости создания системы механизмов, которые бы гарантировали невозможность

узурпации власти. А достижение этой цели сможет обеспечить свободу личности. Помимо этой идеи, теория разделения властей не имела бы смысла, как в какой-то специальной теории. Если мы попытаемся держать вопрос разделения материальных и формальных функций в строгих рамках проблем теории разделения властей, то это будет важно, прежде всего, с точки зрения контроля над эволюционной или реформистской передачей обязанностей государственных органов, которые принадлежат одному из филиалов, другим органам, которые принадлежат другим ветвям. **Г. Еллинек** говорил: «Так, различие между формальными и материальными функциями приобретает весьма заметное практическое значение, так как лишь познание сути материальных функций направляет к решению вопроса, что же необходимо отнести к формальным функциям, точнее, к компетенции органов какого-то определенного класса» [102, с. 585]. В продолжение рассуждения, он отмечал: «Для того чтобы иметь представление о том, как далеко стелется компетенция законодателя, нужно заблаговременно установить, что является собой закон по своему содержанию. От государства получают свои функции законодатель-администратор, судья. Но одной из главенствующих идей при распределении функций для законодателя выступает то, что объективно различное должно и субъективно быть разделено. Однако формальные и материальные функции никогда не могут полностью покрывать друг друга субъективно, это связано с тем, что точные пограничные линии существуют лишь в теории, но не в реальной жизни. Не из соображений архитектурной стройности, а из соображений политической целесообразности определяется реальный государственный порядок и обуславливаются различного рода отклонения от правил, даже признанных законом» [102, с. 585–586].

Постепенное периодическое и разнонаправленное смещение полномочий при развитии отдельных государств, например, от законодательных органов к исполнительным, и наоборот, стало сегодня такой общей направленностью, что это обширно отмечается в литературе по сравнительной конституционной юриспруденции.

Единичные, периодические и эквивалентные движения полномочий в рамках отдельного государства между властями разных ветвей являются теперь вариантом нормы, а не отклонением. Впрочем, данную норму стоит отличать от концентрации полномочий, в особенности в короткие сроки по историческим меркам, под покровительством одного из органов власти. Следующим аспектом обсуждения вопроса о разделении властей, который не влияет на его сущность, но наличествует в нашей литературе и является любопытным с точки зрения вектора развития структуры органов власти, считается вопрос о количестве властей.

Фундаментальным итогом теории разделения властей выступила идея уравнивания точек массовой концентрации властных ресурсов в стране, для того чтобы обеспечить политическую свободу. Властный законодательный ресурс выражается в законном принятии наиболее важных общих решений в государстве, ресурс, который стоит за исполнителями законов, находится в распоряжении средств для их реализации и применения правового насилия в случае необходимости. Судебный ресурс представляет собой власть принимать окончательные решения для всех, в том числе по отношению к законам и их исполнению, путем разрешения возникающих в реальной жизни частных конфликтов.

Политическое развитие ведущих стран Европы в эпоху Монтеスキё подтверждало его воззрения о триаде власти, каждая ветвь которой обладала действительной силой и возможностями в сфере государственного управления. Наличие этих трех ветвей власти и необходимость наделения их традиционными полномочиями в сфере законотворчества, исполнительной деятельности и правосудия были отражены в буржуазных конституционных актах, давая пример другим государствам. Но за последние два века объем государственных обязательств значительно вырос, и во многих странах мира в связи с их конкретным государственным строительством образовались дополнительные центры влияния. Подобным образом родились идеи о новых ветвях власти, количество которых колеблется от четырех до десятка.

Б. Констан дополнил классическую триаду еще и королевской властью, и властью общественного мнения [119, с. 127].

М. Ориу политическую и экономическую, военную и гражданскую, религиозную и другие власти оценивал с точки зрения их равновесия [205, с. 416–462].

В контексте органического разнообразия также могут быть озвучены проблемы парламентской двухпалатной системы, множественности судов в странах романо-германской системы права и т. д. По нашему мнению, вопросы о том, считаются ли «высшими» вновь создаваемые властные учреждения, способны ли они быть независимыми в системе органов власти, достаточно ли у них полномочий для влияния на общую картину государственной власти, способны ли они оказывать влияние на проводимый курс государства не имеют принципиального значения для научного исследования принципа разделения властей.

Правильно поставить задачу появления новых центров концентрации политической власти только в тех государствах, в которых классическая теория разделения властей была усилена в законодательстве и на практике достаточно твердо и основательно, где очевидно, что существует полицентризм власти и реального баланса как минимум между

двумя ее частями - исполнительной и законодательной властью. Ведь это первая ступень демократии. Однако отсутствие проверенных временем навыков построения демократической государственности или тот факт, что рассматриваемая теория разделения властей не бесспорна даже в профессиональной литературе, указывает на настоятельную необходимость постепенного решения проблемы. Еще один момент, имеющий различные спорадические проявления в прениях о теории разделения властей, заключается в том, что государство как институт политической системы не имеет альтернативы в обеспечении прав граждан.

Относительно основных суждений Монтескье [194] мы выдвигали на первый план такой тезис: разделение властей является условием для реализации личных прав гражданина.

В итоге, обеспечение гарантии индивидуальной свободы напрямую зависит от наличия и правильного проведения в жизнь разделения властей в государстве. Для Дж. Локка этот акцент еще более отчетливо виден: он ставит вопрос не только о том, необходимо ли разделение властей для защиты прав и свобод личности, а в ракурсе того, что при серьезной постановке цели достойного осуществления прав человека, подобному способу замены быть не может ни в одном государстве и обществе. Описывая государство, прежде всего, как население, общество, совокупность людей, осознающих свое единство на определенной территории, создающих инструменты для своей жизни и защиты, разрешения споров, Дж. Локк писал: «только государство, а не какой бы то еще иной институт, есть носитель публичной (политической) власти, только оно способно защитить права и свободы граждан, позволить им участвовать в общественно-политической жизни, прийти к великой главной цели – сохранению собственности, ради которой люди и объединяются в политическое сообщество» [170, с. 412].

Конечно, возможно обратиться к разным институтам гражданского общества, различные механизмы правовой защиты во всевозможных международных судебных инстанциях, однако являются ли они гарантами на самом деле или это всего лишь видимость, и что они в итоге стоят, если же в государстве не наблюдается разделения властей, в то время как носители власти стремятся поддерживать факторы, обеспечивающие деспотизм? Таким образом, исключительно важно обращать внимание на то, может ли государство, перед которым стоит задача гарантировать права граждан, воплотить в жизнь эту идею в пределах какого-либо ограниченного сектора отношений или условного резерва определенной социальной активности, которая бы решала вопрос защиты прав граждан самостоятельно, а не зависела бы от государства, то есть по типу аутсорсинга. Таким образом, конституционный статус личности способно гарантировать

только такое государство, которое выстроено на основе принципа разделения властей. Такой простой и элегантный аргумент содержит одно из замечательных проявлений блестящего наследия теории Монтескье.

Подводя итог некоторым результатам, можно сказать, что независимый наблюдатель, который не погружается в своеобразие современной политики и права, может не согласиться с тем, что при изучении фундаментальных основ государственной организации некоторые устроители государства выносят так мало из теории разделения властей, выступающей в качестве ключевого аспекта этой самой организации. Монтескье изучал проблему устройства власти не со стороны эффективности ее органов или их разнообразия, а с точки зрения свободы, или же «духа законов», как ясно указывает название его работы. О принципе разделения властей в высококачественной учебной литературе, которая узко специализирована в этой области, принято говорить как об одном из главнейших достижений демократии, однако состояние юридической и политической науки более сдержано в этой части.

Впервые концепция разделения властей была закреплена на законодательном уровне в Конституции США 1787 г., которая все еще действует. Вместе с концепцией разделения на указанную Конституцию повлияли также идеи Руссо, говорившего о единстве власти, «выступающем в качестве выражения единства народа» [244, с. 81]. Поэтому организационно-правовое разделение власти шло в сопровождении не только системы их балансирования, но и особой интерпретации ее монолитности и гармоничных отношений. Лозунгом «Мы, народ Соединенных Штатов...» учредители Конституции провозгласили независимость страны, «поделили» органы государства на три ветви власти» [244, с. 81]. Целостность государственной власти была юридически оправдана и провозглашена ещё в древнем мире (примером служит обожествление египетских фараонов), в Средние века этот подход наиболее ярко выражался в абсолютных монархиях, в двадцатом веке – тезисом о единстве власти, сконцентрированной в руках фюрера, который защищали пропагандисты фашистского режима.

Остальные недемократические политические режимы тоже зиждились на доктрине беспредельно монополизированного и монолитного политического режима. Однако требование «единства власти звучало не только из уст представителей реакционных сил и тоталитаризма, но и самых прогрессивных представителей молодой буржуазии, выражающих национальные интересы» [69, с. 21]. Выступавший против концепции разделения власти **Ж.Ж. Руссо** выдвигал «идею верховной власти» [244, с. 89], которая, по его мнению, неизбежно следует из отстаивания суверенитета народа. Руссо считал, что всевозможные формы деятельности руководства страны, характеризующие властные

полномочия государства (законодательство, администрация, правосудие), служат лишь проявлением этого суверенитета [244, с. 276]. Различные стороны обеих концепций не являются взаимоисключающими, а объединяются. Почти все современные конституции в различных формулировках говорят о единстве власти и разделении властей, провозглашают власть народа и закрепляют принцип разделения властей. По обыкновению, начиная с времен Локка и Монтескье, выделяют три ветви власти, легализованные конституциями: законодательную, исполнительную, судебную, однако в некоторых странах организационно-правовая сторона данной концепции претерпела изменения.

Например, государственно-правовая доктрина стран Южной Америки придерживается теории существования четырех властей, кроме рассмотренных, выделяется еще и «избирательная власть (корпус граждан-избирателей), находящая свое организационное выражение посредством создания избирательных трибуналов, от местных до общегосударственного» [128, с. 66], в обязанности которых входит рассмотрение избирательных споров, подтверждение их результатов. В основном законе отдельных стран можно заметить ссылку, так называемое упоминание о контрольно-надзорной или просто контрольной власти, на соответствующие органы, не входящие в структуру законодательной, судебной или исполнительной власти. Иногда вообще выделяют только две власти: исполнительную и законодательную, при этом судебная власть не характеризуется как независимая. Эта точка зрения обосновывается так: если суды действуют на основе законов, принятых законодательным органом, то судебные органы являются также органами исполнительной власти и нет никаких оснований говорить о независимой судебной власти [105; 106]. В государствах федеративного устройства иногда к прочим добавляют власть федерации, представителями которой выступают все ее органами, и власть субъектов. В странах, где должность главы государства не предполагает соединения этой должности с полномочиями руководителя исполнительной власти), можно предположить наличие особой президентской власти [63, с. 35].

Идея разделения единой власти на несколько относительно независимых ветвей основана на определенных функциях, вытекающих из главной сущности государства – реализации политической власти. Работа органов госвласти по реализации своих функций предстает в разных правовых формах: законотворческой, исполнительно-распорядительной, правоохранительной, в основе которых лежит принцип разделения властей. Исходя из этого, определим главные функции органов государственной власти: законодательную, управленческую и судебную, которые в полной мере отражают

механизм осуществления государственной власти. Более того, каждая такая функция выполняется рядом государственных органов, которые принадлежат к различным властным ветвям. Редко, но иногда встречается выделение четвертой функции и соответствующей ей ветви власти – функции надзора [111, с. 171–172].

Каждая из рассмотренных властей имеет основную функцию, соответствующую названию, одновременно осуществляя и иные полномочия, вспомогательного характера, которые способствуют выполнению главных. Таким образом, «помимо управленческой деятельности исполнительная власть осуществляет нормотворчество, а также в определенной степени судебные полномочия. В свою очередь, законодательные органы, помимо законодательных, имеют другие функции: исполнительные (здесь можно указать работу ряда комиссий и комитетов) и судебные (рассмотрение вопросов депутатской ответственности)» [258, с. 44].

Вспомнив о характере отношений между тремя этими властями, стоит обратить внимание на основные два момента:

- во-первых, нужно обеспечить такое распределение полномочий, в котором имеется механизм сдержек и противовесов, предотвращающий злоупотребление властью;
- во-вторых, необходимо также обеспечить сотрудничество между властями для достижения наибольшей эффективности управления обществом. Указанные положения составляют сущность теории разделения властей, хоть об этом и часто забывают, ориентируясь исключительно на механизм противовесов и сдержек [62, с. 18].

Известен также принципиально иной взгляд на исследуемую концепцию, по которому разделение властей представляется ничем иным, как простым разделением труда. В частности, об этом писали классики марксизма-ленинизма, подразумевая неразделение принадлежащей буржуазии власти в капиталистических государствах [198, с. 19].

Так, принимая во внимание поправки, внесенные в теорию разделения властей в XIX и XX вв., она требует не столько реального разделения, сколько баланса между всеми властями. Самой большой заслугой отцов-основателей Конституции США называют создание этого самого баланса как в горизонтальном, так и в вертикальном распределении полномочий, что, с одной стороны, не позволяет какому-либо органу узурпировать власть, а с другой – гарантирует крепость единой власти государства [61, с. 99].

Опыт многих современных государств, в которых принята такая концепция, показывает, что успешная работа всех ветвей власти невозможна без их взаимодействия и взаимозависимости. В связи с чем современная идея создания организационно-правовой структуры власти приобретает все более новое звучание: единство, разделение,

взаимодействие и взаимоконтроль властей. В такой трактовке вопрос все чаще отражается в нормах современных конституций, несмотря на то что как общий принцип в четкой формулировке он почти нигде не зафиксирован. Максимально полно и последовательно рассматриваемый принцип получил в Основном законе Казахстана 1995 г. (пункт 4 статьи 3 Конституции провозгласил: «Государственная власть в Республике Казахстан едина, осуществляется на основе конституции и законов в соответствии с принципами ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную и взаимодействия их между собой с использованием системы сдержек и противовесов») [140, с.78].

В результате, в качестве итога стоит отметить, что дифференциация властей в современных государствах объясняется разделением функций государственных органов с сохранением принципа единства государственной власти. При рассмотрении содержания принципа разделения властей в современных государственных реалиях, есть возможность выразить его содержание в следующих положениях:

- а) триада власти, являющаяся классической, является базой, типовой формой разделения властей;
- б) отдельные ветви власти действуют автономно исключительно в рамках определяемой законом компетенции и легально закрепляемых полномочий, не вторгаясь в сферу остальных органов и ветвей власти;
- в) все ветви власти действуют в строго правовых рамках, определяемых Конституцией и законодательством, осуществляя свои функции и полномочия в рамках общей внутренней и внешней политики государства;
- г) система сдержек и противовесов должна признаваться обязательным признаком разделения властей и означать тщательную разработку организационных, правовых, материально-финансовых, институциональных механизмов, обеспечивающих равноправное положение отдельных ветвей власти;
- д) взаимодействие законодательной и исполнительной ветви власти осуществляется в зависимости от формы правления в государстве, в то же время, для судебной власти важно находиться на равноудаленном расстоянии от других ветвей власти;
- е) в сложном по политико-территориальной форме государстве, разделение властей производится как между общегосударственными органами власти, так и между органами и органами государственной власти региона, автономии, субъекта федерации, то есть наряду с «горизонтальным» разделением власти, необходимо учитывать ее деление и по «вертикали»;
- ж) провозглашение и гарантии местного самоуправления как особой системы народовластия и одного из элементов «вертикального» разделения властей.

Каждая из ветвей власти занимает свое место в единой системе госвласти и реализует уникальные для себя функции и полномочия. Баланс каждой и всех ветвей опираются на определенную систему институциональных инструментов и процедур, обеспечивающих как согласованность их действий, так и невозможность посягательств на полномочия друг друга.

3.2. Проблема нетипичных ветвей власти в современном государстве

Практика всегда вносит поправки в теоретические разработки, требует их уточнения, внесения изменений. Современная теория государства и права вынуждена признать, что принцип разделения власти в современных государствах не всегда соответствует схеме, предложенной классиками Дж. Локком и Ш. Монтескье, однако сохраняя при этом свое значение в качестве концептуальной основы государственной организации. Первоначальная модель четкого разделения власти на три ветви вызывает противоречия по поводу ее реализации в современном государстве из-за сложной социальной структуры и возрастающего влияния государства на регулирование общественных отношений.

В наблюдаемом сегодня государственном управлении принимают участие такие государственные органы, которые нельзя отнести к организациям классических ветвей власти, например органы дознания и следствия, которые занимают отдельное место в системе правоохранительных органов и осуществляют уголовное правосудие; прокуратура; глава государства; счетная палата; омбудсмен; избирательные органы и т.д. Такие государственные органы образуют нестандартные ветви власти, поскольку они являют собой однородную и специализированную систему в государственном механизме, осуществляя свои функции в своеобразных формах в порядке, установленном законом, имея перед собой цель «повышения эффективности государственного управления».

Исследователь **В.Е. Чиркин** пишет, что «в некоторых странах в Конституции прописано наличие пяти ветвей власти (так, в Венесуэле, в Конституции 1999 г., кроме трех традиционных — исполнительной, законодательной и судебной власти — функционируют также гражданская и избирательная власти), где-то фигурируют четыре ветви — три традиционные и избирательная, как, например, в конституциях некоторых южноамериканских стран)» [274, с.155].

По словам **С.А. Авакьяна**, анализировавшего вопросы разделения власти, «в Российской Федерации есть основания для того, чтобы выделять не менее десяти ветвей власти (учредительную, народную, президентскую, законодательную, исполнительную,

судебную, прокурорскую, избирательную, финансово-банковскую, контрольную)» [49, с.10].

П.П. Баранов также описывает девять властных ветвей. Наравне с традиционными законодательной, судебной и исполнительной ученый рассматривает «президентскую, банковскую, прокурорскую, финансовую, средств массовой информации, социальных сетей и избирательную власти».

Современные авторы аргументированно предлагают выделить:

- президентскую власть (Г.Н. Чеботарев, В.Е. Чиркин, Г.В. Дегтев, А.Ю. Королев, В.С. Чепиков, Л.М. Соколова, Н.М. Конин, Ю.И. Скуратов, Л.А. Тхабисимова, А.И. Хорошильцев, Ж.И. Овсепян, К.В. Черкасов, В.В. Гончаров, А.А. Панов). К такой ветви власти авторы относят, в частности, администрацию Президента, полпреды главы государства в федеральных округах, а также различные иные структуры и органы при Президенте [275; 266; 267; 271];
- контрольную или надзорную ветвь (В.Е. Чиркин, С.А. Бурмистров, С.В. Степашин, Л.А. Николаева, В.В. Ключков, В.Д. Даев и М.Н. Маршунов, Ф.Ш. Измайлова и В.И. Рохлин, а также мн. др.). К указанной ветви власти перечисленные авторы предлагают отнести многочисленные контрольно-надзорные органы, создаваемые в достаточном количестве в каждом государстве (например, аудиторские органы, прокуратура, органы общественного контроля) [72; 90; 101; 269; 274].

В литературе в качестве самостоятельной ветви власти называют общественную власть, что, на наш взгляд, является весьма спорным. Тем не менее, в рамках исследования приведем те аргументы, которые выдвигаются сторонниками такой позиции. Общественные формы осуществления функций государства были известны еще в древнем обществе. В этот период власть осуществлялась в основном в прямых, непосредственных формах. Именно эти формы демократии затем трансформировались в государственную власть, то есть общественная власть, в этом смысле, первична. В современном государстве сохранилась одна из форм первичной публичной демократии в виде местного самоуправления, которое также требует осмысления с точки зрения встраивания ее в систему разделения властей [181, с.364-365].

Веские аргументы данной теории можно найти в исследованиях **Н.С. Бондаря**. Ученый дал определение муниципальной власти как «организационно обособленной от государства самостоятельной формы публичной власти» [69, с. 45]. **В.Е. Чиркин** также придерживается такого мнения, при этом расширяя и уточняя эту дефиницию, по его мнению, «муниципальная публичная власть есть негосударственная власть публичного территориального коллектива по вопросам местного значения» [272, с. 12].

В качестве четвертой организационно-правовой формы публичной власти называют публичную корпоративную власть; в данном случае участниками выступают институты гражданского общества с их постоянно действующими органами – членами различных общественных объединений. Явными представителями корпоративной публичной власти выступают общественные объединения, СМИ и другие институты гражданского общества.

Как полагает плеяда специалистов, публичная власть представляет собой разнородное и широкое явление: «публичную власть наполняют многие институты» [48, с.398]. В некоторых работах под такого рода властью понимают несколько иное, а именно: «власть различных объединений и коллективов граждан по отношению к лицам, которые входят в эти объединения и коллективы, а также в их внутренние единицы [48, с.399]. Аналогичные представления о общественной власти высказывают другие ученые, аргументируя вопросы теоретического содержания и правового оформления публичной власти в современной России, и в то же время, не отрицают существование социальной власти в той или иной форме.

Идеи о существовании власти общественного мнения и общественных структур можно высказывать в качестве аргумента в пользу выделения общественной власти.

На сегодняшний день в науке встречаются новые подходы к определению наличествующих видов власти, например, таких, как государственно-общественная власть. **В.А. Земсков**, рассматривая государственно-общественную власть, описывает ее как «систему специфических общественных отношений господства и подчинения локального характера, реализуемую в рамках местных сообществ, обеспечивающую поддержание жизнедеятельности таких сообществ» [112, с.99]. Он утверждает, что: «такая власть не осуществляется исключительно местными органами, но также и другими местными «властными объединениями»: территориальными избирательными комиссиями, местными общественными объединениями, политическими партиями и другими местными общественными объединениями» [112, с.101]. В.А. Земсков высказывает следующие доводы, доказывающие наличие такой специфической власти, которую он называет функций государственно-общественной: она «определяются нормативно закрепленными целями» [112, с.99]; выражаются в конечном итоге «в работе органов местного самоуправления по управлению местным сообществом» [112, с.99], удовлетворению интересов этого сообщества, решению вопросов местного значения; они являются нормативно регламентированными и обеспечены организационно.

Изучение работ современных исследователей позволяет сформулировать вопрос о выделении вышеупомянутых финансовой, банковской, СМИ, социальных сетей,

информационной, общественной и избирательной властей. Тем не менее не все из предложенных ветвей власти имеют властные функции.

Помимо ветвей власти, конструируемых из органов власти, власть народа законодательно закреплена [50; 255]. В научных источниках можно обнаружить суждения о необходимости признавать в качестве отдельной ветви «народную власть», которую еще называют «учредительной». В современных конституциях понятия «источник власти» и «народный суверенитет» тесно связаны друг с другом. Данные дефиниции можно практически отжествить, а правовая регламентация и отражение их на уровне Конституции является выражением демократической сущности каждого государства. Эта конституционная формула имеет свое закрепление практически во всех Основных Законах стран мира. Главный тезис практически всех новых и новейших Основных Законов выражается в формуле «суверенитет принадлежит всей нации, вся власть исходит от народа» [122, с. 22]. Ч. (1) ст.2 Конституции РМ содержит аналогичное положение: «Национальный суверенитет принадлежит народу Республики Молдова, осуществляющему его непосредственно и через свои представительные органы в формах, определенных Конституцией» [144].

Народовластие предстает принципом создания и воплощения власти народа. Люди, действующие суверенно во всех сферах жизни, сами определяют, как они организуют свою власть. Это они делают с помощью Конституции. Согласимся с мнением В.Т. Кабышева, который заявил, что «в основе народной власти заложена его воля, реализуемая с помощью различных форм - государственных и негосударственных. Только воля народа придает легитимность государственной власти, и всем ее формам: исполнительной, законодательной, судебной. Указание конституционной нормы на источник власти подчеркивает ее первооснову» [122, с. 23]. По словам О.Е. Кутафина, «учредительная власть принадлежит народу... для решения базовых, кардинальных вопросов» [161, с. 41].

Если говорить о носителях такого рода ветви власти, то тут имеют место различные мнения. Так, с точки зрения **Б.С. Эбзеева**, «учредительная власть способна осуществляться как самим народом, так и его чрезвычайными представителями, например, Конституционным собранием; такие представители, которые выступают от имени народа, не являются связанными какими-либо поручениями; при этом представители народа, в обязанности которых входит осуществление учредительной власти, должны только учредить Конституцию, т. е. создать проект новой Конституции». Учредительную власть Б.С. Эбзеев определяет как «естественное самоограничиваемое неотчуждаемое право народа изменить или учредить государственный строй, отдельные

его институты, осуществляемое непосредственно с помощью органов государственной власти, в том числе специально создаваемых учредительных органов» [279, с. 329].

Проявлением изначальной учредительной власти способно выступить право народа на референдум, или же право принятия Основного закона (Конституции, устава) на референдуме, а также законодательно закрепленная возможность его изменения. Примером такой производной учредительной власти считается Конституционное собрание [213]. В Республике Молдова «важнейшие вопросы жизни общества и государства выносятся на референдум» [144, ч. (1) ст.75]. В Молдове институт референдума иницируется и применяется достаточно широко: начиная с его применения в 1994 году с вопроса о суверенитете Республики, заканчивая инициативой Демократической партии 2019 года сократить количество парламентариев. Об эффективности проведения общенародных голоосований автор внесет предложения далее в работе, в Главе 3, п.3.3.

Научный спор о субъектах суверенитета и демократии, и других носителях власти остается незавершенным, его можно продолжить, но факт законодательного оформления учредительной власти народа уже законодательно закреплена, причем на уровне Основных законов. Здесь следует сказать, что существуют некоторые вариации обозначения власти народа, например, предлагается выделить электоральное право, выборное право. В то же время, считаем нецелесообразным полностью воспринять высказанную точку зрения, так как вся публичная и государственная власть может называться учредительной, она распространяется на все государство.

Представляет интерес концепция, появившаяся во Франции, автором которой явился политик и философ **Б. Констан**, который предложил впервые термин «нейтральная власть» [135; 313], тем самым он пересмотрел первоначальную структуру разделения властей.

В отличие от классической трактовки теории разделения властей Констан выделял царскую власть как самостоятельную ветвь, олицетворяющую в тот исторический момент власть главы государства. Его место и роль в государственном механизме он характеризовал следующим образом: «Царская власть находится среди всех этих четырех властей, но она выше их, она обладает как верховной, так и посреднической властью, будучи в то же время заинтересована в том, чтобы не нарушить равновесия, а, наоборот, в поддержании его» [135, с. 39]. Б. Констан прямо не отрицает позиций классиков теории разделения властей, но существенно корректирует их в вопросе определения положения места монарха как главы исполнительной власти [135, с. 41]. Констан считал британскую систему реальным олицетворением нейтральной власти: «Если действие исполнительной

власти опасно, король снимает министров. Если действие палаты пэров разрушительно, король дает ей новое развитие, создание новых пэров. Если угроза исходит от избранной палаты, король либо применяет свое вето, либо распускает выборную палату. Наконец, даже если действие судебной власти становится и невыносимая, так как она применяет слишком суровые наказания к определенным действиям, царь смягчает ее действия, пользуясь правом помилования» [135, с. 42].

Интересно отметить, что российские исследователи воспринимали значение нейтральной силы немного по-другому. Итак, Б.Н. Чичерин писал: «Стоя над партиями, которые не участвуют в их борьбе, он воздерживается от них, модерирует их, дает советы и направления» [274, с. 192]. Лазаревский, в анализе идей Констанда, использовал слово «умиротворение»: «Королевская власть является безответственной, нейтральной. Ее высокая позиция создает душевное спокойствие для своего предъявителя, помещая его вне борьбы партий. Она охватывает все» [164, с. 33,34].

Концепция В. Констанда содержит еще одну принципиально важную идею: институт нейтральной власти должен иметь силу, необходимый для выполнения своей миссии: «Исполнительная власть, законодательная власть и судебная власть являются тремя формами власти, каждый из которых в своей области должен способствовать общему развитию; но, когда эти спорящие силы пересекаются, сталкиваются, мешают друг другу, требуется сила, чтобы поставить все на места» [135, с.39].

О.Е. Кутафин, который верил, что глава государства может быть таковым «номинально или реально», в то же время сделал абсолютно правильный вывод: глава государства призван найти выход из самых сложных ситуаций, являясь своего рода запасом государственной власти» [161, с.7].

По словам **М.А. Краснова**, Б. Констанд, выдвигая концепцию «нейтральной власти», «не подразумевал их резервной роли. Он совершенно справедливо выступил за такую миссию монарха, который не должен был активно включаться в политику, а постоянно защищать конституционную систему и тем самым защищать государственность от краха в трудных ситуациях для страны и на пределе - чтобы предотвратить такие ситуации ... Управление и осуществление власти в рамках такой миссии вовсе не является резервом» [155, с.60-69].

Несколько позже появились такие позиции, что вопросы политического нейтралитета могут быть связаны с президентами в парламентских и смешанных моделях. Глава государства занимает положение нейтрального элемента, стоящего формально выше других государств, но без реального участия в управлении государственными делами.

К.Шмитт образно высказывается о том, что король становится «невидимым, разрешая все противоречия и трения между различными государственными действиями и функциями, невидимым модератором» республиканского президента государства» [288, с.164].

В связи с этим, мы можем согласиться с М. А. Красновым в том, что допустимо применять понятие «нейтральность» к конституционному монарху: бессрочность и безответственность позволяют ему (независимо от способа замены трона) не участвовать в политике. Президентов же «порождает» политикум, и поэтому они, естественно, также имеют зависимость от партий [155].

Становится очевидным, что, если влияние президента на политический курс ослаблена (в частности, в государствах с парламентскими режимами), тогда президент вполне может выглядеть как политически нейтральное учреждение. Однако здесь, с одной стороны, он остается заложником партии, которая выдвинула его, которая, в свою очередь, как справедливо подчеркнули **В.В. Комарова** и **Ш.Б. Магомедов**, с другой стороны, - «такой президент институционально слишком слабый для осуществления нейтральной власти, которая, как отмечалось, не может оставаться бессильным» [134, с.23-24].

Как отмечает М.А. Краснов: «Между тем, президенты даже в президентской республике, обычно стремятся убедить общество в своей чрезмерной (внешней) приверженности и политическом нейтралитете» [155, с. 66]. Он приводит следующий пример: «Показательно, что американские «отцы-основатели» обычно думали о президентских выборах без участия политических партий, воспринимаемых как политическое зло. И хотя, начиная с выборов второго президента США, основные кандидаты были выдвинуты партиями, «каждый избранный президент хотел предстать перед обществом как общенациональный деятель» [155, с. 68]. Wilson W. Рассуждал о нейтралитете главы государства с точки зрения того, что «народ предпочитает выбирать личность, а не партию. Поэтому пользующийся народным доверием президент ведёт за собой нацию, и «его партия вряд ли может противостоять ему» [318, с. 68,69].

Идея «нейтралитета» президента в смешанной модели еще опаснее. В конце концов, такое представление исключает вовсе главу государства из системы исполнительной власти, лишая его важнейших прерогатив, хотя и ставит надо всеми органами и должностными лицами в государстве. Однако отсутствие четких критериев и институциональной структуры нейтральной власти приводит к тому, что в данном случае эти высшие должностные лица имеют определенную политическую принадлежность. Более того, кажущаяся отстраненность главы государства в смешанной модели имеет

следствием возникновение у него так называемого «синдрома монарха». Как справедливо замечено в литературе: «глава правительства, в обязанности которого входит текущее управление, подчас играет роль мальчика для битья: в том случае, когда что не получается, причина видится не в президентском политическом курсе, а в плохом проведении этого курса правительством» [143, с. 351].

Одновременно такой статус способствует появлению у президентов понимания своего «сверхстатуса» и высшего предназначения. Усилению такого ощущения (и соответствующего направления действий) также способствует провозглашение Шарлем де Голлем концепции «президентского арбитража», которая стала своего рода заменой концепции «нейтральной власти». Здесь следует иметь в виду, что Б. Констан писал о нейтральности власти как отдельной ветви и в то же время имел очень четкие задачи по «умиротворению» политической сферы; Конструкция де Голля, однако, не предопределяет принадлежность президента к некой туманной ветви власти, но в то же время представляет его фактическим главой исполнительной власти, однако несущего за неё ответственность именно потому, что он действует как «арбитр» на все ветви власти. С другой стороны, эта ситуация способствует появлению у президентов ощущения их миссии.

Описываемый институт подвергается критике со стороны многих юристов, политологов, которые обращают внимание на весьма серьезные его недостатки, в частности, отмечают не достаточная стройность самой концепции «арбитража» и «нейтралитета» главы государства, неопределенность его полномочий, в том числе и в плане обеспечения согласованности действий между всеми ветвями власти и разрешения споров между ними.

В первую очередь, подвергли жесткой критике теорию Констан сами французы, которые охарактеризовали ее как «двусмысленную», «неопределенную» абстракцию. Приведем в этой части слова **S. Fermery**: «она «несёт» все большую двусмысленность, т.е. предполагает две роли «президента – арбитра»: «нейтральную» и «активную» [296, с. 20]. Далее автор продолжает рассуждения: «Изначально арбитраж понимается как «нейтральный арбитраж». А это означает, собственно, что президент, за которым зафиксированы полномочия, имеет возможность улаживать конфликты между институциональными акторами напрямую или же обращаясь к гражданам» [296, с. 21].

Другие французские государствоведы посчитали, что теоретически стройная концепция не смогла себя оправдать на практике, показав свои отрицательные моменты: «Ожидалось, собственно, что президент не считается членом политической борьбы. Но на практике довольно быстро обнаружилось, что генерал де Голль принимал арбитраж как

«активный арбитраж», а это значило, собственно, что права, выставленные президенту, обязаны применяться для того, дабы работать в собственной стране и ориентировать ее развитие» [296, с. 19].

Тот же S. Fermerу в целом одобряя идеи Констана, не может не заметить и не сделать определенные критические замечания, в частности: «если президент располагает парламентским большинством, он является подлинным главой и не может ограничиваться ролью «нейтрального арбитра» [296, с. 19].

В унисон S. Fermerу, Ж. Веделю выражают свое отношение к рассматриваемой концепции и другие их соотечественники, которые описывают президентский арбитраж как некий инородный инструмент, в любой момент могущий нарушить текущие процессы оперативного управления государством. Например, **Б. Матьё** так анализирует нормы закона и практического его применения Президентом Франции: «Функция арбитра включает в себя целый ряд полномочий, специально предусмотренных Конституцией. Это касается, к примеру, инициатив по пересмотру Основного закона (статья 89), права назначения премьер-министра (статья 8), осуществление чрезвычайных полномочий в условиях кризиса (статья 16), роспуска Национального собрания и гарантий независимости судебной власти»; функция арбитра, которую призван исполнять президент Республики, не является пассивной. Генерал де Голль придавал ей два измерения: в момент кризиса глава государства берет на себя принятие всех решений, а в обычное время направляет деятельность правительства, ставит перед ним конкретные задачи, оставляя за кабинетом реализацию повседневной политики» [187, с. 116, 120].

Так, концепция «арбитража» стала хорошим конституционным обоснованием для самых широких президентских возможностей. По сути, все перечисленные авторы едины в том, что теория президентского арбитража на практике, по крайней мере во Франции, проявила себя по-иному, чем предаисывал Констан. **М.А. Крутоголов** справедливо указал, что «после принятия Конституции Пятой республики произошел очень быстрый отход от первоначальной концепции понятия «президентский арбитраж», особенно после 1962 года, когда президент Франции стал избираться» [158, с. 51]. Далее он развил мысль: «Арбитраж главы государства стал пониматься как осуществляемое им руководство исполнительной властью, если не всем государством. Символ в III Республике, скромный ориентатор в IV Республике, арбитр в 1958 г., президент V Республики стал в настоящее время подлинным «патроном» страны» [158, с. 53].

Также в этой связи есть мнение, что исследуемый институт нейтральности главы государства и его арбитражных функций вообще не позволяет включить его в систему разделения властей. вообще выводит президента из-под действия системы противовесов и

сдержек благодаря «президентскому арбитражу». «Разделение властей, - пишет **И.Д. Хутинаев**, - предполагает не только «взаимосдерживание» законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, но их сбалансированность, их известное функциональное «выравнивание» [265, с. 31, 32].

В.Е. Чиркин резюмирует: «Президент становится как бы над ветвями власти, выводится за рамки, однако отнюдь не только как исполнитель законов и не исполнитель главным образом. Его исполнительно-распорядительная работа дополняется, а иногда даже вытесняется арбитражной. Он начинает играть арбитражную роль по отношению к институтам государственной власти, её ветвям, а иногда и по отношению к обществу в целом. Президенту, конечно, принадлежит исполнительно-распорядительные полномочия и нередко более весомые, чем в президентской республике. Они осуществляются часто им непосредственно, а нередко через правительство» [275, с. 23]. Данный автор вообще вводит в научный оборот новую дефиницию – «цефальная власть», «обозначающую ветвь власти, олицетворяемую главой государства вне зависимости от формы правления» [273, с. 97].

Итак, анализ идей преимущественно французских, а также других ученых по вопросу выделения президентской власти в качестве арбитражной, продемонстрировал, что многие из них не соглашались с постановкой Константа в части главного предназначения главы государства которое служит ширмой для экспансии в прерогативы иных институтов, а также с тем, что президент «становится над ветвями власти» [313, с. 149-150].

Считаем, что возможно придерживаться позиции, что президентская власть является независимой ветвью власти, однако, в конкретных исторических условиях, в конкретных политических обстоятельствах, такому должностному лицу как президент сложно соблюсти полную независимость от какой-либо политической силы, партии, что деформирует разделение властей в государстве.

3.3. Практика разделения властей в странах молодых демократий

Конец XX века ознаменовался ликвидацией социалистической системы, распадом ряда советских государств, которые стали концептуально модернизировать свои правовые системы на основе общедемократических ценностей. Призошла замена общественных и политико-правовых институтов, переориентация на новые теоретические постулаты. Это коснулось и проблематики разделения властей. Необходимо принять во внимание, что в каждом государстве рассматриваемой группы была воспринята и внедрена собственная модель разделения властей, однако, с учетом того, что центром притяжения здесь стала классическая концепция, в доктринальном и законодательном оформлении принцип разделения властей имеет много общего. Каждое постсоветское государство за прошедший период прошло достаточно большой путь теоретического осмысления и практического применения исследуемого принципа с учетом взаимного положительного и негативного опыта в этом вопросе.

С 1991 года в постсоветских государствах произошла замена системы Советов институтом Парламента, повсеместно был учрежден Президент в качестве главы государства, появились органы конституционной юстиции. Прежние сохранившиеся институты, например, суды, Прокуратура, Правительство, местное самоуправление были существенно реформированы. Система органов государственной власти стала перестраиваться с учетом провозглашаемого принципа разделения властей.

Здесь уместно напомнить, что социалистическая модель государственности категорически отвергала принцип разделения властей, противопоставляя ему принцип единства государственной власти, не допуская никаких элементов автономии и какой-бы то ни было децентрализации власти государства. С точки зрения советского подхода было допустимым концентрировать полномочия разных ветвей власти в руках одного органа или должностного лица. Так, Советы олицетворяли и правотворчество, и исполнительно-распорядительную деятельность. Надо признать, что и теоретически разработанная модель советского государства, управление на основе системы представительных органов существенно отличалась от действительности, так как реальные рычаги власти были сосредоточены в руках партийных органов. В результате, такого рода система государственного управления дала массу негативных последствий в виде бессистемного рассредоточения полномочий многочисленных органов государства, дублирования функций друг друга, неоправданной бюрократизации государственного аппарата.

Именно негативная практика советского периода стала доказательством того, что игнорирование принципа разделения властей может стать фактором отставания в политическом, экономическом, социальном развитии государства. Задуманная как

демократическая, близкая к народу советская система государственного управления не смогла стать таковой на деле. Но все попытки преобразовать советскую модель управления во второй половине XX века не увенчались успехом. Вспомним, что такая система получила наименование административно-командной – в этом термине раскрывается вся негативная ее сущность и методы осуществления. Такая модель организации механизма государства, такое распределение функций и полномочий, как показала история, не справилась с поставленными задачами и привела к гибели страны.

Рассматривая негативный опыт советского периода, необходимо подчеркнуть, что его изучение необходимо и полезно в целях исключения дальнейших ошибок такого масштаба. Практика стран молодых демократий, отрицая советское прошлое, все же неоднократно повторяет его упущения и воспроизводит тот негативный опыт, о котором было сказано выше [182, с.26-27].

Система советского управления сводилась, как известно, к созданию представительных органов разного уровня, в руках которых сосредоточивались различные управленческие, правотворческие и контрольные функции. Резко негативное отношение к парламентаризму объяснялось тем, что теория марксизма-ленинизма признавала институт парламента чисто буржуазным проявлением. Они считали, что только в условиях капиталистических отношений и их развития до состояния империализма, может существовать институт парламента, соответственно, при социализме – это исключено. При всей схожести советов с парламентскими учреждениями, идеологи Советской власти категорически отрицали парламентаризм как эффективную систему управления государством. Советы, как предполагали авторы концепции, наиболее тесно работают с населением и общественными институтами. Объяснение заключалось в том, что «соединяя управление и законодательство в одних органах, они могут принести более эффективные результаты, тем самым ускорив собственное отмирание» [264, с. 9]. Особенность такой организации заключалась в том, что она была отчуждена от государственной власти, которая выступала в качестве проводника и символа ненавистного угнетения.

Что же касается отношения к самой теории разделения властей и принципу такого организации власти в государстве, то советская наука также его отрицала, поскольку разделение власти советские идеологи признавали покушением на народную власть, на полновластие общества, граждан. Протообразом идеальной модели организации власти советские теоретики видели в Парижской Коммуне, которую она называли «не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы» [187, с. 343]. Именно по такому

принципу, как уже отмечалось, и была сформирована разветвленная система Советов, связанная с особенностями административно-территориального деления всего государства и отдельных республик.

Обратим внимание также и на то, что принцип разделения властей входит в противоречие с основным принципом организации Советской власти – с принципом «демократического централизма», который безусловно предполагает кумуляцию, сосредоточение всех функций государства в одних руках (как провозглашалось - народа).

Для проводимых сегодня политических реформ принципиально важно учитывать этот момент при поиске успешных аналогий. И хотя совсем скоро новая система советов обернулась созданием чиновничьего аппарата, необходимо было подстроить под новую действительность доктринальные выкладки советской политической и юридической науки, которые должны были одновременно оставаться в жестких идеологических рамках марксистско-ленинского учения [64]. Надо признать, что такая ситуация сохранялась вплоть до распада советской системы, поскольку внутри ее были заложены принципиальные противоречия. И только после распада социалистической системы и принятия основополагающих документов о независимости в бывших Советских республиках «начался отсчет внутренней практики реализации принципа разделения властей» [210, с. 17-20].

Во время событий 1991 года советская модель государственной власти, потерявшая общественное доверие и не способная обеспечить управляемость, рухнула. Вместо этого модель разделения властей была выбрана в качестве основы для построения системы государственной власти [182, с. 26].

В работе уже было отмечено, что с момента распада социалистической системы, страны молодых демократий приобрели собственный опыт государственного строительства, основанного на принципе разделения властей. Каждое такое государство внесло в общемировую копилку положительные и отрицательные теоретические и прикладные исследования, однако комплексного компаративистского подхода до сих пор не наблюдается. Распад единого государства и образование новых, в вопросе изучения разделения властей, на наш взгляд, скорее можно оценить как положительный фактор, поскольку это предполагает возможность изучить и проанализировать все многообразие подходов к правовому регулированию и реализации исследуемого явления с учетом общей истории их развития в прошлом и добрососедских отношений в настоящее время. Значение и практическая польза данного аспекта исследования несомненна, поскольку за более чем тридцатилетний период развития национальных государственных систем на постсоветском пространстве, были построены уникальные системы управления, включая

разделение властей, и, в то же время, общее историческое прошлое, географическая близость, культурная общность народов, дают возможность правильно оценить и перенимать положительный опыт друг друга. Подобного рода научные исследования правовой действительности стран молодых демократий, на наш взгляд, будут способствовать развитию разного рода дружественных взаимовыгодных связей между ними.

Критическое размышление об опыте правовой регламентации исследуемого в диссертации принципа в странах молодых демократий предоставит нам возможность определить и изложить выводы и предложения, которые смогут быть полезными для юридической науки и практики Республики Молдова.

После произошедших событий, приведших к появлению новых государств на месте бывшего СССР, они стали проводить многочисленные реформы в различных сферах государственной и общественной жизни и касались практически всех правоотношений: политики, экономики, гуманитарной сферы, государственного управления, правовой системы. Несмотря на тот факт, что правовые системы этих государств стали обретать идентичность, их основные принципы, структура и правовая техника остаются схожими, что позволяет некоторым авторам объединить большинство постсоветских правовых систем в единую правовую семью, образованную на основе относительного однородного правового пространства.

Процесс реформирования постсоветских правовых систем происходит не только благодаря учету внутренних, но и внешних факторов, когда эти государства стали полноправными субъектами международного права. Их желание участвовать в глобальных интеграционных процессах, а для некоторых из государств, в первую очередь в европейских интеграционных процессах, обусловило гармонизацию законодательства и унификацию правовых норм в соответствии с международным и европейским законодательством.

Таким образом, в одно и тоже время, с процессами правового развития постсоветских государств возрастает приоритет международного и европейского права для национального права, что сопровождается применением международных и европейских принципов, норм и концепций в национальном праве, адекватно механизму участия государств в разработке и принятии международно-правовых норм и решений, ответственности за их реализацию и одновременно обеспечению суверенитета народам и государствам. В частности, укрепление законодательной базы по правам человека, приведение законодательства в соответствие с международными и европейскими нормами и стандартами; стабилизация законодательства и его верное понимание и использование.

Так или иначе, в Основных Законах стран молодых демократий существуют нормы о разделении властей, для чего могут быть использованы различные словесные формулы и юридико-технические способы: от формального признания указанного постулата до относительно подробного его регламентирования с описанием конструкции сдержек и противовесов. Констатация приверженности данному принципу, например, содержится в Конституциях Армении, Грузии [141, с. 35-36]. Во втором случае примерами являются Конституции Беларуси и Туркменистана [141, с. 24, 109], в которых очерчивается в общем виде система сдержек и противовесов и утверждается необходимость согласованности действий всех ветвей власти. Есть примеры, когда принцип разделения властей и вовсе прямо не формулируется, и не закрепляется в тексте Конституции, но при этом подразумевается, так как расположение статей о системе органов государственной власти и полномочиях высших органов государства соответствуют рассматриваемому принципу. Подобную модель можно обнаружить в Российской Федерации, где Глава 4 открывается нормами о статусе Президента РФ как главы российского государства, затем следуют нормы о Федеральном Собрании РФ, далее – о Правительстве РФ, осуществляющем руководство исполнительной деятельностью, и, наконец, - нормы о судебной власти [145]. В Республике Молдова данный принцип содержится, как неоднократно указывалось в данном исследовании, в ст.6 Конституции РМ [144]. Проблематика правового регулирования и применения принципа разделения властей в условиях современной молдавской государственности, будет детально рассмотрена в Главе 3, п.3.3.

Считаем правильным согласиться с мнением **А.Э. Николенко**, которая считает «более основательной формулировкой» ст.6 Конституции Казахстана: «Государственная власть в Республике едина, осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия их между собой с использованием системы сдержек и противовесов» [209, с.22].

Вполне закономерным и убедительным выглядит вывод указанного автора о том, что «нежелательное в силу единства государственной власти сосредоточение всей полноты государственной власти у какого-либо органа побудило законодателей стран СНГ отвести особое место источнику государственной власти и организационно-правовым формам осуществления народовластия» [201, с. 23]. Таким образом автор хотел подчеркнуть то, признание и нормативное закрепление принципа разделения властей не исключает единства государственной власти, но одновременно требует усилить и конкретизировать правовое регулирование различных форм демократии с учетом рационального построения системы сдержек и противовесов.

Многие государства постсоветского пространства в документах, провозглашающих независимость и суверенитет [91; 141] и Основных законах применили генеральную интерпретацию термина «народ», приравняв его к населению республики. Так, ст. 3 Конституции РФ прописала, что «единственным источником власти и носителем суверенитета является многонациональный народ России» [145]. Похожая норма содержится в ст. 12 Декларации о государственном суверенитете Таджикской ССР от 24 августа 1990 г., где говорится, что «граждане Таджикистана независимо от их национальности составляют народ Республики» [264, с.79]. В ст. 6 Конституции Таджикистана встречаем аналогичное положение: «В Таджикистане народ является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти...» [264, с.80]. Но здесь находим уточнение: «Народ Таджикистана составляют граждане Таджикистана, независимо от национальности» [141, с.51]. Эта же мысль отражена и в ст. 8 Конституции Узбекистана: «Народ Узбекистана составляют граждане Республики Узбекистан независимо от их национальности» [141, с.58].

В некоторых конституциях стран молодых демократий термин «народ» хоть и использован, но он не уточняется. Примером здесь является Конституция Республики Армения. Интерес вызывает вводная часть Конституции Кыргызии, где устанавливается «приоритет коренной нации»: «народ Кыргызстана, стремясь обеспечить национальное возрождение кыргызов, защиту и развитие интересов представителей всех национальностей, образующих вместе с кыргызами народ Кыргызстана» [141, с. 65].

В некоторых странах СНГ накоплена позитивная практика институционализации такой формы народного голосования как референдум, выступающей основной формой народовластия. В ст. 1 КЗ Таджикистана «О референдуме Республики Таджикистан» от 04.11.1995 г. № 106 закреплено: «Решения, принятые республиканским референдумом, обладают высшей юридической силой и в каком-либо утверждении не нуждаются» [141, с. 69].

Как и в Таджикистане, кажется логичным придать решениям, принятым на национальном референдуме в Молдове, высшую и безоговорочную юридическую силу. Не менее полезен анализ негативного опыта правового закрепления института референдума, где граждан лишили права инициации всенародного референдума. В Законе Республики Армения от 09.10.2001 г. № ЗР-225 «О референдуме» сказано: «инициатива проведения референдума по вопросу принятия Конституции или вносимых в нее изменений принадлежит Президенту и Национальному Собранию Республики Армения» [141, с. 36]. В Конституционном законе Таджикистана от 04.11.1995 г. № 106 «О референдуме Республики Таджикистан» зафиксировано: «инициатива проведения

референдума по вопросам внесения изменений и дополнений в Конституцию принадлежит Президенту или минимум одной трети от общего числа членов Маджлиси милли и депутатов Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан» [141, с.69].

Изучение вопросов правового регулирования и применения концептуальных основ разделения властей, выявило ряд проблемных моментов. Среди них можно назвать такие как нечеткое разграничение полномочий между органами государственной власти, относящимися к разным ветвям, дублирование предоставленных конституциями и законами функций и полномочий, отсутствие хорошо разработанных форм контроля со стороны парламентов, гипертрофированность полномочий президентов в президентских и смешанных республиках, подмена законодательного регулирования общественных отношений подзаконными актами глав государств или правительств, отсутствие независимой судебной власти. В целом, можно констатировать несбалансированную реализацию принципа разделения властей, не соответствующую основному содержанию современной правовой доктрины, отсутствие действенных рычагов сдержек и противовесов.

Согласимся с позицией А.Э. Николенко, которая исследовала вопросы доктринальных подходов и правового регулирования национальных моделей распределения функций и полномочий органов государства в странах бывшего Советского Союза, «как тесно взаимосвязанных фундаментальных основ организации государственной власти, но в то же время независимых и наделенных с их собственным содержанием, позволил автору предложить ряд определений рассматриваемых принципов» [201, с. 24]. Она приходит к выводу о том, что «принцип разделения властей - это совокупность фундаментальных компонентов, заложенных в организации и деятельности органов государственной власти в современном государстве, которые являются основой демократического, правового, социального и светского государства с республиканской формой правления» [201, с. 22].

Если же дать характеристику единства государственной власти, то оно представляет собой совокупность фундаментальных компонентов, лежащих «в основе организации и деятельности органов государственной власти, которые представляют собой социальное единство (вытекающее из всей природы социальных групп, сложившихся в обществе), системы стратегических целей органов государственной власти (функциональное единство) и организационно-правового единства (единообразие общих принципов организации и функционирования всей системы органов государственной власти и их должностных лиц)» [201, с. 6-9].

Не смотря на предполагаемый противоположный смысл принципов разделения и единства власти, указанные принципы могут успешно сосуществовать и не противоречат друг другу. Современные государства подтверждают этот тезис. Дело в том, что отдельные органы власти и их системы не могут существовать и действовать полностью изолированно, поскольку они осуществляют общегосударственные задачи, которыми их наделяет Основной Закон и другие нормативно-правовые акты об их компетенции и полномочиях. В то же время, не имеет смысла и не является эффективным с точки зрения государственного управления дублировать действия друг друга. Действенный государственный аппарат основывается на разумном сочетании сепарации предметов ведения, полномочий органов государства, но одновременно при тесном их взаимодействии в целях реализации внутренней и внешней политики государства.

Анализируя правовые позиции Конституционного Суда РФ, отметим, что несмотря на множественное толкование единства и разделения властей его позиции «неполны, так как сущность системы противовесов и сдержек чаще всего сводят исключительно к присутствию взаимных полномочий у государственных органов лишь двух ветвей власти (исполнительной и законодательной). Но могут существовать и другие формы взаимного сдерживания, кроме формулы «каждому отдельному полномочию одного органа государственной власти определенной ветви власти с необходимостью соответствует конкретное равнозначное полномочие органа государственной власти другой ветви». Из этого следует, что за каждой из ветвей власти можно закрепить неотчуждаемый комплекс полномочий, который будет сдерживать две другие ветви» [112, с. 5].

В постсоветских государствах, в которых подчеркивается неразделенная власть народа и народа, из государственного механизма следует разделение властей, а тезис о последовательном разделении властей и функций между высшими государственными органами официально заменяется «тезисом о последовательном разделении властей» [112, с. 6]. **М.М. Марченко** считает, что «было бы большим преувеличением утверждать, что в прежней советской и нынешней постсоветской литературе России теории разделения властей уделялось серьезное внимание» [185, с.287].

До середины 80-х годов прошлого века в советской науке теория разделения властей обсуждалась только с академической точки зрения и лишь критически. В современных условиях об этом много пишут, однако, по мнению автора, «среди массы публикаций преобладают упрощенные не аналитического и не критического плана издания» [185, с.287]. Действительно, тот факт, что разделение властей является «основным способом ограничения государственного деспотизма» [185, с.288], считается аксиомой юридической и политической науки. Наличие разделения властей называется

признаком организации любого демократического и правового государства и считается главным признаком самой демократии. Из признаков верховенства права также называют разделение полномочий на законодательную, исполнительную и судебную [9;20;156;254]. На фоне таких оценок М.М. Марченко считает, что в странах бывшего СССР «речь идет об эйфории и безоглядном восприятии теории разделения властей», которые «слепо и покорно копируют практически любой опыт «цивилизованных» стран» [185, с.288].

Следовательно, можно признать, что полный и категорический отказ от теории разделения властей в классическом смысле был заменен ее в равной степени безоговорочным признанием, что подразумевает ее применение в скором времени для установления действительно демократического порядка и режима в постсоветских государствах, что ограничило возможность объективного восприятия теории разделения властей применительно к реальности.

Для проведения сравнительно-правового анализа моделей разделения властей в странах постсоветского пространства необходимо воспользоваться разработанным в общей теории государства и права подходом, который заключается в исследовании полномочий трех высших органов государственной власти – главы государства, парламента и правительства, а также способов их взаимодействия, возможности осуществлять контрольные полномочия в отношении друг друга, включаясь в систему сдержек и противовесов.

Независимо от установленной модели разделения властей, в каждом постсоветском государстве были созданы перечисленные выше органы государственной власти, которые только так или иначе отражают национальные особенности того или иного государства, его политические и языковые традиции. Независимо от особенностей, принципиально было признано разделение властей, что означало отход от советской традиции концентрации власти в одном органе – Совете. Таким образом, на смену принципу «демократического централизма» и «единства государственной власти» приходит принцип разделения властей.

Отметим, что первоначально в конституциях, принятых в начале 90-х годов прошлого века, инерционно была создана парламентская система управления, то есть провозглашалось верховенство высшего представительного органа, который занимал ведущее место в системе разделения властей и обладал весьма широкими полномочиями по контролю за исполнительно-распорядительной деятельностью. Высшие представительные органы этих государств признавались воплощением народовластия и имели, по сути, неограниченные полномочия. Затем постепенно эти обширные полномочия парламента трансформировались по пути их определенного ограничения и

передачи органам исполнительной власти, за счет чего происходило их усиление, получение большей независимости от парламента. Полагаем, что такое усиление вписывается в общемировую тенденцию современности, вызванную реализацией концепции «рационализированного парламентаризма». Таким образом, данная концепция нашла отражение и в странах постсоветского пространства.

К концу 90-х – началу 2000-х годов, в странах молодых демократий, так или иначе, сформировалась собственная доктрина государственного устройства, которая включала и определенную модель разделения властей. Безусловно, что каждая такая модель уникальна по своему содержанию, и, в то же время, можно обнаружить их общие черты, позволяющие классифицировать по определенным основаниям. Прежде всего, целесообразно, на наш взгляд, в качестве основания для классификации выделить объем и соотношение полномочий, в том числе контрольных, у органа законодательной и исполнительной власти.

Также принципиальное значение для классификации может иметь способ формирования высших органов власти, их близость к избирателям. Надо признать, что во всех странах бывшего СССР законодательной властью наделяются, как отмечалось, национальные парламенты: Верховная Рада в Украине, Парламент Республики Молдова, Федеральное Собрание в России, Олий Мажлис в Республике Узбекистан, Маджлиси Милли в Таджикистане и др. Независимо ни от каких прочих особенностей, главной функцией высших представительных органов было и остается законотворчество [98; 276; 294]. Более того, парламенты обладают на это исключительным правом. В то же время, проблемой остается институт «делегированного законодательства», который произвольно трактуется и применяется в странах постсоветского пространства.

Правительственные органы в странах молодых демократий традиционно олицетворяют исполнительную власть и наделяются достаточно широкими полномочиями в сфере реализации законов и иной распорядительной деятельности. Правовое положение таких органов и их реальные возможности также могут быть неодинаковы и зависят от установленной формы правления, которая, впрочем, может быть изменена путем внесения изменений в Основные Законы, причем в более простом порядке, нежели, например, в нормы о правах человека, об основах конституционного строя и порядке изменения Конституции. Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что, как сама форма правления этих стран, так и модель разделения властей, является весьма гибким инструментом организации высших органов государственной власти, которым могут пользоваться и подстраивать под себя различные политические силы, сменяющие друг

друга у власти. Обширные полномочия в исполнительной сфере принадлежат правительствам Украины, Молдовы, Узбекистана, Кыргызстана.

Новеллой в организации государственной власти и государственного механизма для стран после развала советской системы стало введение института президентуры в лице единоличного главы государства, который занял прочное место среди высших органов государства. Однако его компетенция и полномочия также отличаются разнообразием и напрямую зависят от законодательно закрепленной модели разделения властей. Отмечая общую для всех этих стран тенденцию, надо признать, что роль президента здесь существенна или вообще первостепенна. Это связано как с укоренившимися в них дуалистическими или смешанными формами республики, так и с традиционными элементами авторитарных политических режимов, даже при условии провозглашения демократии. В тех странах, где утвердилась смешанная форма, объем полномочий все-таки смещен в сторону президента. Некоторые из таких стран, например, Беларусь, Российская Федерация, Армения по внешним признакам и фактической роли главы государства схожа с президентской республикой, однако, при этом юридически являются смешанными или полупрезидентскими. По сути, это говорит о проблеме реальности конституционных норм в этих государствах, их несоответствии фактическим общественным отношениям, прежде всего, в вопросе формы правления и разделения властей [184, с.16].

В связи с выявленными в ходе исследования проблемными вопросами организации и правовой регламентации организации и взаимодействия высших органов государственной власти в странах постсоветского пространства, приходим к выводу о необходимости изучения и обобщения их специфического опыта, в то время как такой опыт должен формироваться на основе апробированных и показавших положительные результаты моделей с учетом развития всей юридической науки и теории государства и права. В этой части следует признать недостаточными те доктринальные разработки, которые проводились на сегодняшний день в свете проблематики разделения властей в странах постсоветского пространства. Как отмечается в литературе, в этой части стоит отходить от механистического копирования зарубежных моделей, просчитывая последствия их применения на национальной правовой почве [100, с.84].

Представленная попытка краткого сравнительно-правового исследования особенностей разделения властей и их взаимодействия в новых демократических государствах, позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего, здесь сформировался и укрепился институт президентуры, что свойственно всем демократическим государствам с республиканской формой правления. Можно с уверенностью утверждать,

что практически во всех таких странах должность президента предполагает его широкие полномочия, в том числе в исполнительно-распорядительной деятельности (за исключением стран с чисто парламентской формой управления). Полномочия президента в исполнительной сфере разделены с правительством, которое может формировать как парламентским способом, так и путем назначения членов правительства совместно президентом и парламентом. В отдельных странах постсоветского пространства президент одновременно является главой государства, выполняя представительские функции, и главой исполнительной власти, осуществляя руководство правительственной деятельностью. Такое разделение полномочий характерно для дуалистической формы республики. Однако наблюдается общая тенденция комбинирования различных признаков парламентской и дуалистической форм, что, в итоге, делает наиболее предпочтительной смешанную форму республики с соответствующим разделением функций и полномочий между президентом, парламентом и правительством в этих странах.

В рамках изложения вопроса об особенностях разделения властей в странах бывшего социализма, обратим внимание еще на одну тенденцию, которую вряд ли можно назвать положительной: юридическая картина разделения властей, заложенная в Основных Законах этих стран, зачастую не соответствует фактическим правоотношениям. Такая ситуация связана с целым рядом факторов, основным из которых, по нашему мнению, необходимо признать ограничение демократических принципов организации власти и процедур законотворчества, формирования органов государства, обеспечения прав и свобод граждан, свободы СМИ. Весьма далека от принципов плюрализма политическая и партийная система, что не позволяет гражданам, избирателям формировать свою волю и быть представленными в органах государственной власти, реализовывать свое основное политическое право – право участвовать в управлении делами общества и государства. Формально соответствуя международным стандартам, избирательное законодательство и избирательные системы таких стран также далеки от совершенства. В парламент чаще проходят партии власти, либо ангажированные политические силы, на выборы зачастую оказывают влияние иностранные государства и международные организации. Отметим еще одну закономерность – это снижение роли парламента в соотношении его полномочий с полномочиями исполнительной власти и главы государства. Традиционно в постсоветских государствах неоправданно усилена роль президента, что приводит к жесткой централизации власти и, в конечном итоге, к деформации разделения властей, что отражается на институтах парламентской демократии, независимости судебных органов, органов конституционной юстиции. В качестве примеров можно привести консервативные системы управления, сложившиеся в

Белоруссии, Казахстане, Туркменистане, Узбекистане, где сформированы недемократические политические режимы, отражающиеся и на механизме взаимодействия высших органов государственной власти, и на балансе ветвей власти. Безусловно, что подобные проблемы имеют место и в других странах, в том числе развитых странах с устоявшимися демократическими традициями, но это не означает, что государства молодых демократий должны слепо копировать их ошибочные модели или их отдельные элементы.

3.4. Реализация принципа разделения властей в Республике Молдова

Декларация независимости Республики Молдова от 27 августа 1991 года [92] предусматривала юридическое оформление правового демократического социального государства и гражданского общества в стране. Этот процесс зафиксировал качественно новое состояние общественных отношений и связанных с ним государственно-правовых изменений [117;121].

В институциональном дизайне Молдовы упор сделан на взаимодействие и сотрудничество ветвей власти. В Молдове принцип разделения властей закреплён в достаточно традиционной юридической форме: Конституция Республики в Разделе I «Общие принципы» содержит норму «Разделение и взаимодействие властей»: «В Республике Молдова законодательная, исполнительная и судебная власти разделены и взаимодействуют при осуществлении своих прерогатив в соответствии с положениями Конституции» [144, ст.6]. Ее формулировка достаточно лаконична, поскольку названа классическая триада властей, в рамках которой отдельные власти должны быть одновременно разделены, но находиться во взаимодействии. Полагаем, что это вполне стандартный вариант, с учетом того, что в указанном разделе Конституции РМ, исходя из ее наименования и содержания, излагаются только основополагающие идеи, на которых строится и функционирует государство. Учитывая развитие современных доктринальных положений о разделении властей и необходимость обеспечения общей политики государства и совместных усилий ветвей власти в этом направлении, а также в практических целях предотвращения затяжных политических кризисов, включая формирование и работу Правительства и других органов государственной власти, предлагаем следующую новую редакцию ст.6 Конституции РМ: «В Республике Молдова законодательная, исполнительная и судебная власти разделены и конструктивно взаимодействуют при осуществлении своих прерогатив в соответствии с положениями Конституции, обеспечивая единство государственной политики. Ветви власти функционируют на основе равенства и запрета присвоения полномочий других ветвей

власти, органа или должностного лица. Незаконное присвоение власти преследуется по закону».

Предложенный императив будет обязывать предпринимать различные меры для преодоления разногласий между ветвями власти для совместного выполнения целей и задач общегосударственной политики. Кроме того, предложенная формулировка будет представлять собой одновременно и юридический заслон для незаконного захвата власти, и произвольного перераспределения властных полномочий между высшими органами государства, и являться конституционной гарантией реализации принципа разделения властей.

Принцип разделения властей стоит в одном ряду с такими ценностями как: суверенитет, республиканская форма правления, правовой и демократический характер государства, территориальная целостность, приверженность общепризнанным принципам международного права, в том числе и в области прав человека, идеологический и политический плюрализм, верховенство Конституции. Это позволяет утверждать, что разделение властей в Республике Молдова относится к категории общегосударственных мировоззренческих установок, которые формируют фундамент государственности и основу конституционализма. Из смысла ст. 6 Конституции РМ следует, что ее содержание должно раскрываться в иных положениях, прежде всего, о системе органов государственной власти [144]. Раздел III Конституции РМ «Публичные власти», содержащий главы о статусе высших органов государства выполняют эту задачу, определяя компетенцию и полномочия Парламента РМ, Президента РМ, Правительства РМ, судов РМ и ряда других органов [144].

Следует обратить внимание, что в наименовании отдельных глав Раздела III Конституции РМ указание на принадлежность к одной из 3-х ветвей власти можно найти только в отношении судебной власти: Глава IX именуется «Судебная власть» [144]. В то же время, в отношении законодательной и исполнительной власти, таких прямых указаний Конституция РМ не содержит, соответственно, отражая в наименовании глав только официальное название таких органов как «Парламент», «Правительство», «Президент Республики Молдова». Здесь стоит отметить имеющийся, на наш взгляд, юридико-технический дефект, заключающийся в отсутствии единообразия в подходе к названию высших органов государства. В этом смысле стоило более точно закрепить: «Парламент Республики Молдова», «Правительство Республики Молдова». Возвращаясь к вопросу о принадлежности тех или иных органов Республики к определенной ветви власти, обратимся к ст. 60 Конституции, которая, не смотря на отсутствие в названии

главы указания на принадлежность парламента к какой-либо ветви власти, все же прямо говорит о нем как о «единственной законодательной власти государства» [144].

В целях выявления особенностей институционализации и реализации принципа разделения властей в Республике Молдова в рамках данного исследования необходимо провести краткий анализ компетенции и полномочий главных органов государственной власти на основе действующих норм законодательства, а также некоторые аспекты их взаимодействия.

Законодательную ветвь власти в Республике Молдова олицетворяет Парламент РМ, который согласно Конституции РМ является «высшим представительным и законодательным органом», [144, ст.61 ч. (1)]. В этой же норме содержится указание на источник полномочий Парламента – народ, и то уточнение, что Парламент – «единственная законодательная власть государства» [144, ст.60 ч. (1)]. Парламент РМ формируется на основе международных принципов в области активного избирательного права, которые провозглашаются во Всеобщей Декларации прав человека 1948 г., Пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и ряде региональных документов о правах человека и избирательных стандартах. В национальном праве Республики Молдова они содержатся, например, в Конституции РМ, а именно в нормах о порядке формирования выборных органов государственной власти. В отношении Парламента – это ст.61 ч. (1) Конституции РМ, в которой названы начала универсальности, равное и непосредственное избирательное право при тайном голосовании [144, ст.60 ч. (1)]. Выборы в Республике являются свободными, что означает право, а не обязанность избирателя принять участие в голосовании. Процедура выборов в Парламент РМ регламентирована Разделом III «Парламентские выборы» Кодекса о выборах № 1381-XIII от 21.11.1997, который был принят как органический закон на основе бланкетной статьи Конституции РМ. Согласно ст.79 ч. (2) Закона для парламентских выборов образуется единый избирательный округ по территории всей страны, в котором должен быть избран 101 депутат. Затем по решению Центральной избирательной комиссии в границах территории государства создаются округа (по общему правилу, в пределах территории административно-территориальной единицы второго уровня), внутри которых образуются избирательные участки как первичное звено избирательных органов. Правовой статус народного избранника определен как Конституцией РМ, так и органическим законом, которые закрепили: четырёхлетний срок полномочий депутата, его свободный мандат, несовместимость с рядом должностей, иммунитеты и индемнитет, его права и обязанности в ходе исполнения полномочий. Свободный мандат означает то, что, хоть депутат избирается от определенного округа, после избрания он является представителем

всего народа. Срок полномочий парламентария может продлеваться в условиях военного и чрезвычайного положения, однако, по общему правилу, «мандат прекращается в день законного созыва нового состава Парламента либо в случае отставки, лишения мандата, несовместимости должностей или смерти» [144, ст.69 ч. (2)].

Центральной частью правового статуса Парламента являются его полномочия, которые соответствуют парламентской форме правления [144, ст.66]. Перечисленные полномочия можно условно разделить на группы:

- а) полномочия в сфере законотворчества: речь идет о реализации главной функции высшего законодательного органа – принятие законов;
- б) полномочия в сфере формирования других органов государства;
- в) контрольные полномочия;
- г) полномочия в сфере статуса личности;
- д) полномочия в сфере внешней политики и международных отношений;
- е) полномочия в сфере безопасности государства и другие.

Важно то, что перечень полномочий Парламента РМ, исходя из смысла указанной статьи, не является закрытым, то есть данный орган вправе реализовывать «иные полномочия, установленные Конституцией и законами» [144, ст.66 (пп. г п.2)]. Отсюда следует вывод о том, что Парламент РМ - это парламент с неограниченными полномочиями. Такая ситуация характерна, как отмечалось выше, для парламентской и смешанной республики. С точки зрения реализации принципа разделения властей в Республике Молдова, законодательная ветвь власти обладает первенством, верховенством среди ветвей власти. Гарантисей верховенства законодательной власти является достаточно широкий спектр форм парламентского контроля. Исключительное право принимать нормативные акты, имеющие форму закона и контрольные полномочия можно признать элементом системы сдержек и противовесов законодательной власти в отношении других ветвей власти, прежде всего исполнительной, включая право выражения вотума недоверия правительству. В то же время, у других высших органов государства есть те полномочия, которые способны уравнивать полномочия парламента. Так, Президент Республики обладает целым рядом полномочий по участию в законотворческом процессе (право законодательной инициативы, право промульгировать принятые парламентом законы с использованием права отлагательного вето, право роспуска парламента) [144, ст. 73, ст.85, ст.93].

Президент Республики Молдова является главой государства, который занимает особое место в системе публичной власти. Институт президентства достаточно новый для государственно-правовой практики Республики, он появился только в начале 90-х годов

прошлого века. Такая ситуация была характерна и для всех других постсоветских государств после развала СССР. Как главе государства, Президенту РМ принадлежат полномочия высшего представителя как во внутренних, так и во внешних отношениях; он обеспечивает «суверенитет и национальную независимость, единство и территориальную целостность страны» [144, ст. 77 ч. (2)]. Также глава Республики имеет ряд полномочий в сфере внешней политики [144, ст. 86], обороны и безопасности [144, ст. 87], а также ряд «иных полномочий», определяемых ст. 88, среди которых: полномочия в сфере личного статуса, участие в формировании других органов государства, назначение референдума [144]. В рамках проводимого исследования важное значение имеют президентские прерогативы в сфере исполнительной власти и правительства, и судебной власти. Во-первых, речь идет о праве главы государства выдвигать кандидатуру будущего премьера. Предложение Президента формируется при этом после консультаций с парламентскими фракциями [144, ст. 101]. Данный правовой институт получил название инвеституры. Что касается взаимодействия с судебной ветвью властью, то в этой сфере Президент РМ пользуется правом назначения судейского корпуса в установленном законом порядке на основании ст.11 Закона о статусе судьи № 544-XIII от 20.07.1995. Данная норма оговаривает особенности назначения главой государства судей различных инстанций, включая судей специализированных судебных органов, судей апелляционных палат, членов Высшей судебной палаты.

Вопрос о формировании данного высшего должностного лица неоднозначно решался в законодательстве и практике Республики Молдова, так как неоднократно принципиально менялся порядок выборов Президента РМ. Речь идет о всеобщих прямых выборах населением страны или о парламентском способе формирования, когда всенародно избранный Парламент РМ избирает Президента РМ. С 2016 года избирательное законодательство Республики Молдова вернулось к варианту проведения прямых выборов Президента Республики всем избирательным корпусом. Надо признать, что это, в определенной мере, означает отход от чисто парламентской системы управления и переход к полупрезидентской, поскольку в этом случае в большинстве стран с такой формой правления применяется парламентский способ избрания главы государства, например, Германии, Италии, Швейцарии. Для определения результатов выборов Президента РМ используется мажоритарная система абсолютного большинства, когда «избранным признается кандидат, набравший не менее половины голосов избирателей, принявших участие в выборах» [144, ст.78]. Законодательство РМ устанавливает ряд цензов, соблюдение которых необходимо для регистрации лица в качестве кандидата на данную должность: возрастной – кандидат не должен быть моложе

сорока лет; ценз гражданства – кандидат должен являться гражданином Республики, обладающим избирательным правом; ценз оседлости – кандидат должен проживать на территории Республики не менее десяти лет; языковой ценз – кандидат должен владеть государственным языком [144, ст.78].

Исполнительно-распорядительная деятельность в Республике Молдова, выражающаяся в проведении как внутренней, так и внешней политики, осуществляется Правительством Республики Молдова. Способ формирования Правительства, предполагает перекрестные полномочия Президента РМ и Парламента РМ, когда глава государства представляет кандидатуру на должность премьер-министра, а парламент должен выразить вотум доверия всему составу правительства [144, ст.98]. Данный признак в полной мере соответствует парламентской и смешанной форме правления. Более того, представление главой государства кандидатуры на пост руководителя правительства требует предварительных консультаций с парламентскими фракциями. Еще одним элементом сдержек и противовесов в государственном механизме и во взаимоотношениях Президента РМ и Парламента РМ следует считать право Президента «по предложению Премьер-министра освобождать от должности и назначать отдельных членов Правительства» [144, ст.98 ч. (6)], что также входит в описываемый правовой институт инвеституры.

Конституция РМ содержит отдельную главу в Разделе III о взаимодействии парламента с правительством, раскрывающую сущность и формы ответственности правительства перед парламентом, включая вопросы ответственности за заявленную парламентскую политическую программу и предложенные законопроекты. Делегированное законодательство, принимаемое правительством во исполнение своих функций и полномочий по вопросам, не входящим в предмет регулирования органических законов, имеет форму правительственных постановлений – ордонансов, которые, по сути, говорят о нормотворческих полномочиях исполнительных органов государственной власти. Данные нормы, на наш взгляд, также имеют прямое отношение к вопросу о разделении властей и обеспечении баланса власти и подтверждают тезис о разделении властей в Молдове в форме полупрезидентской республики. Здесь необходимо уточнить, что форма правления в Молдове определялась длительное время как парламентская, даже не смотря на произошедшие изменения в способе избрания Президента РМ и некоторые другие трансформации, но Конституционный Суд РМ поставил точку в данном вопросе своим Решением № 96 от 06.08.2020 г., назвав Республику полупрезидентской [248].

Формирование поистине демократического правового государства считается невозможным там, где отсутствует действительно независимая судебная ветвь власти.

Судебная ветвь власти во многом специфична, ее роль существенно отличается от той, что играют законодательная и исполнительная: она рассматривает и разрешает различного рода споры, социальные конфликты от имени закона и на основе закона. В ряде стран судебная власть также обладает и контрольными функциями, поскольку осуществляет контроль за соответствием нормативных и правоприменительных актов Конституции и законам. Итак, осуществление на практике идеи автономности судебной власти и независимости судей стало огромной и обязательным признаком демократии и правовой государственности. Проблематика организации судебной власти и обеспечения ее самостоятельности всегда является предметом острых дискуссий как в обществе, политикуме, так и в научных кругах, в том числе, и в юридических науках, основой которых является теория государства и права, так как верное понимание места судебных органов и соответствующей ветви власти на современном этапе имеет как доктринально-теоретическое, так и прикладное значение.

В Республике Молдова судебная власть действует только от имени закона и представлена определяемыми Конституцией и законами судебными инстанциями: «правосудие осуществляется Высшей судебной палатой, апелляционными палатами и судами» [144, ст.115 ч. (1)]. В указанной конституционной норме также содержится общепризнанное мировым сообществом правило о недопустимости создания чрезвычайных судов [144, ст.115 ч. (3)], однако допустимо образование специализированных судебных органов [144, ст.115 ч. (2)]. Судьи в Республике Молдова назначаются в достаточно стандартной для многих стран мира процедуре – главой государства, до достижения предельного возраста. В то же время, длительное время в Молдове существовала негативная, на наш взгляд практика, существующая, в основном, на постсоветском пространстве – впервые назначать судей на 5 лет, а затем уже бессрочно. Согласимся с мнением тех юристов и политиков, которые утверждают, что такой законодательный подход подрывает независимость назначаемых судей, в связи с чем в Парламенте была рассмотрена поправка о назначении судей до предельного возраста. Важнейшей новеллой, которая будет способствовать институционализации судебной власти в качестве независимой ветви власти, необходимо признать предложение о перформатировании Высшего Совета магистратуры, который должен являться основным гарантом независимости судебной власти.

Особое место в реализации конституционных принципов отводится Конституционному суду Республики Молдова, единственному органу конституционной юрисдикции в Республике Молдова, призванному обеспечить верховенство Конституции Республики Молдова [236, с. 89-91]. В связи с этим следует отметить, что проблема

определения реального характера специального органа конституционного контроля еще не решена, нет общего однозначного подхода к сущности исследуемого института, а, следовательно, к вопросу о его расположении в разделенной публичной власти оставлено на «откуп» национальному законодателю. Речь идет о включении или не включении Конституционного Суда в судебную власть. В Республике Молдова п. 2 ст. 134 Конституции РМ устанавливает: «Конституционный Суд независим от любой другой публичной власти...» [144]. При этом Конституция Республики Молдова, как не единожды нами отмечалось, признает лишь три ветви власти. Больше ни Конституция, ни соответствующее законодательство не содержат информации относительно размещения этого органа в механизме осуществления публичной власти. В этом контексте стоит напомнить, что на постсоветском пространстве модели конституционной юстиции существенно отличаются: от эстонской до казахской. В одних - специализированный конституционный контроль осуществляется в рамках деятельности судебной власти (Эстония, Беларусь, Азербайджан, Кыргызстан, Россия, Узбекистан). В Казахстане, Литве функционируют квазисудебные органы, не включаемые в судебную систему. Именно к такому варианту тяготеет статус Конституционного Суда Республики Молдова.

Орган конституционного контроля Республики Молдова провел первое заседание 23 февраля 1995 года [109]. Впервые в истории Молдавского государства был создан институт, главное назначение которого - это «гарантирование верховенства Конституции Республики Молдова, обеспечение реализации принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную и гарантирование ответственности государства перед гражданином» [193, с.16].

Конституционный суд Республики Молдова утвердился как независимый институт в иерархии государственных властей. Об этом свидетельствует тот факт, что его компетенция и полномочия закреплены в специальном разделе Конституции РМ. Он является судом права, а не факта, дает оценку конституционности актов власти, а не их целесообразности. В ряде своих решений Конституционный суд Республики Молдова указал, что он не дает оценку той или иной ветви власти, не подменяет их и не вмешивается в их деятельность. Об этом говорит **П. Райлян**: «Конституционный Суд утвердился как институт с большим потенциалом, способный отстоять Конституцию. Соответственно, он выступает в роли арбитра властей, а также в роли «негативного законодателя», способствуя своей деятельностью совершенствованию законодательства. Благодаря своим решениям он стал одним из влиятельных государственных институтов» [240, с.22]. Исследуя компетенцию Конституционного Суда РМ в свете концепции разделения властей, необходимо отметить, что его статус характеризуется

двойственностью с той точки зрения, что он является судебным органом, хоть и отличающийся от других судебных органов, но в тоже время, конституционно извлекается из судебной власти и занимает особое место в системе органов государственной власти, являясь органом конституционного правосудия. П. Райлян утверждает при этом, что «нельзя согласиться с утверждениями о том, что создалась отдельная ветвь власти – контрольная» [240, с.23]. Он соглашается с мнением российского конституционалиста Н. Витрука, делая вывод о том, что «мнения о том, что в системе государственной власти Конституционный Суд следует относить к органам судебной власти, то есть он является органом правосудия, занимающим особое место в судебной системе, обоснованы. И это место определяется не иерархической подчинённостью ему других видов судов, а его компетенцией, характером деятельности, оказывающей существенное влияние на право творчество и правоприменение» [78, с. 48]. За время своего функционирования Конституционный Суд РМ выработал правовые позиции по многим основополагающим проблемам государственности, включая разделение властей, систему сдержек и противовесов. Конституционный суд вынес ряд постановлений для реализации разделения и взаимодействия законодательной, исполнительной и судебной властей, что, в итоге, необходимо для дальнейшего развития истинной демократии, институтов гражданского общества, выставляя заслон узурпации власти, ее сосредоточению в руках одного органа или должностного лица, группы лиц. Так, в Постановлении № 9 от 08.04.2010 года [218] Конституционный суд отметил, что «между органами, осуществляющими исключительным образом прерогативы определенного вида власти, существует функциональное взаимодействие и сотрудничество, призванные обеспечить гармонию процесса руководства обществом и воспрепятствовать злоупотреблению одной власти по отношению к другой». Кроме того, целый ряд актов Конституционного Суда РМ были направлены на разрешение споров о компетенции, которые периодически возникают в практике взаимодействия органов государственной власти, относящихся к разным ее ветвям. При решении подобных вопросов Конституционный Суд руководствуется конституционным принципом разделения властей. Ряд постановлений органа конституционного контроля РМ уточняет полномочия Президента Республики Молдова, определяет его место в системе органов власти и конституционность актов главы государства [236; 234; 238; 239; 242]. Конституционность актов о статусе Правительства, а также процедуры принятия и содержания постановлений самого Правительства РМ также неоднократно становились предметом рассмотрения Конституционного Суда РМ [220; 222; 233; 234]. Важное значение имеют и решения Конституционного Суда, относящиеся к судебной власти, включая статус самого Конституционного Суда и его

членов, что, безусловно, следует признать актуальным с точки зрения обеспечения независимости данной ветви власти, основанной на ее разделении [221; 223; 227; 229; 230].

В последнее время в Молдове не утихают острые дискуссии о роли Конституционного Суда, влиянии его решений на политическую, экономическую, социальную стабильность в стране. Это вызвано некоторой неопределенностью в вопросе формирования, структуры и полномочий Конституционного Суда РМ. Представляется, что назначение судей от всех ветвей власти на паритетной основе – демократическая процедура, соответствующая принципу разделения властей и принципам правового государства. В данном контексте разделение властей является гарантией беспристрастности данного органа и его членов. В то же время, следует обратить внимание на отсутствие представителя в Конституционном Суде РМ главы государства, тогда как по 2 представителя включаются от Парламента РМ и Правительства РМ, которое формируется тем же Парламентом. Кроме того, четное количество членов Конституционного Суда также отрицательно может повлиять на принятие решений, в случае, если мнения судей разделятся. Проблему независимости органа конституционной юстиции во многих странах решается однократностью назначения его членов, но при этом, сроки полномочий являются более продолжительными (9-12 лет).

Исследуя вопросы, связанные с концепцией разделения властей и ее реализацией, в том числе, в Республике Молдова, не следует ограничиваться исключительно «горизонтальным» ее пониманием. Важно в данном контексте рассматривать «вертикаль» власти, ее органов, функций, компетенции и полномочий. В современном демократическом государстве местное управление и самоуправление изучается как один из базовых элементов публичной власти, требуемого продолжения и альтернативы центральной власти. Местное управление и самоуправление по праву считается атрибутом истинной демократии, признаком наличия гражданского общества и инициативы граждан. Как отмечается в литературе, «наличие местных органов власти, обладающих определенной степенью автономии, способствует определенной фрагментации государственной власти, является практическим осуществлением принципа разделения властей, отражением существования в обществе плюрализма» [272, с.14]. Не случайно уничтожение местного самоуправления обычно рассматривается как симптом тоталитаризма.

В Республике Молдова также выделяется центральное и местное публичное управление. В статье 109 Конституции РМ названы основные принципы местного публичного управления, среди которых: их выборность как преимущественный способ

формирования, децентрализация, автономность организации и деятельности, консультации с гражданами [144]. В то же время, реализация перечисленных принципов «не может затрагивать унитарный характер государства» [144, ст.109 ч. (3)].

Гарантируемая государством обособленность местного управления и самоуправления осуществляется посредством деятельности избираемых местным населением органов и лиц: примаров и местных Советов. Избранные органы и должностные лица местного самоуправления от имени местного населения решают вопросы местного значения в пределах территорий городов и районов Республики. Координацию деятельности в рамках района осуществляет избираемый районный Совет.

Основной чертой местного самоуправления при определении его сути является именно самостоятельность решения отнесенных к ведению местного самоуправления вопросов. При объяснении положения местного самоуправления в системе организации власти в государстве кроме понятия «самостоятельность» в юридической литературе часто используются термины «независимость» и «автономия» [181, с. 364-365, с.367].

Однако использование понятия «независимости» в отношении местного самоуправления, на наш взгляд, не совсем уместно. В абсолютном понимании вообще невозможно говорить о независимости местного самоуправления, ибо оно выступает неотъемлемым элементом системы организации публичной власти в государстве [181, с.364, с.367]. Составные части единого механизма не могут действовать независимо друг от друга. Требуется определенная степень взаимодействия, которая порождает взаимозависимость. В таком понимании подобная внутренняя взаимозависимость выступает объективной закономерностью, иначе само единство такой власти подпадает под сомнение. Таким образом, проблема в том, как определить и четко очертить подобную взаимозависимость. Самостоятельность сама по себе тесно связана с независимостью. Однако отождествление этих двух понятий было бы ошибкой. Бесспорно, сама суть местного самоуправления как уровня организации власти в государстве, предполагает его самостоятельность. Но каковы пределы этой самостоятельности и выражается ли самостоятельность местного самоуправления в полной независимости его от власти государственной? Такое возможно, пожалуй, только в теоретическом, скорее даже идеалистическом, варианте понимания положения местного самоуправления в системе организации публичной власти в государстве, но не на практике. Следовательно, считаем вполне обоснованным неиспользование термина «независимый» и замена его термином «автономный» в законодательстве Молдовы.

Итак, в Республике Молдова принцип разделения властей в классическом его варианте на законодательную, исполнительную и судебную утвердился как один из

обязательных элементов правового государства, стремление к построению которого провозглашается на всех этапах государственного строительства и проводимых политико-правовых реформ. Как справедливо отмечают в своей статье авторы Г. Пырцак и И. Паскалу: «Опыт Республики Молдова доказал, что теория разделения властей является итогом многовекового развития государственности, неустанный поиск действенных механизмов, способных обуздывать наиболее вопиющие злоупотребления властью, когда она сосредотачивается в одном органе, становясь бесконтрольной и деспотичной» [237, с.19-20].

В литературе отмечается, что «современных условиях завершение формирования правового государства в Молдове становится одним из центральных элементов структурных преобразований, направленных на придание необратимого характера демократическим реформам» [196]. Построение поистине правового государства в Молдове, безусловно, должно происходить на фоне правильного конструирования модели разделения властей и корректной его реализации на практике. В этой связи отметим необходимость учитывать, как прогрессивный опыт в данном вопросе стран, имеющих длительные демократические традиции, так и государств, которые формируют свою государственность или находятся в самом начале внедрения общедемократических ценностей, среди которых одно из важных мест занимает принцип разделения властей. В тоже время, на наш взгляд, недопустимо слепое копирование практики его применения в зарубежных, пусть и успешных, странах. В вопросе оценки любого опыта – положительного или отрицательного – важно учитывать те конкретные условия, которые предопределили тот или иной результат и объективно сопоставить их с ситуацией в собственной стране. Если говорить о положительном опыте для Республики Молдова, то в этом смысле небесполезными будут рекомендации и имеющиеся модели демократий стран Европейского Союза, на которые может ориентироваться молдавский законодатель при формировании национальной правовой системы [197].

Оценивая имеющуюся практику воплощения концепции разделения властей в Республике Молдова, необходимо признать, что принципиально она признается, нормативно закрепляется в классической ее триаде: в форме организационно-функционального принципа построения государственного механизма и разделения власти на три ветви и равнозначности законодательной, исполнительной и судебной ветвей между собой. В этой связи важно подчеркнуть, что для создания оптимальной национальной модели разделения властей в Республике Молдова требуется тщательная разработка вопросов определения компетенции и полномочий, прежде всего перекрестных, органов государственной власти, как по горизонтали, так и по вертикали. В

деле построения эффективной системы разделения властей в Молдове принципиально значимым считаем четко определить место и роль главы государства с учетом смешанной формы правления, а также организационно обеспечить полную независимость судебной власти и уточнить компетенцию Конституционного Суда Республики Молдова.

3.5. Выводы по Главе 3

В ходе проведенного исследования были подведены некоторые итоги, которые можно свести к следующему.

1. Анализируя проблематику функционирования механизма современного государства, можем констатировать, что он представляет собой сложную многоуровневую организацию различных по статусу органов, учреждений, которая имеет тенденцию к постоянному усложнению. Неизменными признаками такого механизма следует считать их одновременное единство и разделение по функциональной направленности. Это доказывает, что принцип разделения властей является системообразующим, связывающим государственный аппарат и государственный механизм в цельную структурную единицу, позволяющую государству эффективно решать возложенные задачи. Роль принципа разделения властей в данном аспекте заключается в том, что на его основе не только строится система органов государственной власти, а запускается механизм их функционирования и взаимодействия.

2. Вопрос правовой фиксации определенного способа разделения властей остается актуальным как в теоретическом, так и практическом аспектах в условиях современного государства с присущими ему признаками. В современной государственно-правовой доктрине одним из центральных вопросов остается проблематика совершенствования структурирования государства, его механизма, системы органов, но не в статике, а в динамике. Такие исследования не обходятся без рассмотрения и тщательного анализа принципа разделения властей.

3. В условиях стремления государств к достижению идеалов конституционализма, актуально рассматривать разделение властей вовсе не как их обособление и размежевание, а именно как разграничение функций и компетенции органов государственной власти. Аргументом для такого подхода следует считать тезис о носителе суверенитета и единственном источнике власти, каковым провозглашается народ государства.

4. В результате проведенного исследования реализации принципа в условиях современного государства и разных моделей форм правления в качестве признаков содержательного характера предлагаем включить следующие:

- а) триада власти, являющаяся классической, является базой, типовой формой разделения властей;
- б) отдельные ветви власти действуют автономно исключительно в рамках определяемой законом компетенции и легально закрепляемых полномочий, не вторгаясь в сферу остальных органов и ветвей власти;

- в) все ветви власти действуют в строго правовых рамках, определяемых Конституцией и законодательством, осуществляя свои функции и полномочия в рамках общей внутренней и внешней политики государства;
- г) система сдержек и противовесов должна признаваться обязательным признаком разделения властей и означать тщательную разработку организационных, правовых, материально-финансовых, институциональных механизмов, обеспечивающих равноправное положение отдельных ветвей власти;
- д) взаимодействие законодательной и исполнительной ветви власти осуществляется в зависимости от формы правления в государстве, в то же время, для судебной власти важно находиться на равноудаленном расстоянии от других ветвей власти;
- ж) в сложном по политико-территориальной форме государстве, разделение властей производится как между общегосударственными органами власти, так и между органами и органами государственной власти региона, автономии, субъекта федерации, то есть наряду с «горизонтальным» разделением власти, необходимо учитывать ее деление и по «вертикали»;
- з) провозглашение и гарантии местного самоуправления как особой системы народовластия.

Именно эти элементы, по нашему мнению, составляют содержание принципа разделения властей в современном государстве, которое позиционирует себя в качестве правового. Искажение или неприятие какого-либо из перечисленных характеризующих признаков, как следствие, приведет к деформации государственного механизма.

В результате, с большой долей вероятности, проявится расхождение между юридической моделью государства и его фактическим состоянием. Такая ситуация, в свою очередь, нарушит принцип верховенства права и закона.

Таким образом, разделение властей следует признать одним из основополагающих условий формирования и деятельности механизма правового государства. При этом недостаточно только юридически и политически провозгласить принцип разделения властей, должны быть созданы все предпосылки для его точного исполнения.

5. Проведя анализ современных интерпретаций разделения властей, отметим тенденцию, что по существу они означают организационное единство государственной власти. Это означает необходимость толкования разделения властей не только как их относительное обособление, автономность, а как их согласованное взаимодействие и функционирование. Логическим продолжением такой трактовки разделения властей, на наш взгляд, является утверждение, что нужна направляющая сила, обеспечивающая согласованное их взаимодействие и функционирование, в частности, в качестве таковой может выступать

президентская власть. Между тем, разделение властей как гарантия правовой свободы как раз означает, что ветви власти и органы, относящиеся к ним, должны быть эффективными - каждый в пределах своей компетенции, но, в то же время, они не должны действовать исключительно односторонне или исключительно совместно.

6. С начала XIX века делаются попытки «наращивания» классической триады властей, поскольку триада якобы не соответствует политической реальности, дополняя ее «президентской», «контрольной», «учредительной» властями. Также появляются мнения о наличии избирательной, банковской и др.

В результате анализа различных мнений и их аргументации, мы пришли к выводу, что фигура президента может стоять над законодательными, исполнительными и судебными органами.

При решении вопроса о количестве ветвей власти, считаем, что классическая теория разделения властей не произвольно и не ошибочно настаивает на разделении именно законодательной, исполнительной и судебной властей. В основе такой дифференциации лежит разумно воспринимаемое и обоснованное различие функций государства. Поэтому разного рода попытки дополнить классическую триаду нельзя считать новой моделью разделения властей. За количественным увеличением ветвей власти стоит недооценка самостоятельной юридической природы властей классической триады, отождествление ветвей государственной власти с конкретными функциями государственных органов.

7. В современном государстве создается и действует государственный аппарат, состоящий из большого количества органов, осуществляющих многообразные государственные функции, количество которых растет из года в год. Определенная часть таких органов не вписывается в устоявшуюся триединую систему ветвей власти. Как правило в эту триаду не входят органы, осуществляющие контрольно-надзорные, аудиторские, правоохранительные и иные важнейшие функции, без которых немыслима жизнедеятельность современного государства. Полагаем, что это не противоречит и, тем более, не отрицает жизнеспособность теории и принципа разделения властей. В то же время, ряд органов государственного механизма могут быть обособлены в государственном механизме и не принадлежать ни к одной из трех ветвей власти.

8. Рассмотрев различные подходы к определению признаков и свойств разделения властей, предлагаем в юридической науке под ветвью власти понимать относительно обособленную часть государственного механизма, представляющую собой совокупность органов государственной власти, осуществляющих единообразные функции, основанные на общности компетенции.

9. Исходя из анализа современных подходов к разделению властей в странах молодых демократий, предлагаем следующее новое авторское определение: «Принцип разделения властей – это совокупность базисных требований к организации высших органов государственной власти, определению сферы их компетенции и конкретных полномочий, а также формам их взаимодействия и сотрудничества на равных началах, с применением методов взаимного сдерживания и контроля в целях обеспечения принципов правового и демократического характера государства и предотвращения возможности узурпации власти».

10. В целях уточнения правового статуса органа конституционного контроля в Республике Молдова, обеспечивающего режим конституционности и правовой характер государства, предполагающие разделение властей и контроль за реализацией сдержек и противовесов, предлагаем усовершенствовать ряд процедурных моментов по его формированию путем внесения изменений в Закон № 317 от 13-12-1994 о Конституционном суде в виде:

- а) нормативного закрепления однократности назначения на должность судьи Конституционного Суда РМ, что должно обеспечить независимость членов данного органа, как это имеет место во многих странах зарубежных устойчивых демократий;
- б) увеличения срока полномочий членов Конституционного Суда РМ до 7-9 лет, что также подтверждается мировой практикой конституционного судоустройства и позволяет обеспечить высокий профессиональный уровень судейского корпуса органов конституционной юстиции и также положительно влияет на степень его независимости;
- в) введения нечетного количество судей в составе Конституционного Суда РМ, что может решать проблему принятия общих решений при разделении мнений членов такого органа;
- г) расширение количественного состава Конституционного Суда РМ, что предполагает возможность реализации идеологического и политического многообразия и наличия большего количество мнений при обсуждении подведомственных данному органу вопросов;
- д) расширение круга субъектов права обращения в Конституционный Суд РМ, в частности, за счет судебных органов, помимо Высшего Совета Магистратуры, также граждан РМ с конституционными жалобами на нарушение принадлежащих им конституционных прав, что соотносится с общепринятой в мире практикой и расширяет сферу компетенции и полномочия органа конституционного контроля, что позволит, в итоге, в большей степени обеспечить конституционный правоворядок в государстве.

11. Учитывая развитие современных доктринальных положений о разделении властей и сформулированный вывод о необходимости обеспечения общей политики государства и совместных усилий ветвей власти в этом направлении, а также в практических целях

предотвращения затяжных политических кризисов, включая формирование и работу Правительства и других органов государственной власти, предлагаем следующую редакцию ст.6 Конституции РМ: «В Республике Молдова законодательная, исполнительная и судебная власти разделены и конструктивно взаимодействуют при осуществлении своих прерогатив в соответствии с положениями Конституции, обеспечивая единство государственной политики. Ветви власти функционируют на основе равенства и запрета присвоения полномочий других ветвей власти в целях предотвращения ее присвоения одной из ветвей, органом или должностным лицом. Незаконное присвоение власти преследуется по закону». Предложенный императив будет обязывать предпринимать различные меры для преодоления разногласий между ветвями власти для совместного выполнения целей и задач общегосударственной политики.

ОБЩИЕ ВЫВОодЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

В результате системного анализа становления, развития и современного состояния концепции разделения властей, были сформулированы выводы и обобщения, которые будут способствовать развитию новых подходов к исследованию проблем становления и развития данной теории на основе научных положений и реальной практики взаимодействия органов государственной власти современных государств и трансформации данной идеи в форму основополагающего и краеугольного принципа современного демократического правового государства, а также будут направлены на уточнение понятийного аппарата исследуемой доктрины и совершенствование законодательного оформления данного принципа в законодательстве Республики Молдова.

Следовательно, переход на новое понимание схемы взаимодействия ветвей власти сложен скорее необходимостью отказа от привычных шаблонов юридического мышления, однако не является невозможным в рамках изначально концепции разделения властей.

В результате проделанного исследования, **мы пришли к следующим выводам:**

1. Анализируя **общие тенденции и вехи в развитии теории разделения властей**, которые оказали влияние на современные представления о ее предназначении, содержании и применении, определим, что данная теория появилась в ответ на такие политико-правовые вызовы и проблемы как: **концентрация государственной власти в определенных органах и центрах, необходимость исключения ее узурпации, обеспечение свободы личности и эффективное осуществление государственного управления.** [Глава 1, 1.1,1.2, 1.3 Глава 2,2.1, 2.2, 2.3, Глава 3, 3.1, 3.2,3.3, 3.4].
2. Подавляющее большинство представителей современной юридической науки **признает принцип разделения властей в качестве политической и юридической базы демократии и легальности государственной власти, верховенства права в нем.** В качестве иллюстрации можно привести работы таких иностранных авторов как: M. Safta, D. Buti, A. Radu, Daniel M. Morar, Mihaela S. Costinescu, Elena R. Dobrițoiu, M. Balan, М.Н. Марченко, С.Н. Шeverдяев, А.И. Ковлер, А. М. Арбузкин, М.М. Борисевич, А.Н. Перенджиев, В.М. Соколов, Л.В. Плевако, Р.В. Косов, С.А. Осетров, Е.В. Коврякова, W. Marshall, M. Lee, M. Maeva, B. Ackerman, M. Kordeva и др. Современная правовая наука Республики Молдова располагает целым рядом источников по исследуемой теме, однако, все они отражают только отдельные ее аспекты. В трудах таких выдающихся специалистов как G.Avornic. R. Grecu, G. Costachi, V.

Popa, A. Arseni, E. Aramă, I. Jecev, S. Goriuc, A. Smochină, I. Gîrneț, M. Manoliu, В. Мишин, Н. Грэдинару, Т. Кырнац, П. Райлян, и др. и многих др., затрагиваются вопросы, связанные с разделением властей в связи с **рассмотрением ими проблематики принципов правового и демократического государства, основ конституционализма, института прав и свобод личности полномочий отдельных органов государства и их взаимодействия (парламента, правительства, президента, конституционного суда).** В то же время, **отсутствует комплексное исследование теоретических основ принципа разделения властей, его эволюции и современного состояния.** Работ по исследуемой проблематике с точки зрения общей теории государства и права явно недостаточно [Глава 1, 1.1, 1.2, 1.3].

3. Выявляя **предпосылки появления теории разделения властей в научной мысли**, формирования стройной системы ее признаков, определим, что во все времена лучшие представители человечества, мыслящие прогрессивно, были нацелены **на поиск баланса между свободой личности и государственной властью, между единоличным главой государства и представительным органом, между тиранией и демократией.** Это воплощено в многочисленных авторских подходах, доктринах, концепциях об оптимальном государственном управлении на основе принципа разделения властей, которые постепенно оформили цельное, логически единое и выверенное учение. [Глава 2, 2.1]
4. Теория разделения властей прошла сложный путь исторического развития **от философской идеи** необходимости ограничения государственной власти и ее рациональной организации **до практически применимого организационно-функционального принципа государственного механизма**, который на современном этапе следует считать достижением политико-правовых воззрений об организации государства и системы государственных органов, синтезированных в результате эволюции государствоведения. В целом, эволюция разделения властей прошла в общем контексте общественного развития. [Глава 1, 1.1, Глава 2, 2.1. 2.2, 2.3, Глава 3, 3.1, 3.2, 3.3, 3.4].
5. Изучение **истоков и основных этапов** развития концептуальных основ принципа разделения властей, позволяет в качестве **платформы определить уникальную политическую и правовую культуру Древней Греции.** Представители **феодалной философии Ф. Аквинский, М. Падуанский** внесли **значительный вклад в формирование концепции разделения**

властей. Однако окончательное оформление идей в стройную и логически завершенную теорию произошло несколько позднее – в период Реформации и Просвещения. Цельное же оформление концепции завершается непосредственно перед чередой революций в Европе, ознаменовавших переход к индустриальной эпохе. Указанный период совпадает со становлением общей теории правового государства, что позволяет утвердить тезис о неразрывном единстве правового государства и разделения властей [Глава 2, 2.1].

6. В **основе классической доктрины** разделения властей лежат идеи французского философа-государствоведа **Шарля Луи Монтескье**, который вывел **триаду власти** из своих размышлений **о способах противостояния тирании**. Главными постулатами его творчества в аспекте формирования концепции разделения властей следует считать необходимость **распределения деятельности государственных органов на три группы**, отделяя выполнение ими законотворческой деятельности, исполнительной, правительственной деятельности и судебной. Первенство он отдавал законотворческой деятельности, но, при этом он требовал предпринимать особые усилия для обеспечения независимости судебной власти. При всей прогрессивности идей Монтескье, в **современных условиях** допустимы некоторые **отхождения от нее**, например, возможно не относить любой орган государства к одной или любой ветви власти; очевидно и потенциальное возрастание количества властей. Считаем, что важнейшим достижением классического концепта разделения властей по Монтескье, который не утрачивает актуальности до настоящего времени, следует признать посыл о **поиске средств против концентрации власти** в руках одного лица, какого-либо органа или ветви власти [Глава 2, 2.1; Глава 3, 3.1, 3.2.].
7. При характеристике **моделей** разделения властей, которые возникли в результате предшествующих ей периодов социально-политического развития и накопления исторического опыта только в **историко-теоретической** привязке возможно раскрыть содержание данного принципа в **конкретном** государстве, показать ее **практический** смысл, государственное **назначение** и заложенный в ней **потенциал** [Глава 1, 1.1.; Глава 2, 2.1, 2.2].
8. Исследование особенностей **понимания** и практического **осуществления** конкретных **национальных** моделей разделения властей позволило сделать вывод о том, что классическая версия концепции и классическое понимание принципа разделения властей могут применять в современных условиях в

качестве общей платформы, предполагающей осуществление **функций** государства в **законодательной, исполнительной и судебной** сферах. Поэтому классификация **функций** государства, таким образом, в современной правовой науке может **строиться** на базе **принципа разделения властей**. Соответственно, приращение к имеющимся трем ветвям власти **новых** ветвей **не должно** рассматриваться как отрицание **классической триады**, это только попытки ее **усовершенствовать**, которые в некоторых случаях могут **на практике** привести к **нарушению** баланса властей. Только такой подход будет способствовать **гибкому, недогматическому пониманию и применению** как самой теории, так и принципа разделения властей. включение в тезаурус государственного механизма **иных** органов государства и даже выделение **самостоятельных** ветвей власти не должно менять принципиальных подходов к пониманию сущности, архитектоники и функционирования исследуемого принципа [Глава 1, 1.1, 1.2, 1.3; Глава 2, 2.2, 2.3; Глава 3, 3.1].

9. Основной задачей современного государства является четкое **определение и рапределение его функций**, которые затем **воплощаются** в функционировании **государственного механизма**. В свою очередь, это требует создания **определенной системы органов государственной власти** на основе принципа разделения властей, в рамках которой должны быть **разграничены компетенция и полномочия**, не допуская их совпадения и повторения. Более того, считаем не менее важным создание и правовое закрепление **легальных форм взаимодействия органов государственной власти**, относящихся к разным ее ветвям [Глава 3, 3.2].
10. В современной практике воплощения принципа разделения властей приходится констатировать достаточное **многообразие его форм**, что связано с различными факторами: **формой государства, национальными правовыми и демократическими традициями, политической ситуацией** в конкретном государстве на том или ином историческом этапе его развития и др. Ключевыми факторами, влияющими на юридический дизайн принципа разделения властей современного государства, считаем **форму правления, политико-территориальное устройство и действующий политический режим**. Действительно, в условиях **дуалистических** форм правления, удастся наиболее оптимально решить вопрос разделения и баланса ветвей власти, но многие современные государства отходят от классических признаков дуализма власти, переходя к **смешанным ее формам**, что подтверждает наше предположение о

необходимости рассматривать классическую теорию и применять принцип разделения властей, отходя от строгих его признаков. Кроме того, необходимо учитывать и своеобразие **политической системы** того или иного общества и роль политических партий, деятельность которых способна коренным образом изменить соотношение законодательной и исполнительной ветвей власти [Глава 3, 3.1].

11. Принцип разделения властей еще со времен Монтескье признается и сохраняет свое значение до настоящего времени как **гарантия народной свободы, гарантия свободы личности, соблюдения прав человека и гражданина**. Данный принцип тесно связан и является неотъемлемым атрибутом таких качественных характеристик современного государства как: **правовое государство, демократическое государство, конституционное государство** [Глава 1, 1.1; Глава 3, 3.1, 3.2].
12. В странах **постсоветского** пространства признание, закрепление и реализация принципа разделения властей осуществились после распада социалистической системы в начале 90-х гг. прошлого века. В Республике Молдова принцип разделения властей закреплён конституционно **по модели смешанной республики**, не смотря на сохранившуюся весомую роль Парламента [Глава 3, 3.3, 3.4].
13. Оценивая **возможности** принципа разделения властей в обеспечении рациональности и эффективности государственного управления, отметим, что современные интерпретации разделения властей по существу означают **организационное единство** государственной власти. Это означает необходимость **толкования** разделения властей не только как их относительное **обособление, автономность**, а как их **согласованное взаимодействие** и функционирование. Разделение властей в этом смысле – это гарантия правовой свободы, означающая, что разные властные институты должны быть эффективными в пределах своей компетенции, но они не должны действовать исключительно односторонне или исключительно совместно [Глава 3, 3.1, 3.3, 3.4].
14. Исследуя эволюцию подходов **к содержанию** принципа разделения властей, отметим несколько противоречивую тенденцию: с одной стороны – это **возвращение современной доктрины к идеям Ж.Ж. Руссо**, который отождествлял разделение властей с **правильным и точным перераспределением функций государства** между различными органами

государства, с другой стороны – проблема приенения принципа разделения властей в современном государстве связана в большей степени с вопросами обеспечения цивилизованного и эффективного взаимодействия между ветвями власти, установления между ними партнерских, договорных отношений [Глава 1. 1.1; Глава 3, 3.1, 3.2].

Представленные выводы и обобщения способствовали решению поставленной научной проблемы комплексного и системного исследования развития и современного состояния концепции разделения властей, на основе которых предлагаем ряд **рекомендаций**:

1. Анализируя различные подходы к периодизации истории развития принципа разделения властей, предлагаем **новый подход**, который сориентирован на ключевой момент в эволюции разделения властей, а именно – формулирование классической «горизонтальной» триады и позволяет выделить три основных этапа, включающих периоды как до, так и после создания концепции:

I этап – доклассический – это время возникновения идеи необходимости ограничения власти государства (VII в. до н.э. – XVI в.), охватывающий античный и средневековый исторические периоды;

II этап – классический – это оформление базовой концепции теории разделения властей и ее реализация в первых демократических государствах (конец XVI в.- XIX в.) в качестве принципа организации государственного механизма, охватывающий буржуазный период;

III этап – постклассический – это современный этап утверждения принципа разделения властей как элемента правового государства (XX в. – начало XXI в.), охватывающий индустриальный и начало постиндустриального периода.

2. Современная идея создания организационно-правовой структуры власти приобретает все более новое звучание: **единство, разделение, взаимодействие и взаимоконтроль властей**. В такой трактовке вопрос о разделении властей должен отражаться в нормах современных конституций, так как в виде общего принципа в четкой формулировке он почти нигде не зафиксирован. Исходя из анализа современных подходов к разделению властей в странах молодых демократий, предлагаем следующее авторское определение: **«Принцип разделения властей – это совокупность базисных требований к организации высших органов государственной власти, определению сферы их компетенции и конкретных полномочий, а также форм их взаимодействия и сотрудничества на равных началах, с применением методов взаимного сдерживания и контроля в целях обеспечения принципов правового и демократического характера государства и предотвращения возможности узурпации власти»**.

3. Предлагаем следующее современное **доктринальное понимание разделения властей как систему следующих признаков и характеристик:**

- а) триада власти, являющаяся классической, является базой, типовой формой разделения властей;
- б) отдельные ветви власти действуют автономно исключительно в рамках определяемой законом компетенции и легально закрепляемых полномочий, не вторгаясь в сферу остальных органов и ветвей власти;
- в) все ветви власти действуют в строго правовых рамках, определяемых Конституцией и законодательством, осуществляя свои функции и полномочия в рамках общей внутренней и внешней политики государства;
- г) система сдержек и противовесов должна признаваться обязательным признаком разделения властей и означать тщательную разработку организационных, правовых, материально-финансовых, институциональных механизмов, обеспечивающих равноправное положение отдельных ветвей власти;
- д) взаимодействие законодательной и исполнительной ветви власти осуществляется в зависимости от формы правления в государстве, в то же время, для судебной власти важно находиться на равноудаленном расстоянии от других ветвей власти;
- е) в сложном по политико-территориальной форме государстве, разделение властей производится как между общегосударственными органами власти, так и между органами и органами государственной власти региона, автономии, субъекта федерации, то есть наряду с «горизонтальным» разделением власти, необходимо учитывать ее деление и по «вертикали»;
- ж) провозглашение и гарантии местного самоуправления как особой системы народовластия и одного из элементов «вертикального» разделения властей.

4. Принцип разделения властей в условиях современного государства предлагается автором определить как **совокупность базисных требований к организации высших органов государственной власти в рамках установившихся и трансформирующихся разновидностей республиканской формы правления и формам их взаимодействия, основанных на постулатах конституционализма и с учетом проведения общей, единой политики государства.**

5. Предлагаем авторскую новеллу дефиниции «ветвь власти»: **под ветвью власти понимать относительно обособленную часть государственного механизма, представляющую собой совокупность органов государственной власти, осуществляющих единообразные функции, основанные на общности компетенции.**

6. В целях уточнения правового статуса органа конституционного контроля в Республике Молдова, обеспечивающего режим конституционности и правовой характер государства, предполагающие разделение властей и контроль за реализацией сдержек и противовесов, **предлагаем усовершенствовать ряд процедурных моментов по его формированию путем внесения изменений в Закон № 317 от 13-12-1994 о Конституционном суде** в виде:

а) нормативного закрепления однократности назначения на должность судьи Конституционного Суда РМ, что должно обеспечить независимость членов данного органа, как это имеет место во многих странах зарубежных устойчивых демократий;

б) увеличения срока полномочий членов Конституционного Суда РМ до 7-9 лет, что также подтверждается мировой практикой конституционного судостроительства и позволяет обеспечить высокий профессиональный уровень судейского корпуса органов конституционной юстиции и также положительно влияет на степень его независимости;

в) введения нечетного количество судей в составе Конституционного Суда РМ, что может решать проблему принятия общих решений при разделении мнений членов такого органа;

г) расширение количественного состава Конституционного Суда РМ, что предполагает возможность реализации идеологического и политического многообразия и наличия большего количество мнений при обсуждении подведомственных данному органу вопросов;

д) расширение круга субъектов права обращения в Конституционный Суд РМ, в частности, за счет судебных органов, помимо Высшего Совета Магистратуры, также граждан РМ с конституционными жалобами на нарушение принадлежащих им конституционных прав, что соотносится с общепринятой в мире практикой и расширяет сферу компетенции и полномочия органа конституционного контроля, что позволит, в итоге, в большей степени обеспечить конституционный правопорядок в государстве.

7. Учитывая развитие современных доктринальных положений о разделении властей и сформулированный вывод о необходимости обеспечения общей политики государства и совместных усилий ветвей власти в этом направлении, а также в практических целях предотвращения затяжных политических кризисов, включая формирование и работу Правительства и других органов государственной власти, **предлагаем следующую редакцию ст.6 Конституции РМ: «В Республике Молдова законодательная, исполнительная и судебная власти разделены и конструктивно взаимодействуют при осуществлении своих прерогатив в соответствии с положениями Конституции, обеспечивая единство государственной политики. Ветви власти**

функционируют на основе равенства и запрета присвоения полномочий других ветвей власти, органа или должностного лица. Незаконное присвоение власти преследуется по закону».

Предложенный императив будет обязывать предпринимать различные меры для преодоления разногласий между ветвями власти для совместного выполнения целей и задач общегосударственной политики. Кроме того, предложенная формулировка будет представлять собой одновременно и юридический заслон для незаконного захвата власти, и произвольного перераспределения властных полномочий между высшими органами государства, и являться конституционной гарантией реализации принципа разделения властей.

План перспективных исследований предполагает следующее:

а) тема исследования принципа разделения властей сложна и многогранна как в теоретическом, так и в практическом аспекте, что предопределяет перспективы ее дальнейшей разработки на уровне не только Общей теории государства и права, но и отраслевого законодательства. Прежде всего, дальнейшему совершенствованию подлежит понятийный аппарат, связанный с теорией принципа разделения властей;

б) требуют уточнения конституционные модели реализации разделения властей, их разновидности, признаки и характеристики;

в) требует дальнейших правовых исследований вопрос вертикального разделения властей и роли местного самоуправления как первичного уровня народовластия. Для сложных по форме политико-территориального устройства государств актуальным будет анализ особенностей разделения властей в государствах с автономными образованиями, федеративных государств, союзов государств.

БИБЛИОГРАФИЯ

А. БИБЛИОГРАФИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

1. ARAMA, E., COPTILET, V., Evoluția dreptului public pe teritoriul dintre Prut și Nistru în prima jumătate a secolului al XIX-lea, 2003. 170 p. ISBN: 9975-67-380-5.
2. ARAMA, E., JECEV, I. Legitimitatea – condiții obligatorily amenținerii puterii în stat. În: *Revista Națională de Drept*, Chișinău, 2013, № 4, p. 2-5. ISSN: 1811-0770.
3. ARSENI, A. Configurația politică a Parlamentului ca organ reprezentativ al poporului. În: *Revista Națională de Drept*, 2013, № 6, p. 9-16. ISSN: 1811-0770.
4. ARSENI, A. *Legitimitate a puterii de stat. Principiul edificator al statului de drept și democratic contemporan*. Chișinău: CEP USM, 2015. 420 p. ISBN: 978-9975-71-604-8.
5. ARSENI, A. Sistemul instituțional al puterii de stat: concept și forme instituționalizate. În: *Revista Națională de Drept*, 2013, № 9, p. 9-16. ISSN: 1811-0770.
6. ARSENI, A. CREANGA, I., GURIN, C., NEGRU, B., BARBALAT, P., COTOROBAI, M., SUSARENCO, Gh. *Constituția Republicii Moldova comentată articol cu articol*. Chișinău: Civitas, 2000. 176 p.
7. BALAN, M. Consideratii privind principiul separatiei puterilor înstat. In: *Analele Științifice Ale Universitatii «Al.I. Cuza» IASI* Tomul IV, Științe Juridice, 2008. 303 p. ISBN: 978-9975-70 -726-8.
8. BALAN, M. Principiul separației și echilibrului puterilor în stat în jurisprudența Curții Constituționale a României. În: *Analele științifice ale universitatii «Al.I. Cuza» Iasi* Tomul II, Științe Juridice, 2008. 400 p. ISBN: 978-9975-70 -726-8.
9. BALTAG, D. Idealul social de justiție. Edificarea statului de drept. În: *Materialele conferinței științifico-practice*. 26-27 septembrie 2003. Chișinău: Bons Office, 2003, p. 109-114.
10. BALTAG, D. Unele aspecte teoretice referitoare la dimensiunea juridică a responsabilității Guvernului. În: *Revista Națională de Drept*, 2005, nr.12 (63), p. 8-14. ISSN: 1811-0770.
11. BUTI, D., RADU, A. Sistemul politic românesc postcomunist. De la separația puterilor la partajare a puterii. In: *Sfera Politicii*. 2014, № 177, p. 48-54. ISSN: 1221-6720.
12. CASIADI, O. Separația puterilor on regimurile politice contemporane. Studiu comparativ. Regimul prezidențial. În: *Administrarea publică*, 2005, nr. 2-3, p. 67-81. ISSN: 1813-8489.
13. COSTACHI, G. *Direcții prioritare ale edificării statului de drept în Republica Moldova*. Chișinău: Tipografia Centrală, 2009. 327 p. ISBN: 9789975407816.
14. COSTACHI, G. HLIPHA, P. *Organizarea și funcționarea puterii în statul de drept*. Ediția II-a. Chișinău: Tipografia Centrală, 2011. 664 p. ISBN: 978-9975-78-941-7.

15. CRAIOVAN, I. *Teoria generală a dreptului*, București, Editura Universul Juridic, 1998. 186 p. ISBN: 973-32-0506-0.
16. CUSMIR, M. *Sisteme constituționale europene*. Chișinău: Adriga-VisSRL, 2008. 262 p. ISBN: 978-9975-9798-4-9.
17. DENCIUC, E. *Orânduirea constituțională a Republicii Moldova și a Ucrainei* (analiza juridică comparativă). Chișinău: Academiade Știința Moldovei, 2005. 22 p.
18. DOBRITOIU, E. Aspecte privind originea separației puterilor în stat într-o abordare istoricojuridică. În: *Analele Universității «Constantin Brâncuși» din Târgu Jiu, Seria Științe Juridice*, 2014, №1. ISSN: 1844-7015. URL: [https:// papers. ssrn.com /sol3 / papers. cfm? abstract_id=2578931](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2578931) (data adresării 03.05.2019).
19. GAVRILESCU, A. Separația puterilor în stat – condiție a funcționării optime a societății în volumul *Legislația și educația în perspectiva integrării europene*, Editura Universitaria Craiova Knowledge, organized by University «Constantin Brâncuși» of Targu-Jiu, 2009. URL: <https://www.utgjiu.ro> (data adresării 03.05.2019).
20. GHEORGHE, T. *Separația puterilor în stat* (Marea Britanie, Statele Unite ale Americii, Franța, România). București: Editura Științifică, 1994. 318 p. ISBN: 973-44-0135-1.
21. GORIUC, S. Considerațiuni generale cu privire la evoluția instituției șefului de stat. În: *Administrare Publică*, 2014, № 3, p. 30-35. ISSN: 1813-8489.
22. GORIUC, S. Funcția de mediere a șefului statului. În: *Administrarea publică*, 2013, nr. 1, p. 34- 38. ISSN: 1813-8489.
23. GORIUC, S. *Locul și rolul Președintelui Republicii Moldova în sistemul autorităților publice și în asigurarea echilibrului în societate*. Teză de doctor în drept, Chișinău, 2006. 26 p. URL: <http://www.cnaa.md> (data adresării 05.05.2019).
24. GORIUC, S. Raporturile șefului statului cu organele executive. În: *Administrarea publică*, 2014, nr. 1, p. 29-35. ISSN: 1813-8489.
25. GORIUC, S. Rolul șefului statului în asigurarea echilibrului puterilor în stat. În: *Administrarea Publică*, 2012, nr. 2, p. 36-46. ISSN: 1813-8489.
26. HLIPCA, P. Mecanismul puterii în stat: istorie și actualitate. În: *Revista Națională de Drept*, Chișinău, 2009, nr. 1, p. 70-72. ISSN: 1811-0770.
27. IONESCU, C. *Drept constituțional și instituții politice Ionescu Cristian Vol.1: Teoria generală a instituțiilor politice Drept constituțional și instituții politice Ionescu Cristian Vol.2: Sistemul constituțional românesc*. Bucharest, Lumina Lex Press, 1997. ISBN: 9735880032. URL: <http://www.ebibliophil.ro/carte/drept-constitutional-si-institutii-politice-ionescu-cristian> (data adresării 05.05.2019).

28. JECEV, I. Unitatea puterii în stat: controverse și realități. În: *Revista Națională de Drept*, 2013, nr.4, p. 31-36. ISSN: 1811-0770.
29. MALEARCIUC, O. Ideile separării puterilor în lucrările lui D. Locke și S. Montesquieu. În: *Revista Națională de Drept*, 2019, № 10-1, p. 97-101. ISSN 1811-0770.
30. MANILIU, M. *Asigurarea legalității în administrația de stat*. Teză dedoctor îndrept. Chișinău, 2008. 186 p.
31. MOLDOVEANU, D. Caracterul perimatalte oriei separației puterilor în stat din perspective activității partidelor politice. În: *Revista Națională de Drept*, Chișinău, 2009, № 7, p. 45-48. ISSN: 1811-0770.
32. NEGRU, A., *Consolidarea justiției în statul contemporan democratic*. Chișinău: Sirius, 2012. 239 p. ISBN: 978-9975-57-039-8.
33. NEGRU, B., *Teoria Generală a Dreptului și Statului*. Chișinău, 1999. 314 p. ISBN: 978-9975-57-039-8.
34. POMPILIU MARIAN, D. M. Echilibrul puterilor de stat - chează și e a unei guvernări democratice. În: *Revista Națională de Drep*, 2009, № 4, p. 31-34. ISSN: 1811-0770.
35. POPA, C. *Consolidarea regimului de guvernare prin prisma constituționalismului contemporan din Republica Moldova*. Teză de doctor în drept. Chișinău, 2017. 156 p. URL: // [http://www.cnaa.md/thesis/52161/\(data adresării 14.06.2019\)](http://www.cnaa.md/thesis/52161/(data%20adresării%2014.06.2019)).
36. POPA, N. *Teoria generală a dreptului, ediția II, București, Editura All Beck*, 1993. 332 p. ISBN: 973-95946-4-6.
37. POPA, N. DOGARU, I. DANISOR, G. DANISOR, D., *Filosofia dreptului. Marile curente*. Ediția 2. București: C.H. Beck, 2007. 543 p. ISBN: 978-973-115-248-6.
38. POPA, V. *Autoritățile publice ale Republicii Moldova. Compendiu privind structura, organizarea și funcționarea lor*. Chișinău: TISH, 2004. 255 p. ISBN: 9975-947-43-3.
39. POPA, V. *Drept parlamentar al Republicii Moldova*. Chișinău: ULIM, 1999. 232 p. ISBN: 9975-920-15-2.
40. POPA, V. *Dreptul public*. Chișinău: Academia de Administrare Publică, 1998. 460 p.
41. POPA, O. *Raporturile dintre Guvern și Parlament în dreptul românesc și comparat*. — Timișoara: Ando-Tours, 1997. 79 p. ISBN: 973-98046-9-1.
42. SAFTA, M. Separația puterilor în stat și loialitatea constituțională. În: *Juridical Tribune*. Volume 3, Issue 1, June 2013, p. 170-181. URL: // [http:// www.ceeol.com/search/article-detail?id=220715](http://www.ceeol.com/search/article-detail?id=220715) (data adresării 04.06.2019).
43. SMOCHINA, A., SMOCHINA, C. Funcționalitatea principiului separației puterilor în republica moldova: probleme, abordări științifice și tendințe. În: «AKADEMOS». Științe

juridice, 1/2019, p. 77-84. ISSN 1857-0461. URL: // <http://www.akademos.asm.md/files/77-84.pdf>. (data adresării 05.06.2019).

44. SOLOMON, C. GIRNET, I. Parlamentul Republicii Moldova – organ reprezentativ al suveranității naționale. În: *Materiale conferinței științifico-practice cu participare inter națională «Teoria și practica administrării publice»*. Chișinău, 2014, p. 158-161. ISBN: 978-9975-4241-9-6.
45. *Tratat de teoria generale a statului si dreptului* / Avornic, Gh., Grecu, R., Huma I. et al. Iasi: Vasiliana 98, 2015, 2 vol. 475 p. ISBN: 978-973-116-441-0 ISBN: 978-973-116-442-7.
46. VRABIE, G. Renașterea teoriei separației puterilor în stat în România. În: *Studii de drept românesc*, 1991, nr. 3-4. 386 p. ISSN: 1220-542.

В. БИБЛИОГРАФИЯ НА РУСКОМ ЯЗЫКЕ

47. АБДУЛЛАЕВ, М.Х. Политическая система США: текущие проблемы и тенденции развития. В: *Руская политология*. 2018. № 3 (8). ISSN: 2541-965X. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-sistema-ssha-tekuschie-problemy-i-tendentsii-razvitiya> (дата обращения: 04.05.2019).
48. АВАКЪЯН, С.А. *Размышления конституционалиста: избранные статьи*. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 560 с. ISBN: 978-5-211-05769-2.
49. АВАКЪЯН, С.А. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы. В: *Журнал российского права*, 2003. №11, с. 43-54. ISSN: 1605-6590.
50. АВТОНОМОВ, А.С. *Избирательная власть*. - М.: Права человека, 2002. 88 с. ISBN: 5-7712-0256-8.
51. АГАЕВ, М.Б. *Президентская власть в системе государственной власти*. - М.: Луч, 1994. 23 с.
52. АЛИЕВА, Л. Конституционный принцип разделения властей: новые тенденции. В: *Revista Națională de Drept*, 2014, № 5(163), с. 45-52. ISSN: 1811-0770.
53. *Антология мировой и политической мысли: В 5 т. Т. 1.: Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция* / Отв. ред. А. А. Мигولاتев. - М.: Мысль, 1997. 830 с. ISBN: 5-244-00867-6.
54. АРАНОВСКИЙ, К.А. *Государственное право зарубежных стран: учеб. пособие для вузов*. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2000. 486 с. ISBN 5-86255-742-X.
55. АРИСТОТЕЛЬ. *Политика* / Пер. с древнегреческого С.А. Жебелева, М.Л. Гаспарова. - М.: «Аст», 2010. 393 с. ISBN: 978-5-17-065681-3.
56. АРИСТОТЕЛЬ. *Сочинения: в 4-х т. Т. 4* / ред. и авт. вступ. ст. А. И. Доватур. - М.: Мысль, 1983. 830 с.

57. АРТЕМОВ, В. М. Этико-правовые идеи философии права И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. В: *Философия и общество*, 2018, № 2, с. 61-74. ISSN: 1681-4339.
58. БАГЛАЙ, М.В., ГАБРИЧИДЗЕ, Б.Н. *Конституционное право Российской Федерации*: учеб. для вузов / Баглай М.В., Габричидзе Б.Н.- М.: Норма, 2007. 784 с. ISBN: 978-5-468-00078-6.
59. БАНТУШ, А. Некоторые проблемы взаимоотношения законодательной и исполнительной властей. В: *Материалы международной научно-теоретической конференции*. Кишинев. -2000, с. 19-26.
60. БАРАНОВ, П.П., БАРАНОВ, В.М. *Общая теория права*. Ретроспективный библиографический тематический указатель. – Ростов-на-Дону.: РЮИ МВД России, 1999. 856 с.
61. БАРЕНБОЙМ, П.Д. Американские суды в системе разделения властей. В: *Советское государство и право*, 1985, № 7, с. 97-104.
62. БАРНАШОВ, А.М. *Теория разделения властей: становление, развитие, применение*. - Томск: Изд-во Том.ун-та, 1988. 102 с.
63. БАЧИЛО, И.Л. *Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития*. -М., Юристъ, 2008. 260 с. ISBN: 5-7975-0074-4.
64. БАЧИЛО, И.Л. Факторы, влияющие на государственность. В: *Государство и право*, 2003, №7, с. 21-30. ISSN: 0132-0769.
65. БЕЛКИН, А.А. *Комментарии к решениям Конституционного суда Российской Федерации*. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербург.ун-та, 2004. 165 с. ISBN 5-288-01494-9.
66. БЕРЖЕЛЬ, Ж.Л. *Общая теория права* / общ.ред. В.И. Даниленко. Пер. с франц. М: Г.В. Чуршукова. - М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000. 576 с. ISBN: 5-8188-0022-9.
67. БЛАЖИЧ Н. И. *Модели разделения властей в правовом государстве*: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2004. 173 с.
68. БОЕР, В.М., ГОРОДИНЕЦ, Ф.М., ЯНГОЛ, Н.Г. *Правовое государство. Идея, концепция, реальность*. - СПб.: СПбГААП, 2006. 68 с. ISBN: 5893291433.
69. БОНДАРЬ, Н.С. *Гражданин и публичная власть*. Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении: Учебное пособие / Н. С.Бондарь. - М.: Городец-издат, 2004. 352 с. ISBN: 5958400592.
70. БОРИСЕВИЧ, М.М. Разделение властей: проблемы и пути решения. В: *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики*. Серия «Экономика и Право», 2014, № 3-4, с. 49-52. ISSN: 2223-2974.

71. БУРКОВСКАЯ, В.А. *Разделение властей в условиях развития федерализма в современной России*: дис. ... канд. полит. Наук. - Орлов. регион. акад. гос. службы. Орел, 2006. 22 с.
72. БУРМИСТРОВ, А.С. *Контрольная власть в России: размышления и предложения* // Научные труды РАЮН. В 3-х томах, 2008, Вып. 8. Т. 1, с. 668-670. ISSN: 0236-4964.
73. БЯЛТ, В.С. *Гражданское общество как признак правового государства*. В: Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы. – Прага: Vedecko vydavatelske centrum «Sociosfera-CZ», 2014, с. 114-117. ISBN 978-80-87966-53-2.
74. ВАЛУЕВ, В.С. *Исторические типы философии*. - М.: Знания, 2002. 149 с. ISBN 5-254-00513-0.
75. ВЕБЕР, М. *Парламент и правительство в новой Германии* (май 1918). В: Политические работы. - М.: Праксис, 2003. 424 с. ISBN: 5-910574-25-7.
76. ВЕБЕР, М. *Политика как призвание и профессия*. В: Избранные произведения. - М.: Прогрес, 1990. 808 с.
77. ВИКУЛИН, А.Ю., ТОСУНЯН, Г.А. *Деньги и власть. Разделение властей в современных условиях и реструктуризация банковской системы*. – М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 1999. 224 с. ISBN: 5-7749-0174-2.
78. ВИТРУК, Н. В. *Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.)*: Очерки теории и практики - М.: Городец-издат, 2001. 50 с. ISBN: 5-9258-0040-0.
79. ВОРОШИЛОВ, Н.Н. *Критический обзор учения о разделении властей*. Ярославль: тип. Губ.зем. управы, 1871. 451 с.
80. ВИЛЬСОН, В. *Государство: Прошлое и настоящее институциональных учреждений*. / Пер. под ред. А.С. Яценко; С предисл. М.М. Ковалевского. -М: В.М. Саблин, 1905. 800 с. ISBN: 978-5-4241-7465-0.
81. ГЕГЕЛЬ, Г.В.Ф. *Сочинения: «Философия права»* - М., Л.: Соцэкгиз, 1934. 380 с.
82. ГЕСИОД. *Теогония. Труды и дни. Щит Геракла*. Перевод В.В. Вересаева – М.: Лабиринт, 2001. 256 с. ISBN: 5-87604-087-8.
83. ГЕСЕН, В. М. *Основы конституционного права* (издание 2-е). - Петроград: Юрид. кн. скл. «Право», 1918. 445 с.
84. ГЕСЕН, В.М. О правовом государстве. В: *Правовое государство и народное голосование. К реформе государственного строя России*. - С.-Пб.: Изд. Н. Глаголева, 1906, № 2, с. 28-30.
85. ГОББС, Т. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1991. Т. 2. 503 с.

86. ГОРОВАЯ, А.В. Историко-психологический анализ политического мировоззрения Мартина Лютера (на примере произведения «о светской власти»). В: *Наука и школа*, 2014, №1, с.170-172. ISSN:1819-463X.
87. *Государственное право Германии*: в 2-х томах: Том 1. / Под ред. Б. Н. Топорин, Б. М. Лазарев, Ю. П. Урьяс. - М.: ИГПАН, 1994. 312 с. ISBN: 5-201-01286-3.
88. ГРАЧЕВ, Н.И. Единство государственной власти как принцип государственного строительства. В: *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, 2016, № 6, с. 308-314. ISSN: 2227-7315.
89. ГРЭДИНАРУ, Н. Некоторые проблемы осуществления принципа разделения властей. – Ch.: ASEM, 2010. 181 с. ISBN: 978-9975-75-513-9.
90. ДАНЬШИН, Н.А. К вопросу о контрольной власти. В: *Административное и муниципальное право*. - М.: Nota Bene, 2008, № 2, с. 39-43. ISSN: 2454-0595.
91. Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. URL: // [http:// constitution.garant.ru](http://constitution.garant.ru) (дата обращения 10.10.2019)
92. Декларация о независимости Республики Молдова. Принята Парламентом Республики Молдова в Кишиневе от 27 августа 1991 года. URL: // [http:// www.presedinte.md/rus/declaration](http://www.presedinte.md/rus/declaration) ru (дата обращения 10.10.2019).
93. Декларация прав человека и гражданина 1789 года. Принята Национальным учредительным собранием от 26 августа 1789 г. // Текст публикуется по изданию: *Французская Республика: Конституция и законодательные акты* / Под ред. и со вступ. ст. В. А. Туманова. - М.: Прогрес, 1989. 445 с. ISBN: 5-01-001912-4.
94. Документы французской революции. В: *Родина*. - М.: Правда. 1989. № 7. http://istmat.info/files/uploads/27370/revolution-francaise_doc_1990_v1.pdf (дата обращения 10.10.2019).
95. ДЕМИДОВ, А. В. Разделение властей как основной принцип правового государства. В: *Международный научный журнал «Инновационная наука*. 2016, №1, с. 122-124. ISSN: 2410-6070.
96. ДЖАНГИРЯН, Ж.Д. *Разделение властей в Республике Армения*: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2004. 52 с.
97. ДИОГЕН, Л. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*/ Ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; Перевод М. Л. Гаспарова, - 2-е изд. - М.: Мысль, 1986. 571 с.
98. ДМИТРИЕВ, Ю.А., НИКОЛАЕВ, А.М. *Система государственной власти в России и в мире: историко-правовая ретроспектива*. - М., 2002. 839 с. ISBN: 5-94297-041-6.

99. ДЮГИ, Л. *Конституционное право. Общая теория государства.* / Пер. Краснокутский В., Сыромятников Б., Ященко А.; Предисл.: Дюги Л., Новгородцев П. - М.: Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 1000 с.
100. ЕГОРОВ, А.В. Правовая интеграция и ее содержание. В: *Государство и право*, 2004, № 6, с. 74-84. ISSN: 0132-0769.
101. ЕЛИЗАРОВ, А.Б. Формирование контрольной ветви власти в России. В: *Современные проблемы государства и права.* Сборник научных трудов. - Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. филиала МГЭИ, 2003, вып. 1, с. 97-100. ISBN: 5-88022-021-4.
102. ЕЛЛИНЕК, Г. *Общее учение о государстве.* - СПб.: Юридический центр-Прес, 2004. 752 с. ISBN: 5-94201-310-1.
103. ЕРШОВ, В.В. Разделение властей. К вопросу о компетенции судов по разрешению административных споров. В: *Российская юстиция.* - М.: Юрид. лит., 2001, № 11, с. 69-71. ISSN: 0131-6761.
104. ЖУРАКУЛОВ, Ф. Современная практика «разделения властей» в государствах Центральной Азии и Кавказа. В: *Центральная Азия и Кавказ*, 2011, № 4, с. 52-64. ISSN: 1403-7068.
105. ЗАКАТНОВА, А. Винегрет на любителя. В: *Российская газета*, 2006, № 263, с. 13.
106. ЗАКАТНОВА, А. Судейский передел. В: *Российская газета*, 2003, №101, с. 3.
107. Закон Республики Молдова «О статусе судьи» № 544-XIII от 20.07.1995. Переопубликован на основании Постановления Парламента № 1546-XIII от 25.02.98 г. В: *Monitorul Oficial Republicii Moldova* Nr. 117-119/1998 г., № 26-27, ст. 170.
108. Закон Республики Молдова № 1234 от 22 сентября 2000 года «О процедуре избрания Президента Республики Молдова». Опубликован 2 сентября 2000 года. В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova* № 139-140.
109. Закон Республики Молдова о Конституционном суде Республики Молдова. №317 от 13 декабря 1994 года. Опубликован 07 февраля 1995 года. В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova* №8 (86) с измен. ЗП264 от 09.12.16, МО453-458/23.12.16 ст.901, В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 23.12.2016, nr. 453-458 (901); ЗП6 от 06.02.20, МО63-68/28.02.20 ст.48; в силу с 28.03.20. URL: // https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=120587&lang=ru. (Дата обращения: 20.02.2022).
110. Закон Республики Молдова от 31 мая 1990 года №64-XII О Правительстве. Опубликован 26 сентября 2002 года в *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, №131-133.

111. ЗВЯТИН, Ю.Г. Разделение властей - конституционное требование. В: *Журнал российского права*. - М.: Норма, 2002, № 8, с. 171-172. ISSN: 1605-6590.
112. ЗЕМСКОВ, В.А. Функции государственно-общественной власти: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Земсков Владимир Александрович; [Место защиты: Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний]. - Владимир, 2011. - 197 с.: ил. РГБ ОД, 61 11-12/923.
113. ЗОРЬКИН, В.Д. Основные ветви государственной власти: их разграничение и соотношение. В: *Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации*. - М.: Юрид. лит., 1990, с. 99-105.
114. ИВАНОВ, В.В. Принцип разделения властей в Конституции США 1787 года и Конституции Франции 1791 года: сравнительный анализ. В: *Государство и право*. - М.: Наука, 2000, № 12, с. 80-84. ISSN: 0132-0769.
115. ИВИН, А.А. *Средневековый стиль мышления и «нормальная наука: внешние ценности научной теории»*. В: *Исследования по логике научного познания*. - М., Наука, 1990, с. 18-30.
116. ИСАЕВ, И.А., ЗОЛОТУХИНА, М.Н. *История политических и правовых учений России*. - 2. изд., перераб. и доп. - Сер. Institutiones. - М., 2003. 415 с. ISBN: 5-7975-0637-8.
117. *История государства и права Республики Молдова: курс лекций*. / Под. Ред. Ротару М. Кишинев: Изд-во МЭА, 2009. 302 с. ISBN: 978-9975-75-451-4.
118. *История и философия науки и техники: Словарь для аспирантов и соискателей / науч. ред. Н. В. Бряник; отв. ред. О. Н. Томюк*. – Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо», 2016. 328 с. ISBN 978-5-9909482-2-8.
119. *История политических и правовых учений XIX века*/ Графский В.Г., Зорькин В.Д., Кобзев А.И., Лапшев Е.Г., и др.; Отв. ред.: Нерсисянц В.С.; Редкол.: Графский В.Г., Мамут Л.С., Мартышин О.В. - М.: Наука, 1993. 389 с. ISBN: 5-02-012985-2.
120. *История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общ. ред. акад. РАН, В. С. Нерсисянца*. - 4-е изд., перераб. и доп. -М.: Норма, 2004. 944 с. ISBN: 5-89123-748-2.
121. *История Республики Молдова. С древнейших времён до наших дней*. В: Ассоциация учёных Молдовы им. Н. Милеску-Спэтару, изд. 2-е, переработанное и дополненное. Кишинёв: Elan Poligraf, 2002. 360 с. ISBN: 9975-9719-5-4.
122. КАБЫШЕВ, В.Т. *С конституцией по жизни*. Избранные научные труды. - М.: Формула права, 2013. 320 с. ISBN: 978-5-8467-0081-9.

123. КАНТ, И. *Сочинения* в 6 т./ Под общей редакцией В.Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т.И. Ойзермана - М., Юридическая литература, 1964. Т.4. ч.2. 478 с.
124. КАНТ, И. *Критика чистого разума*. – Москва, 2018. 463 с. ISBN: 978-5-04-091830-0.
125. КАНТ, И. *Трактаты и письма*. - М.: Наука, 1980. 709 с.
126. КАШКИН, С.Ю. Центральный банк в системе власти и банковской системе. В: *Россия в XXI веке*. Сборник статей. - М.: Юстицинформ, 2003, с. 86-96. ISSN: 0869-8503.
127. КИВЛЕ, Г.А., СОМОВ, М.Д. Взаимоотношения парламента с главой государства. В: *Конституционное и муниципальное право*, 2011, № 11, с. 42 - 47. ISSN: 1812-3767.
128. КОВРЯКОВА, Е.В. Адогматический характер теории разделения властей. В: *Журнал Lex russica*, 2015, №5, с. 65-74. ISSN: 1729-5920.
129. Кодекс конституционной юрисдикции Республики Молдова № 502 от 16 июня 1995 года. В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 28.09.1995, № 53-54 (597); с измен. ЗП176 от 21.07.16, МО256-264/12.08.16 ст.559, В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 12.08.2016, № 256-264 (559). URL: // [http:// lex.justice.md/ru/366188/](http://lex.justice.md/ru/366188/) (дата обращения: 23.11.2018).
130. КОКОШКИН, Ф.Ф. *Лекции по общему государственному праву* / Под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. - М.: Зерцало, 2004. 260 с. ISBN: 5-8078-0106-7.
131. КОКОШКИН, Ф.Ф. *Русское государственное право в связи с основными началами общего государственного права*. - Москва: О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1908. 88 с.
132. КОМАРОВ, С.А., МАЛЬКО, А.В. *Теория государства и права: Учеб. -метод. пособие: Крат. учеб. для вузов* / С. А. Комаров, А. В. Малько. - М.: НОРМА: НОРМА - ИНФРА.М, 2001. 440 с. ISBN: 5-89123-313-4.
133. КОМАРОВА, В.В. Конституционная система власти России и принцип разделения властей. В: *Актуальные проблемы российского права*, 2017, № 9, с. 36-46. ISSN: 1994-1471.
134. КОМАРОВА, В.В. МАГОМЕДОВ, Ш.Б. *Глава государства, региона Российской Федерации* / Под общ. ред. Ю. А. Дмитриева. - М.: ОКТБ, 1999. 319 с.
135. КОНСТАН, Б. *Принципы политики, пригодные для всякого правления*. В: Французский классический либерализм / Пер. с фр. М. М. Федоровой. - Москва: Роспэн, 2000. 591 с. ISBN: 5-8243-0059-0.
136. *Конституции государств (стран) мира*. URL: // [http:// worldconstitutions.ru/](http://worldconstitutions.ru/) (дата обращения: 28.01.2018).

137. *Конституции государств Азии: в 3 т.* / Под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, Т. 3: Дальний Восток, 2010. 1040 с. ISBN: 978-5-91768-124-5.
138. *Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия: учеб. пособие* / Сост. Проф. В. В. Маклаков. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2006. 581 с. ISBN: 5-466-00138-4.
139. *Конституции зарубежных стран. Сборник официальных текстов Конституций.* / Под ред. Дубровина В.Н. - Москва: Юрлитинформ, 2008. 445 с. ISBN: 978-5-93295-408-9.
140. *Конституции стран Центральной и Восточной Европы* / Отв. ред.: Варламова Н.В.; Вступ. ст.: Страшун Б.А. - М.: МОНФ, 1997. 578 с. ISBN: 5-89554-004-X.
141. *Конституции стран СНГ и Балтии* / Под.ред. Михалевой Н. Конституции стран СНГ и Балтии. - М.: Манускрипт, 2007. 663 с. ISBN: 5-86095-083-3.
142. *Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов* / Под общ.ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л.М. Энтина. - М.: Норма, 2000. 819 с. ISBN: 5-89123-342-8, 5-86225-905-8.
143. *Конституционное (государственное) право зарубежных стран в 2т.* / Отв. ред. Б.А. Страшун. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Бек, 1996. 757 с. ISBN: 5-85639-123-3.
144. Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 года. Опубликована в: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, № 1 от 12 августа 1994 года.
145. Конституция Российской Федерации. (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г). В: Российская газета 25 декабря 1993, №237.
146. Конституция Румынии, принята на заседании Учредительного Собрания 21 ноября 1991 г. с изменениями, внесенными Законом Румынии № 429/2003 «О пересмотре Конституции Румынии», вступил в силу 29 октября 2003 г. URL: // [http:// worldconstitutions.ru](http://worldconstitutions.ru) (дата обращения: 23.12.2018).
147. КОРКУНОВ, Н.М. *Русское государственное право: Пособие к лекциям* / Н.М. Коркунов. - 8-е изд., Т. 1- Введение и общая часть. - Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1914. 402 с.
148. КОСОВ, Р.В. *Теория разделения властей: учеб. пособие. гос. техн. ун-т.* - Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2005. 80 с. ISBN: 5-8265-0428-5.
149. КОСТАКИ, Г. Гражданское общество как элемент построения правовой государственности. В: *Гражданское общество Молдовы: проблемы и перспективы: Междунар. науч.-практ. конф. Комрат: Furmanchevici I.I., 2011, с. 152-158.* ISBN: 978-9975-4190-1-7.

150. КОСТАКИ, Г. Роль конституции в построении правового государства и защиты прав человека. В: *Conceptul de dezvoltare a statului de drept in Moldova si Ucraina in contextul proceselor de eurointegrare*. Материалы международной научно-практической конференции. Кишинев: «Cetatea de sus», 2016, с. 68-76. ISBN: 978-9975-3264-3-8.
151. КОСТАКИ, Г. НОВРУЗОВ, В. *Демократические преобразования общества и власти в переходном периоде*. Кишинэу: Tipogr. Centrala, 2011. 392 с. ISBN: 978-9975-78-967-7.
152. КОСТАКИ, Г. НОВРУЗОВ, В. Демократия, как организация публичной власти и ее взаимоотношения с личностью. В: *Analele științifice ale Academiei „Ștefan cel Mare” a MAI al RM: Științe socio-umane*. Chișinău, 2009, № 9. с. 212-214. ISBN: 978-9975-930-94-9.
153. КОТЕНКОВ, А.А. *Конституционно-правовые основы, практика и проблемы повышения эффективности взаимодействия Президента РФ с Государственной Думой Федерального Собрания РФ в законотворческой сфере.*: дис. канд. юрид. наук. - Москва, 1998. 178 с.
154. КОУКЛИ, Д. Двухпалатность и разделение властей в современных государствах. В: *Политические исследования*, 2007, № 3, с. 147-168. ISSN: 1026-9487.
155. КРАСНОВ, М.А. «Нейтральная власть» Б. Констана и «президентский арбитраж» Ш. Де Голля. В: *Конституционное и муниципальное право*, 2017, № 6, с. 60-69. ISSN: 0132-0769.
156. КРАСНОВ, Ю.К. Принцип разделения властей в России: теория и практика. В: *Право и управление. XXI век*, 2005, №1. ISSN: 2073-8420. URL: // <https://mgimo.ru/files/33210/33210.pdf> (дата обращения: 12.08.2017)
157. КРЕЦУ, В. *Конституция – правовая основа защиты прав человека и построения правового государства в Республике Молдова*. URL: // [http:// www.enu.kz](http://www.enu.kz) (дата обращения: 12.08.2017)
158. КРУТОГОЛОВ, М.А. *Президент Французской Республики. Правовое положение*. - Москва: Наука, 1980. 336 с.
159. КРЫЛОВ, Б.С. Разделение властей: система сдержек и противовесов. В: *Журнал российского права*, 1998, № 12, с. 3-9. ISSN: 1605-6590.
160. КУЗАНСКИЙ, Н. *Сочинения* в 2-х томах. / Общ.ред. и вступит. статья З.А. Тажуризиной. - М.: Мысль, 1979. 488 с.
161. КУТАФИН, О.Е. *Глава государства*. - Москва: Проспект, 2013. 558 с. ISBN: 978-5-392-09063-1.
162. КЫРНАЦ, Т. Принцип разделения властей в Конституции Республики Молдова 1994 года. В: *Закон и Жизнь*, 2003, № 5, с.37-43. ISSN: 1810-3081.

163. ЛАЗАРЕВ, Б.М. Разделение властей и опыт советского государства. В: *Социалистическое правовое государство, проблемы и суждения*. – М.: Изд-во ИГиП АН ССР, 1989. с. 146-159.
164. ЛАЗАРЕВСКИЙ, Н.И. *Лекции по русскому государственному праву*: Т. 1. Конституционное право. - Санкт-Петербург: скл. изд. при кн. скл. «Право», 1908-1910. 479 с.
165. ЛАЙТЕР, А.В. Проблема реализации принципа разделения властей в условиях формирования правовой государственности в современной России. В: *Евразийский юридический журнал*, 2014, №11, с. 96-99. ISSN: 2073-4506.
166. ЛАФИТСКИЙ, В.И. *Основы конституционного строя США*. - М.: Норма, 1998. 267 с. ISBN: 5-89123-140-9.
167. ЛАФИТСКИЙ, В.И. Судебный надзор в США. В: *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правовед.* - М.: ИЗиСП, 2007, Вып. 1, с. 62-71. ISSN: 1991-3222.
168. ЛИПЕНЬ, С.В. *Теория разделения властей: конкретно-исторический смысл и современные трактовки*. - Минск, Изд-во БГУ, 2006. 348 с. ISBN: 978-985-485-822-7.
169. ЛОКК, Д. *Сочинения*: В 3 т.- Москва: Мысль, 1985/1985/1988, 621/560/668 с. ISBN 5-244-00084-5, 5-244-00085-3 (Том III).
170. ЛОКК, Д. *Два трактата о правлении*. Соч.: в 3 т. Т. 3. - М.: Мысль, 1988. 668 с. ISBN: 5-244-00085-3.
171. ЛЫСЕНКО, В.В. Гражданское общество: к вопросу правопонимания. В: *История государства и права*, 2009, № 23, с. 43-47. ISSN: 1812-3805.
172. ЛЮБАШИЦ, В.Я., МОРДОВЦЕВ, А.Ю., ТИМОШЕНКО, И.В. *Теория государства и права*. 3-е изд., доп. и перераб. — М.: Норма, 2014. 704 с. ISBN: 978-5-222-16162-3.
173. ЛЮТЕР, М. *О светской власти*. Избр. произведения. - СПб.: «Андреев и Согласие», 1994. 430 с. ISBN: 5-86939-004-4.
174. МАКАРОВ, О.В. Соотношение права и государства. В: *Государство и право*, - М.: Наука, 1995, № 5, с. 16-22. ISSN: 0132-0769.
175. МАКЛАКОВ, В.В. *Конституция Великобритании* (вступительная статья). В: *Конституция буржуазных государств*: Учеб. пособие / сост. Сост.: Маклаков В.В. - М.: Юрид. лит., 1982. 408 с.
176. МАЛЯРЧУК, О. Теория разделения властей: от традиции классической концепции к актуальным проблемам современности. В: *Materialelor Conferinlei științifice cu participare internațională «Traditie și inovare în în cercetarea științifică», ediție a X-a. 08 octombrie 2021. (в печати).*

177. МАЛЯРЧУК, О.А. Принцип разделения властей и система сдержек и противовесов как признаки правового государства. В: *Материалы МНПК «Яковлевские чтения. Государство и право: вопросы теории и практики*, 18-20 апреля 2019, с. 190-195. ISBN: 978-9975-330-6-9.
178. МАЛЯРЧУК, О.А. Органы конституционного контроля в государственном механизме в свете разделения властей. В: *Актуальные проблемы публичного права: вопросы теории и практики. Сборник материалов МНПК, Воронеж, Центральный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»*, 2019, с. 73-82.
file:///D:/%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D1%87%D0%BA%D0%B8/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA_21.05.2019.pdf.
179. МАЛЯРЧУК, О.А. Этапы развития концепции разделения властей: теоретико-правовой аспект и значение для развития современного государства. В: *«Legea și viața»*, 2019, № 11, с. 55-58. ISSN: 1810-309.
180. МАЛЯРЧУК, О.А. Современные формы публичной власти и их влияние на содержание принципа разделения властей. *Интеллектус*, 2019, с. 182-187. ISSN: 1857-0496.
181. МАЛЯРЧУК, О.А. Местное самоуправление в системе разделения властей. В: *Экономические, политические и правовые аспекты развития общества в современных условиях: Материалы VII Международной научно-практической конференции*, 2018, с. 364-368. ISBN: 978-9975-3253-8-7.
182. МАЛЯРЧУК, О.А., КОПТИЛЕЦ В. Единство и разделение властей в странах Содружества Независимых Государств: общее и особенное. В: *Revista națională de drept*, 2018, № 7-9, с. 26-32. ISSN: 1811-0770.
183. МАРКС, К., ЭНГЕЛЬС, Ф. *Сочинения*. – 2-е изд. – т. 6., - М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 761 с.
184. МАРТЫШИН, О.В. Конституция Российской Федерации 1993 г. как памятник эпохи. В: *Государство и право*, 2004, № 4, с.13-16. ISSN: 0132-0769.
185. МАРЧЕНКО, М.Н. *Проблемы теории государства и права: учебник* / Марченко М.Н. - Москва: Проспект, 2015. 757 с. ISBN: 978-5-392-17430.
186. МАТУЗОВ, Н.И., МАЛЬКО, А.В. *Теория государства и права: Учебник*. -М.: Юристъ, 2004. 512 с. ISBN: 5-7975-0269-0.
187. МАТЬЁ, Б. *Место президента Республики по французской институциональной системе: от текста к практике*. Политические институты России и Франции. Традиции и

- современность. Сб. науч. тр./ Отв. ред. Д. В. Ефременко Н.Ю. Лапина. М., 2014. 256 с. ISBN: 978-5-248-00756-1.
188. МИЙОН-ДЕЛЬСОЛЬ, Ш. *Политические идеи XX века*. - М.: Конкорд, 1995. 226 с. ISBN: 978-5-248-00756-1.
189. МЕДУШЕВСКИЙ, А.Н. Идея разделения властей: история и современность. В: *Социологический журнал*, 1994, №1, с. 53-69. ISSN: 1562-2495; URL: // <http://www.jour.isras.ru> › upload › journals › articles › submission › original (дата обращения: 27.01.2018)
190. МЕНЬШИКОВ, В.В. М. Вебер о власти. В: *Южно-российский журнал социальных наук*, 2012, №1, с. 41-48. ISSN: 1179-5629.
191. МИШИН, А.А. *Принцип разделения властей в Конституционном механизме США*. - М.: Наука, 1984. 190 с.
192. МИШИН, В. *Проблемы разделения властей в государстве в переходном периоде* (сравнительно-правовой анализ). Autoreferatul tezei de doctor în drept. Chişinău, 2004. 20 с.
193. МИШИН, С. К вопросу о соотношении гражданского общества и государства. В: *Правовые аспекты гражданского общества: реальность и перспективы*, Кишинэу, 2011, с. 220-226. ISBN: 978-9975-4190-1-7.
194. МОНТЕСКЬЕ, Ш. *О духе законов*. Избранные произведения. - М.: Госполитиздат, 1955. 803 с.
195. НАРУТТО, С.В., ТАЕВА, Н.Е., ШУГРИНА, Е.С. *Конституционное право России*: учебник. - 2-е изд. - Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2017. 430 с. ISBN: 978-5-369-01627-5.
196. Национальная стратегия развития «Молдова–2020», утвержденная законом № 166 от 11.07.2012, с изменениями от 03.07.14. В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 30.11.2012, №245-247 URL: // <http://lex.justice.md/viewdoc.php> (дата обращения: 27.01.2018).
197. Национальный План действий по внедрению Соглашения об ассоциации Республика Молдова - Европейский Союз на период 2014-2016 годы (Официальный монитор Республики Молдова, 2014 г., №297-309 (851)), с измен., утвержденными Постановлением Правительства Республики Молдова №713 от 12 октября 2015 г. В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 16.10.2015, № 281-290 (800). (дата обращения: 27.01.2018)
198. НЕРСЕЯНЦ, В.С. Правовое государство: история и современность. В: *Вопросы философии*, 1992, № 2, с. 3-19. ISSN: 0042-8744.

199. НЕРСЕЯНЦ, В.С. *Проблемы общей теории права и государства*, - М., Норма, 2004. 832 с. ISBN: 5-89123-361-4.
200. НИЖНИК, Н.С. Самоорганизация общества в социально-политическом дискурсе российского государства. В: Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе» – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2014, с. 15-25. ISBN: 978-5-91718-162-2.
201. НИКОЛЕНКО, А.Э. *Принципы разделения властей и единства государственной власти в конституционно-правовой доктрине и практике*: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 - Санкт-Петербург, 2006. 28 с.
202. ОВЧИННИКОВ, В.А. *Конституционный принцип разделения властей в современной России* (Проблемы теории и практики): Дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2002. 215 с.
203. ОКУНЬКОВ, Л.А. Правительство и Президент (в механизме государственной власти). В: *Журнал российского права*. - М.: Норма, 2001, № 2, с. 3-10.
204. ОКУНЬКОВ, Л.А. *Президент РФ, Конституция и политическая практика*. -Москва: Издательская группа «ИНФРА-М»: Норма, 1996. 234 с.
205. ОРИУ, М. *Основы публичного права*. - Москва: ИНФРА-М, 2013. 572 с. ISBN: 978-5-16-006118-4.
206. ОСАВЕЛЮК, А.М. *Конституционное (государственное) право зарубежных стран*. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 511 с. ISBN: 978-5-238-01716-7.
207. ОСЕТРОВ, С.А. Разделение власти: испытание временем. В: *Вестник СамГУ*, 2014, № 11-1, с. 155-163. ISSN: 2542-0445
208. Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 Мая 1949 г. с последующими изменениями и дополнениями от 20 Октября 1997 г. URL: // <http://worldconstitutions.ru/?p=155> (дата обращения: 23.12.2018).
209. *Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII–XIX вв.)*. – М., 2004. 226 с. ISBN: 5-9540-0006-9.
210. ПАХОМОВ, В.Г., ЧУРИЛОВ, С.Н. К вопросу об отношении к принципу разделения властей класиков марксизма. В: *История государства и права*, 2012, № 10, с. 17-20. ISSN: 1812-3805.
211. ПЕРЕНДЖИЕВ, А.Н. Проблемы реализации принципа разделения властей в современной России. В: *Теории и проблемы политических исследований*, 2012, № 1, с. 78-84. ISSN: 2223-5442.
212. ПИЛИПЕНКО, А.Н. Контроль деятельности исполнительной власти за рубежом. В: *Журнал российского права*, 1998, № 1, с. 197-206. ISSN: 1605-6590

213. ПЛАТОНОВ, В.М. Закон о конституционном собрании: каким ему быть? В: *Журнал Российского права*, 1999, № 7/8, с. 8-11.
214. ПЛЕВАКО, Л.В. Принцип разделения властей: история и современность. В: *Вестник МГТУ*, том 6, 2003, № 2, с. 335-339. ISSN: 1995-2732.
215. ПОЛИБИЙ. *Всеобщая история* в 40 кн. / пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. Т. 2. Кн. 6-25. СПб., 2005. 420 с. ISBN: 5-02-026901-8.
216. ПОЛЯНСКИЙ, И.А., КОМАРОВА, В.В. Реализация принципа разделения властей в Российской Федерации. В: *Государственная власть и местное самоуправление*, 2001, № 1, с. 33-36. ISSN: 1813-1247.
217. Постановление конституционной палаты РМ о толковании некоторых положений ст.94 ч.(2) и ст.102 ч.(3) Конституции Республики Молдова. / Hotărârea Curții Constituționale nr.14 din 18.03.1999 cu privire la interpretarea unor dispoziții din art. 94 alin. (2) și art. 102 alin. (3) din Constituția Republicii Moldova (Monitorul Oficial 31-32/24, 01.04.1999). <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
218. Постановление Конституционного Суда РМ о контроле конституционности Закона № 44-XVIII от 20 октября 2009 года «О внесении изменений в статью 4 Закона о статусе депутата Парламента № 39-XIII от 7 апреля 1994 года» и Постановления Парламента № 47-XVIII от 22 октября 2009 года «О совмещении отдельных должностей с мандатом депутата Парламента» (Жалоба 23а/2009-10-27). / Hotărârea Curții Constituționale nr. 9 din 08.04.2010 privind controlul constituționalității Legii nr.44-XVIII din 20 octombrie 2009 pentru modificarea art.4 din Legea nr.39-XIII din 7 aprilie 1994 despre statutul deputatului în Parlament și Hotărârii Parlamentului nr.47-XVIII din 22 octombrie 2009 privind cumularea unor funcții cu mandatul de deputat în Parlament (Monitorul Oficial 56-57/8, 20.04.2010). <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
219. Постановление Конституционного Суда РМ о толковании части (4) статьи 116 Конституции (Обращение № 32b/2011). / Hotărârea Curții Constituționale nr. 23 din 09.11.2011 privind interpretarea articolului 116 alin. (4) din Constituție. <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
220. Постановление Конституционного Суда РМ о контроле конституционности указов Президента Республики Молдова № 534-VII от 8 марта 2013 года об отставке Правительства, в части оставления в должности премьер-министра, отправленного в отставку резолюцией о вотуме недоверия (по подозрению в коррупции), с 8 марта 2013 года до формирования нового Правительства, и № 584-VII от 10 апреля 2013 года об утверждении кандидата на должность премьер-министра (Жалоба 10b/2013-04-11). / Hotărârea Hotărârea Curții Constituționale nr. 4 din 22.04.2013 pentru controlul

- constituționalității Decretelor Președintelui Republicii Moldova nr.534-VII din 8 martie 2013 privind demisia Guvernului, în partea ce ține de menținerea în funcție a Prim-ministrului-demis prin moțiuni de cenzură (pentru suspiciuni de corupție) din data de 8 martie 2013 până la formarea noului guvern, și nr.584-VII din 10 aprilie 2013 privind desemnarea candidatului pentru funcția de Prim-ministru. <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
221. Постановление Конституционного Суда РМ о контроле конституционности части (4) статьи 23 Закона № 317-XIII от 13 декабря 1994 года о Конституционном суде (Обращение № 17a/2013) (Жалоба 17a/2013-05-14). / Hotărârea Hotărârea Curții Constituționale nr. 6 din 16.05.2013 privind controlul constituționalității alineatului (4) al articolului 23 din Legea nr. 317-XIII din 13 decembrie 1994 cu privire la Curtea Constituțională. <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
222. Постановление Конституционного Суда РМ о контроле конституционности некоторых положений Закона № 64-XII от 31 мая 1990 года о Правительстве в редакции законов № 107 и № 110 от 3 мая 2013 года и указов Президента Республики Молдова № 634-VII и № 635-VII от 16 мая 2013 года и Постановления Правительства № 295 от 16 мая 2013 года (Обращение № 16a/2013) (Жалоба 16a/2013-05-14). / Hotărârea Hotărârea Curții Constituționale nr. 7 din 18.05.2013 privind controlul constituționalității unor prevederi din Legea nr. 64-XII din 31 mai 1990 cu privire la Guvern, în redacția Legilor nr. 107 și 110 din 3 mai 2013, și a Decretelor Președintelui Republicii Moldova nr. 634-VII și 635-VII din 16 mai 2013 și a Hotărârii Guvernului nr. 364 din 16 mai 2013. <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
223. Постановление Конституционного Суда РМ №21 от 25.07.2013 г. о контроле конституционности Постановления Парламента № 314 от 26 декабря 2012 года «Об освобождении от должности судьи Высшей судебной палаты» (Жалоба 2a/2013-02-20). / Hotărârea Hotărârea Curții Constituționale nr. 21 din 25.07.2013 pentru controlul constituționalității Hotărârii Parlamentului nr.314 din 26 decembrie 2012 privind eliberarea din funcție a unui judecător al Curții Supreme de Justiție. <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
224. Постановление Конституционного суда № 29 от 23.09.2013 г. о контроле конституционности Постановления Парламента №3 от 15 февраля 2013 года – о следственной комиссии в связи с происшествием в «Пăдуря Домнеаскă» (компетенция следственных комиссий Парламента). / Hotărârea Hotărârea Curții Constituționale nr. 29 din 23.09.2013 privind controlul constituționalității Hotărârii Parlamentului nr. 3 din 15 februarie 2013 referitoare la comisia de anchetă în cazul „Pădurea Domnească” (competența comisiilor parlamentare de anchetă). <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.

225. Постановление Конституционного Суда РМ о контроле конституционности некоторых постановлений Парламента, касающихся назначения и отзыва Генерального прокурора / Hotărârea Hotărîrea Curții Constituționale nr. 8 din 20.05.2013 pentru controlul Constituționalității unor hotărâri ale Parlamentului referitoare la numirea și revocarea Procurorului General. <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
226. Постановление Конституционного Суда РМ о толковании статьи 135 ч.(1) п.а) Конституции. / Hotărârea Hotărîrea Curții Constituționale nr. 9 din 14.02.2014 pentru interpretarea articolului 135 alin.(1) lit. a) din Constituția Republicii Moldova. <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
227. Постановление Конституционного Суда РМ №18 от 02.06.2014 о контроле конституционности Закона №109 от 3 мая 2013 года о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты (Закон о Конституционном суде и Кодекс конституционной юрисдикции) (статус судей Конституционного суда, полномочия Конституционного суда и конституционное судопроизводство) (Обращение № 34а/2014) (Жалоба 34а/2014-05-20). / Hotărârea Hotărîrea Curții Constituționale nr. 18 din 02.06.2014 pentru controlul constituționalității Legii nr. 109 din 3 mai 2013 pentru modificarea și completarea unor acte legislative (Legea cu privire la Curtea Constituțională și Codul jurisdicției constituționale) (statutul judecătorilor, competențele și procedura Curții Constituționale). <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
228. Постановление Конституционного суда № 20 от 04.06.2014 о контроле конституционности некоторых положений Регламента Парламента, принятого Законом №797-XIII от 2 апреля 1996 года (Обращения № 9а/2014, №11а/2014 и №28а/2014) (Жалоба 9а/2014-02-14, Жалоба 11а/2014-02-21, Жалоба 28а/2014-04-14). / Hotărârea Hotărîrea Curții Constituționale nr. 20 din 04.06.2014 pentru controlul constituționalității unor prevederi din Regulamentul Parlamentului, adoptat prin Legea nr. 797-XIII din 2 aprilie 1996. <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
229. Постановление Конституционного Суда РМ № 26 от 11.11.2014 о контроле конституционности некоторых положений, касающихся неприкосновенности судьи (2) (Жалоба 51а/2014-09-29). / Hotărârea Hotărîrea Curții Constituționale nr. 26 din 11.11.2014 pentru controlul constituționalității unor prevederi legale referitoare la imunitatea judecătorului (2). <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
230. Постановление Конституционного Суда РМ № 26 от 11.11.2014 о контроле конституционности некоторых положений, касающихся неприкосновенности судьи (2) / Hotărârea Hotărîrea Curții Constituționale nr. 26 din 11.11.2014 pentru controlul

- constituționalității unor prevederi legale referitoare la imunitatea judecătorului (2).
<https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
231. Постановление Конституционного Суда РМ №2 от 20.01.2015 г. о толковании ст.1 ч.(3) в сочетании со ст.69 и ст.70 Конституции Республики Молдова (неприкосновенность и прекращение мандата депутата) / Hotărârea Hotărîrea Curții Constituționale nr. 2 din 20.01.2015 pentru interpretarea articolului 1 alin. (3) combinat cu articolele 69 și 70 din Constituția Republicii Moldova (imunitatea și încetarea mandatului deputatului). <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
232. Постановление Конституционного Суда РМ №2 от 20.01.2015 г. о толковании ст.1 ч.(3) в сочетании со ст.69 и ст.70 Конституции Республики Молдова (неприкосновенность и прекращение мандата депутата) (Жалоба 6b/2014-02-06). / Hotărârea Hotărîrea Curții Constituționale nr. 2 din 20.01.2015 pentru interpretarea articolului 1 alin. (3) combinat cu articolele 69 și 70 din Constituția Republicii Moldova (imunitatea și încetarea mandatului deputatului).
<https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
233. Постановление Конституционного Суда РМ №11 от 13.05.2015 г. о контроле конституционности некоторых постановлений Правительства о принятии ответственности за проекты законов и законов, утвержденных Правительством путем принятия на себя ответственности (Жалоба 16a/2015-04-10, Жалоба 17a/2015-04-10). / Hotărârea Hotărîrea Curții Constituționale nr. 11 din 13.05.2015 privind controlul constituționalității unor hotărâri ale Guvernului privind angajarea răspunderii asupra unor proiecte de legi și a legilor adoptate prin angajarea răspunderii.
<https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
234. Постановление Конституционного Суда РМ № 32 от 29.12.2015 г. о контроле конституционности Указа Президента Республики Молдова № 1877-VII от 21 декабря 2015 об утверждении кандидата на должность Премьер-министра. (Жалоба 59a/2015-12-28). / Hotărârea Hotărîrea Curții Constituționale nr. 32 din 29.12.2015 pentru controlul constituționalității Decretului Președintelui Republicii Moldova nr. 1877-VII din 21 decembrie 2015 privind desemnarea candidatului pentru funcția de Prim-ministru.
<https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
235. Постановление Конституционного Суда РМ № 21 от 24.06.2015 г. о толковании ст.69 ч.(2), ст.70 ч.(1), ст.99 и ст.100 Конституции Республики Молдова (Жалоба 1b/2015-01-26). / Hotărârea Hotărîrea Curții Constituționale nr. 21 din 24.06.2015 privind interpretarea articolelor 69 alin. (2), 70 alin (1), 99 și 100 din Constituția Republicii Moldova. <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.

236. Постановление Конституционного Суда РМ № 7 от 4 марта 2016 года о контроле конституционности некоторых положений Закона № 1115-XIV от 5 июля 2000 года о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Молдова (порядок избрания Президента) (Обращение № 48b/2015) (Жалоба 48b/2015-11-12). / Hotărârea Hotărârea Curții Constituționale nr. 7 din 04.03.2016 privind controlul constituționalității unor prevederi ale Legii nr. 1115-XIV din 5 iulie 2000 cu privire la modificarea și completarea Constituției Republicii Moldova. <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
237. Постановление Конституционного Суда РМ №16 от 18.05.2016 об исключительном случае неконституционности ч.(4) ст.10 Закона № 151 от 30 июля 2015 года о Правительственном представителе (Жалоба 29g/2016-03-24). / Hotărârea Hotărârea Curții Constituționale nr. 16 din 18.05.2016 privind excepția de neconstituționalitate a articolului 10 alin. (4) din Legea nr. 151 din 30 iulie 2015 cu privire la Agentul guvernamental (accesul la informație). <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
238. Постановление Конституционного Суда РМ №34 от 13.12.2016 г. о подтверждении результатов выборов и признании действительным мандата Президента Республики Молдова (обращение № 139e/2016) (Жалоба 139e/2016-11-21). / Hotărârea Hotărârea Curții Constituționale nr. 34 din 13.12.2016 privind confirmarea rezultatelor alegerilor și validarea mandatului de Președinte al Republicii Moldova. <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
239. Постановление Конституционного Суда РМ № 7 от 4 марта 2016 года о контроле конституционности некоторых положений Закона № 1115-XIV от 5 июля 2000 года о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Молдова (порядок избрания Президента) (Обращение № 48b/2015). / Hotărârea Hotărârea Curții Constituționale nr. 7 din 04.03.2016 privind controlul constituționalității unor prevederi ale Legii nr. 1115-XIV din 5 iulie 2000 cu privire la modificarea și completarea Constituției Republicii Moldova. <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
240. Постановление Конституционного Суда РМ № 29 от 28.10.2016 г. об исключительном случае неконституционности некоторых положений п.34 Приложения № 3 к Постановлению Правительства № 360 от 25 июня 1996 года о государственном контроле за качеством в строительстве (компетенция Правительства по установлению санкций) (Обращения № 73g/2016 и 125g/2016). / Hotărârea Hotărârea Curții Constituționale nr. 29 din 28.10.2016 privind excepția de neconstituționalitate a unor prevederi din pct.34 al Anexei nr.3 la Hotărârea Guvernului nr. 360 din 25 iunie 1996 cu privire la controlul de stat al calității în construcții. (competența Guvernului de a reglementa sancțiuni). <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.

241. Постановление Конституционного Суда РМ № 2 от 24.01.2017 г. о толковании положений ст. 98 ч.(6) Конституции Республики Молдова (совместное решение при кадровых перестановках в Правительстве). (Обращение №5b/2017). / Hotărârea Hotărârea Curții Constituționale nr. 2 din 24.01.2017 pentru interpretarea prevederilor articolului 98 alin. (6) din Constituția Republicii Moldova (codecizia la remanierea guvernamentală). <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
242. Постановление Конституционного Суда РМ № 28 от 17.10.2017 о толковании положений ст. 98 ч. (6) в сочетании со ст. 1, ст. 56, ст. 91, ст. 135 и ст. 140 Конституции Республики Молдова (неисполнение конституционных обязанностей со стороны Президента) (Обращение № 124b/2017. / Hotărârea Hotărârea Curții Constituționale nr. 28 din 17.10.2017 pentru interpretarea prevederilor articolului 98 alin. (6) în coroborare cu articolele 1, 56, 91, 135 și 140 din Constituție (neîndeplinirea obligațiilor constituționale de către Președinte) (Sesizarea 124b/2017-09-19). <https://www.constcourt.md/ccdocs.php?l=ro>.
243. Постановление Парламента Республики Молдова №30-XVIII от 4 марта 2010 года об освобождении от должности Председателя Высшей судебной палаты. В: *Monitorul Oficial*, 2010, № 68-69/10.
244. Постановление Парламента Республики Молдова №5 от 16 марта 2010 года о контроле конституционности ст.10 ч. (3) Закона № 1234-XIV от 22 сентября 2000 года О процедуре избрания Президента Республики Молдова в редакции Закона № 49-XVIII от 30 октября 2009 года. В: *Monitorul Oficial*, 2010, № 39-40/5.
245. *Правительство Российской Федерации*. / Под ред. Хабриевой Т.Я. Ин-т законодательства и сравнит.правоведения при Правительстве РФ. - М.: Норма, 2005. - 607с. ISBN: 5-89123-973-6.
246. ПУШКАШ, В. Конституционное правосудие в становлении Республики Молдова как правового государства. В: *Конституционное правосудие*, 2004, № 4, с. 89-91. ISBN: 9975-78352-X.
247. ПЫРЦАК, Г., ПАСКАЛУ, И. Реализация принципа разделения властей. В: *Наше право*, 2015, № 2, с. 17-20.
248. Решение Конституционного Суда Республики Молдова № 96 от 06-08-2020 о недопустимости уведомления № 31b/2020 о толковании положений статей 77 и 86 во взаимосвязи со статьями 2, 6, 96 и 101 Конституции (*полномочия Президента Республики Молдова в области внешней политики*). Curtea constituțională Decizie Nr. 96 din 06-08-2020 de inadmisibilitate a sesizării nr. 31b/2020 privind interpretarea prevederilor articolelor 77 și 86 coroborate cu articolele 2, 6, 96 și 101 din Constituție

(atribuțiile Președintelui Republicii Moldova în domeniul politicii externe). В: *Официальный вестник* от 18-09-2020 No. 235-239 ст. 143.

249. *Разделение властей*: Учеб.пособие / Алехин А.П., Бережков А.Г., Кирсанова Н.В., Клименко В.В., и др.; Отв. ред.: Марченко М.Н. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд-во МГУ, Юрайт-Издат., 2004. <https://scicenter.online/prava-gosudarstva-teoriya-kniga-scicenter/razdelenie-vlastey-ucheb-posobie-izd-pererabi.html>.
250. РАЙЛЯН, П. Роль конституционного контроля в реализации принципа разделения и взаимодействия властей в Республике Молдова. В: *Закон и жизнь*, 2013, №4, с. 21-25. ISSN: 1810-3081.
251. РАЙЛЯН, П. Роль и значение судебной власти в системе разделения властей. В: *Закон и жизнь*, 2010, №11, с. 18-23. ISSN: 1810-3081.
252. РОМАНЕНКО, В.Б. Проблемные вопросы теории разделения властей в Российской Федерации. В: *Право и государство: теория и практика*, 2012, № 7, с. 20-23. ISSN: 1815-1337.
253. РОМАШОВ, Р.А. Формирование теории разделения властей XVII-XIXв. В: *Вестник Санкт-Петербургского Университета*, 1995, серия 6, №3, с. 100-101. ISSN: 1560-1390.
254. РУСО, Ж.Ж. *Об общественном договоре или принципы политического права*. Трактаты / Пер. с фр. - М.: КАНОН-прес, Кучково поле, 1998. 416 с. ISBN: 5-87533-113-5.
255. САИДОВ, А.Х. *Общепризнанные права человека*: Учеб. пособие / Акад. правовой ун-т. - М.: МЗ Прес, 2002. 267 с. ISBN: 5-94073-034-5.
256. САЛМИН, А.М. *Российская Федерация и федерация в России в пределах права*. В: *Современная российская политика: курс лекций*. / Под ред. В. Никонова. - М.: ОЛМА-Прес, 2003. 222 с. ISBN: 5-224-03298-9.
257. САЛМИН, А.М. О некоторых проблемах самоопределения и взаимодействия исполнительной и законодательной власти. В: *Полис*. Политические исследования, 1996, №1, с. 7-32. ISSN: 1026-9487.
258. САМУЭЛЬ, ФОН ПУФЕНДОРФ. О происхождении и прогрессе науки естественного права. В: *Этическая мысль*, 2017. Т. 17, № 1, с.136-149. ISSN: 2074-4870.
259. САФОКЛОВ, Ю.И. Разделение властей: вымыслы и реальность принцип разделения властей: история, заблуждения, вызовы современности. В: *Сравнительное конституционное обозрение*, 2012, № 6, с. 96-108. ISSN: 1812-7126.

260. САФТА, М. *Разделение властей в условиях государственной и конституционной лояльности*. Юридическая Трибуна, 2013, том 3, выпуск 1. URL: // <https://ssrn.com/abstract=2292312> (дата обращения 14.06.19).
261. САХАРОВ, Н.А. Институт президентства в современном мире. - М.: Юрид. лит., 1994. 175 с. ISBN: 5-7260-0713-1.
262. Современные проблемы организации публичной власти / Отв. ред. С.А. Авакьян. Коллективная монография. - М.: Юстицинформ, 2014. 596 с. ISBN: 978-5-7205-1260-6.
263. СОКОЛОВ, В.М. *Принцип разделения властей: особенности и проблемы российской государственно-правовой модели*: автореферат дис. ... к.ю.н. - Москва, 2011. 28 с.
264. СПЕНСЕР, Г. *Личность и государство* / Пер. М.Н. Тимофеевой; Под ред. В.В. Битнера. - Санкт-Петербург, 1908. 84 с.
265. СТАНСКИХ, С.Н. Избирательная власть как ветвь государственной власти: к постановке проблемы. В: *Конституционное и муниципальное право*, 2004, № 1, с.16-19. ISSN: 1812-3767.
266. СТРАШУН, Б.А. *Конституционное (государственное) право зарубежных стран*. Т. 1-2. -М.: Издательство БЕК, 1996. 784 с. ISBN:5-85639-123-3.
267. ТИХОМИРОВ, Ю.А. Развитие теории конституционного права. В: *Государство и право*, 1998, №7, с. 5-13. ISSN: 0132-0769.
268. ТРЕТЬЯК, И.А. Механизм сдержек и противовесов как способ предупреждения и разрешения конституционно-правовых конфликтов: сравнительно-правовой аспект. В: *Правоприменение*, 2018, № 4, с. 43-50. ISSN: 2542-1514.
269. УПОРОВ, И.П. Трансформация принципа разделения властей и всеобщности избирательного права как признак угасания эпохи буржуазных государств. В: *Современная научная мысль*, 2015, № 1, с. 129-137. ISSN: 2308-264X.
270. *Федералист*: Полит.эсе А. Гамильтона, Д. Мэдисона и Дж. Джея / Под общ. ред. и с предисл., с. 5-27, Н. Н. Яковлева - М.: Прогрес: Литера, 1993. 590 с. ISBN: 5-01-003319-4.
271. ФИХТЕ, И.Г. *Основа естественного права согласно принципам наукоучения* / пер. снем. А. К. Судаков. - Москва: Канон+, 2014. 391 с. ISBN: 978-5-88373-401-3.
272. ФИХТЕ, И.Г. *Сочинения*. в 2-х томах. - СПб. Мифрил, 1993. Т.1. 687 с. Т.2. 798 с. ISBN: 5-86457-003-6 (т.1); ISBN: 5-86457-004-4 (т.2).
273. ХАФИЗОВ, А.А. *Разделение властей в унитарном и федеративном государстве*: историко-правовое исследование: автореферат дис. ... к.ю.н. - Казань, 2014. 26 с.
274. ХУДОЛЕЙ, К. *Конституционное право зарубежных стран СНГ и Балтии*. Учебник. Кнорус, 2021 г. 242 с. ISBN: 978-5-406-08405-2.

275. ХУТИНАЕВ, И.Д. *Институт президента и проблемы формы государства*. - Рос.акад. управления, Центр государства и права. - М.: Луч, 1994. 39 с.
276. ЧЕБОТАРЕВ, Г.Н. *Принцип разделения властей в государственном устройстве Российской Федерации* - Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1997. 217 с. ISBN: 5-88081-054-2.
277. ЧЕБОТАРЕВ, Г.Н. *Принцип разделения властей в конституционной системе Российской Федерации*: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - Екатеринбург, 1998. 40 с.
278. ЧЕБУРАНОВА, С.Е. *Соотношение ветвей власти: опыт государств на постсоветском пространстве*. URL: // [http:// www.rusnauka.com](http://www.rusnauka.com). (дата обращения 10.05.2019).
279. ЧЕБЫКИНА, Н.Р. *Центральный банк Российской Федерации как орган государственной власти в денежно-кредитной и банковской сфере*: финансово-правовое исследование: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. - Омск, 2006. 23 с.
280. ЧЕПУРНОВА, Н.М. Сущность и содержание конституционного принципа разделения властей в Российской Федерации. В: *Вестник Московского университета МВД России*, 2019, №2, с. 86-94. ISSN: 2073-0454.
281. ЧЕРКАСОВ, А.И. *Глава государства и правительство в странах современного мира*: конституционно-правовые регулирования и практика. - Москва: Экзамен, 2006. 221 с. ISBN: 5-472-01173-6.
282. ЧИРКИН, В.Е. Публичная власть в современном обществе. В: *Конституционное и муниципальное право*, 2013, № 4, с. 12-15. ISSN: 812-3767.
283. ЧИРКИН, В.Е. *Глава государства*. Сравнительно-правовое исследование. Ин-т государства и права РАН. - Москва: Норма, 2010. 239 с. ISBN: 978-5-91768-090-3.
284. ЧИРКИН, В.Е. *Контрольная власть*. Ин-т государства и права РАН, Акад. правовой ун-т - Москва: Юристъ, 2008. 214 с. ISBN: 978-5-7975-0932-5.
285. ЧИРКИН, В.Е. Президентская власть. В: *Государство и право*. М.: Наука, 2007, № 5, с. 15-23. ISSN: 0132-0769.
286. ЧИРКИН, В.Е. Российская Конституция и международный опыт. В: *Государство и право*, 1998, № 12, с. 26-29. ISSN: 0132-0769.
287. ЧИЧЕРИН, Б.Н. *Общее государственное право* /под ред. В. А. Томсинова. - Москва: Зерцало, (М.: Типография Наука), 2006. 505 с. ISBN: 5-8078-0132-6.
288. ШМИТТ, К. *Государство и политическая форма* / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. - Москва: Изд. дом Гос. ун-та - Высш. шк. экономики, 2010. 270 с. ISBN: 978-5-7598-0741-4.

289. ЭБЗЕЕВ, Б.С. *Конституция. Правовое государство. Конституционный суд: учебное пособие для вузов.* – М.: Закон и право, Юнити, 1996. 349 с.
290. ЭНТИН, Л.М. *Разделение властей: опыт современных государств* - М.: Юрид. лит., 1995. 174 с. ISBN: 5-7260-0776-X.
291. ЭСМЕН, А. *Основные начала государственного права, Т. II* / пер. с франц. Н. Кончевской, под ред. и с предисл. М. М. Ковалевского. - М.: Изд. Солдатенкова, 1899. 407 с.

С. БИБЛИОГРАФИЯ НА АНГЛИЙСКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

292. ACKERMAN, B. The New Separation of Powers. In: *Harvard Law Review*. Vol. 113. 2000, №. 3, p. 633-729. ISSN: 0017-811X.
293. ADAMS, J. *The Book of Abigail and John*. Selected Letters of the Adams Family 1762-1784. Ed. by L.H. Butterfield. Cambridge (MA): Belknap Press of Harvard University Press, 1975. 411 p.
294. ADAMS, J. *The Political Writings of John Adams*. Ed. by G.W. Carey. Washington (D.C): Regnery Publishing, 2000. 614 p.
295. ADAMS, J. The Works of John Adams, Second President of the United States: with a Life of the Author, Notes and Illustrations, by his Grandson Charles Francis Adams (Boston: Little, Brown and Co., 1856). 10 volumes. Vol. 9.21.10.2019. URL: <https://oll.libertyfund.org/titles/2107> (date of issue 6.07.2019).
296. ARMINVON, B. Constitutional Principles for Europe. In: *Principles of European Constitutional Law* / Ed. Armin von Bogdandy and Jürgen Bast, 2d ed., Hart Publishing, 2011, p. 14-15. ISBN 10: 9781847315502.
297. BENWELL, R. The Separation of Powers / R. Benwell, O. Gay. In: *Library House of Commons*. URL: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06053/SN06053.pdf> 8 (date of issue 6.07.2019).
298. BURDEAU, G. *L'Etat*. P., 1970. 577 p.
299. BURDEAU, G. *Traité de science politique, t. VI, L'Etat libéral et les techniques politiques de la démocratie gouvernée, vol. I, Les assises intellectuelles et sociales de l'Etat libéral, vol. II, Le fondement constitutionnel et les formules gouvernementales de la démocratie gouvernée*, 2- éd. *Revue internationale de droit comparé*. 224 p. ISBN: 9782757814840. URL: <https://www.persee.fr/collection/ridc>(date of issue 6.07.2019).
300. CALVIN, J. *Commentaires de Jean Calvin sur le Nouveau Testament*. T. 1. Toulouse, 1892. 763 p.

301. CARRILLO, D.A. California Constitutional Law: Separation of Powers / D.A. Carrillo, D.Y. Chou. In: *University of San-Francisco Law Review*, 2010. Vol. 45, p. 655-688.
302. DEUTSCH, K. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. New York, 1963. 316 p.
303. DUGUIT L. Manuel de Droit Constitutionnel. Paris, 1918. p. 158.
304. DUGUIT L. *Traite de Droit Constitutionnel*. Vol.2. La Theorie Generale de l'Etat. Paris, 1923, p. 541.
305. ESMEIN, A. *Elements de Droit Constitutionnel Francais et Compare*. Paris: L. Larose & L. Tenin, 1909. 1154 p.
306. FORMERY S.L. La Constitution commentee article par article. 15-eme ed. P., 2012. 176 p. ISBN: 2010201477.
307. GRESSMAN, E. Separation of Powers: The Third Circuit Dimention. In: *Seton Hall Law Review*, 1989, №3, p. 35-51.
308. HAURIOU, M. *Precis de Droit Constitutionnel*. Paris: Librairie du Recueil Sirey, 1929. 625 p.
309. HUNTIGTON, S.P. *Political Order in Changing Societies*, Yale Univ. Press, New Haven, 2006. 488 p. ISBN: 5-898-26-194-X.
310. KORDEVA, M. *Le principe de la separation des pouvoirs en droit allemand: etu de doctrinale et jurisprudentielle*. Institut de recherches Carré de Malberg, 2014. URL: // <http://www.theses.fr/2014STRAA033> (date of issue 6.07.2019).
311. LOEWENSTEIN, K. The Balance between Legislative and Executive Power: a Study in Comparative Constitutional Law. In: *Chicago Law Review*, 1938, № 5, p. 566-668.
312. MAEVA, M. Separation of Powers in the Early National Period In: *William and Mary Law Review* (Volume 30, 1989).
313. **MALYARCHUK, O. The head of state «neutral» power: conceptual basis. In: «Development Through Research and Innovation – 2021», international scientific conference (2; 2021; Chisinau). August 27th, Chisinau, Republic of Moldova: – Chişinău: ASEM, 2021. – P. 147-150. ISBN 978-9975-155-54-0 (PDF).**
314. MARSHALL, W.P. Abstention, Separation of Powers, and Recasting the Meaning of Judicial Restraint. In: *Northwestern University Law Review*, 2013. Vol. 107, № 2. ISSN: 0029-3571 URL: // <https://www.questia.com/library/journal/1P3-3007057141/abstention-separation-of-powers-and-recasting-the> (date of issue 07.07.2019).
315. MONTESQUIEU, LOUIS, B: *De l'Esprit des Lois*. Edited by J. Brette de la Gressaye. Paris, 1950. 395 p. ISBN: 978-2-0812-7984-1.

316. MORAR, D., COSTINESCU, M. The principle of separation and balance of State powers in the case-law of the Constitutional Court of Romania. In: *Materials of the international conference*, June 9-10, 2016, Kyrgyz Republic. Published with support from the European Union's project «Promoting the Rule of Law in the Kyrgyz Republic. URL: // <http://constpalata.kg/wp-content/uploads/2017/03/Doklad-Konferentsii-web.pdf>. (date of issue 6.07.2019).
317. MOSCA G. *Die herrschende Klasse: Grundlagen der politischen Wissenschaft*. Bern: Verlag A. Franke, 1950. 404 p.
318. ORLANDO, V. *Scritti Varii di Diritto Pubblico e Scienza Politica*. Milano: A. Giuffre, 1940. 417 p.
319. POLLARD, A.F. *The Evolution of Parliament*, 2d ed. rev., Russell and Russell, New York, 1964. 459 p.
320. SCHMITT, C. *Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus*. Munchen und Leipzig: Dunker und Humbolt, 1923. 90 p. ISBN: 3428013301.
321. SHUGART, M. CAREY, J. President and Assemblies. In: *Constitutional Design and Electoral Dynamics*. Cambridge, 1992. 272 p. ISBN: 0521 41962X.
322. SHUGART, M. Executive-Legislative in Post-Communist Europe. In: *Transitio*, 1996. Vol. 2, № 25, p. 6-11.
323. SIEGAN, B. Separations of Powers and other Divisions of Authority under the Constitution. In: *Suffolk University Law Review*, 1989, № 1, p. 1.
324. SWEET A.S. The Birth of Judicial Politics in France: The Constitutional Council in Comparative Perspective. In: *Oxford University Press*, New-York, 1992. 92 p. ISBN: 0-19-507034-8.
325. SWEET A.S. Governing with Judges: Constitutional Politics in Europe. In: *Oxford University Press*, 2002. 246 p.
326. TANASE, G. *Powers' Separation Inside the State* (Great Britain, United States of America, France, Romania). Bucharest. Scientific Press, 1994. 318 p. ISBN: 973-44-0135-1.
327. The Federalist. In: No. X in *the New York Daily Advertiser*. Serial and Government Publications Division, Library of Congress (6.7a, b), 1787, p. 2.
328. WILSON, W. *Constitutional Government in United States*. N.Y., Ed.: Link A.S. et al, 1908. Vol. 1-69, p. 99-100, 108, 120-121.

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Я, нижеподписавшаяся, настоящим заявляю о личной ответственности в том, что материалы, представленные в докторской диссертации, являются результатом моих собственных исследований и научных достижений. Я признаю, что в противном случае я буду нести ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Малярчук Оксана _____2022.

Curriculum vitae

Личная информация

Имя / Фамилия **Оксана Малярчук**

Адрес РМ, г. Тирасполь, ул. К. Цеткин 1/1, кв. 63
Телефон (+373) 77766117
E-mail oxmalyarchuk@mail.ru

Год рождения 08.01.1974
Пол женский
Семейное положение замужем

Официальное место работы / Сфера работы Приднестровский Государственный Университет им. Т. Г. Шевченко, юридический факультет, кафедра конституционного, административного и муниципального права/ старший преподаватель

Профессиональные навыки Преподаватель предметов: конституционное право, конституционное право зарубежных стран

Период 1991-1996 – учеба на дневном отделении юридического факультета Приднестровского Государственного Университета им. Т. Г. Шевченко

26.08.1996 - по настоящее время

2015-2017 г. – обучение в магистратуре Университета европейских политических и экономических знаний имени Константина Стере

2017-2019 г - обучение в докторате Университета европейских политических и экономических знаний имени Константина Стере

Занимаемая должность	Преподаватель-стажер, преподаватель, старший преподаватель
Профессиональные качества	Преподаваемые предметы: конституционное право зарубежных стран, конституционное право стран СНГ, конституционное право
Наниматель	Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Приднестровский Государственный Университет им. Т. Г. Шевченко»
Сфера деятельности	Научно-педагогическая деятельность в образовательном учреждении

	<u>Период</u>	<u>1991-1996</u>
Квалификация в дипломе		Юрист. Диплом серия ТВ-I 118809
Изученные дисциплины		Правоведение
Название ВУЗа		Приднестровский государственно-корпоративный Университет
	<u>Период</u>	<u>2015-2017</u>
Квалификация в дипломе		Магистр права по программе «Публичное право» Диплом серии МР № 000002595, рег.номер 617642761838

Разговорные языки русский, украинский, английский языки (разговорный).

Организационные качества Коммуникабельность, наличие управленческих навыков, организованность, дисциплинированность, профессиональная адаптация, адекватное реагирование на ситуацию, творческое мышление, нестандартный подход к решению вопросов.

Социальные качества	Ответственность, объективность, креативность, отзывчивость, пунктуальность, старательность.
Компетентность в работе на компьютере	Microsoft Word, Internet Explorer, Excel, Power Point.
Публикации	Автор около 40 научных и методических работ по юриспруденции. Член авторского коллектива по разработке учебных планов для специалистов, бакалавров и магистров права Член научно-методической комиссии юридического факультета ПГУ им. Т. Г. Шевченко